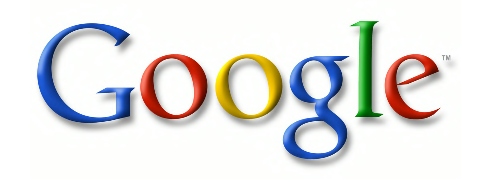
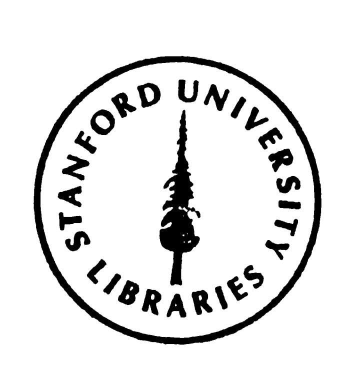
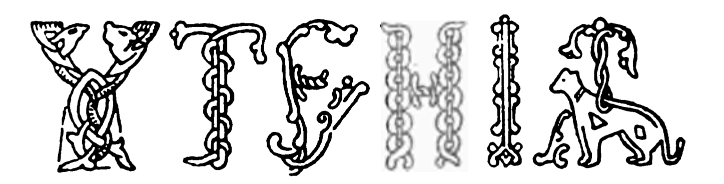



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича и М. Н. Ясинскаго.

КІЕВЪ.
Типографія **Т. Г. Мейнандеръ**, Трехсвятительская, № 14.
1900.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Председатель Общества *П. Лашкевичъ*.

Содержаніе XIV-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“.

Стран.

Отдѣлъ I.

---

*) Вып. 1-й.

**) Вып. 2-й

Отдѣлъ II.

---

*) Вып. 3-й.
**) Вып. 1-й.

Отдѣлъ III.

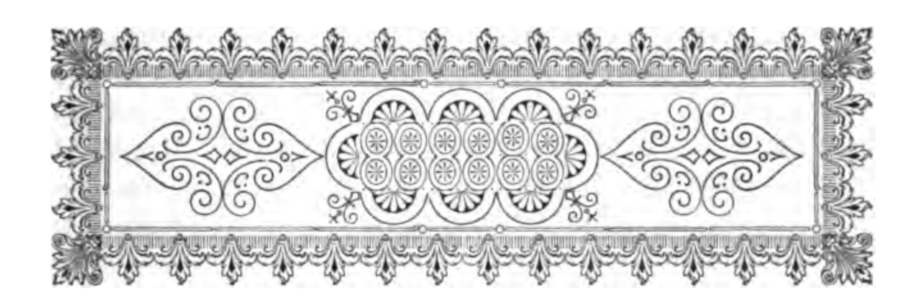
---

*) Вып. 2-й.
**) Вып. 3-й.
***) Вып. 1-й.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

*) Вып. 3-й.
**) Вып. 1-й.
***) Вып. 2-й.



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за апрѣль — октябрь 1900 г.

XI. Засѣданіе 23-го апрѣля.

а) Д. чл. О-цъ **Ѳ. И. Титовъ** представилъ разборъ вновь вышедшаго труда проф. Е. Е. Голубинскаго („Исторія русской церкви. Періодъ второй, Московскій“, т. II. М. 1900 г.) по исторіи русской церкви (напечатанъ въ IV отд. настоящаго выпуска).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе А. А. Дмитріевскій, В. З. Завитневичъ, А. М. Лазаревскій и М. Н. Ясинскій.

б) Д. чл. **А. И. Степовичъ** разсмотрѣлъ новые труды по исторіи сербо-хорватской литературы.

Книга г. Шурмина: „Povjest književnosti hrvatske i srpske“ (Исторія литературы хорватской и сербской. Загребъ, 1898 г., 316 стр.), въ извѣстной мѣрѣ восполняетъ собою давно уже сознававшійся пробѣлъ въ сербо-хорватской литературѣ, такъ какъ до появленія этой книги не имѣлось полнаго, удобочитаемаго, доведеннего до послѣднихъ лѣтъ, изложенія исторіи этой литературы; были только или давно уже составленные и потому устарѣвшіе, при томъ не всегда законченные, хотя все-таки очень дѣльные труды гг. Ягича (Historija knjizevno-

sti, Jihoslovane), Новаковича (Istorija srpske književnosti), или спеціальныя работы и монографіи, или учебники, каковы „Лекције“ Ж. Симича, „Crtice...“ Ив. Броза, „O poviesti hrvatske i srpske književnosti“ Ив. Шерцера, „Hrvati od Gaja do 1850“ Ив. Мильчетича и мн. др. Съ внѣщней стороны, книга Шурмина заслуживаетъ всяческой похвалы и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ удовлетворить даже взыскательнаго читателя; снимковъ и портретовъ приведено много, и сдѣланы они въ общемъ довольно отчетливо, иногда и изящно. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о внутренней сторонѣ книги. Читателя непріятно поражаетъ прежде всего извѣстная неравномѣрность изложенія, отсутствіе правильной исторической перспективы и точнаго сознанія дѣйствительныхъ размѣровъ и значенія той или другой писательской личности, того или другаго литературнаго явленія. Такъ, напримѣръ, на хорватскую литературу отведены 32—224 стр., а на сербскую—всего только 75 стр. (227—303), т. е. менѣе половины того, что досталось на долю хорватовъ... А между тѣмъ, если смотрѣть на дѣло безпристрастно, съ точки зрѣнія дѣйствительнаго положенія вещей, такое отношеніе должно быть признано ненаучнымъ и, по меньшей мѣрѣ, несправедливымъ: если ужъ дѣлать сопоставленіе между этими двумя вѣтвями одной литературы, то преимущество скорѣе должно быть отдано сербской литературѣ, которой принадлежитъ и самъ начинатель новаго сербо-хорватскаго періода, знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Да и вообще врядъ ли удобно и научно раздѣлять изложеніе сербской и хорватской литературы, т. е., двухъ частей одного цѣлаго, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ: вѣдь признаніе единства этихъ вѣтвей является важнѣйшимъ послѣдствіемъ долговременнаго сложнаго и полнаго различныхъ превратностей историческаго процесса, конечнымъ результатомъ, къ которому пришли лучшіе люди изъ сербовъ и хорватовъ, съ Даничичемъ и Рачкимъ во главѣ. Если коснуться частностей, то указанная, ничѣмъ не обоснованная неравномѣрность изложенія обнаружится, пожалуй, въ еще болѣе рѣзкой мѣрѣ. Напримѣръ,

извѣстный литературный „предтеча" Вука Караджича Досиѳей Обрадовичъ заслуживалъ бы болѣе глубокаго и тщательнаго изученія, чѣмъ то, которое мы находимъ на какихъ-то жалкихъ двухъ страницахъ (249—251); авторъ несправедливо приравниваетъ его къ такимъ, напримѣръ, сравнительно малоизвѣстнымъ и малоцѣннымъ писателямъ, какъ лирикъ Страхиміръ Краньчевичъ (218 — 219 стр.) или беллетристъ Евгеній Кумичичъ (210—211 стр.), или же хотя бы и болѣе ихъ извѣстный поэтъ и новеллистъ Милорадъ Шабчанинъ (288—290 стр.), На извѣстномъ славянскомъ писателѣ Антонѣ Рельковичѣ и боснійскомъ-Дивковичѣ авторъ остановился, правда, гораздо дольше, чѣмъ это сдѣлалъ, наприм., г. Пыпинъ въ своей книгѣ, но все-таки, подобно этому послѣднему, не счелъ нужнымъ подробнѣе остановиться на ихъ произведеніяхъ и ввести въ нихъ читателя; отсюда преобладаніе общихъ фразъ, какъ, впрочемъ, и вообще во всей книгѣ. Шурминъ не любитъ останавливаться долго на самыхъ литературныхъ произведеніяхъ; онъ ихъ обыкновенно беретъ какъ готовые историко-литературные факты, но не выясняетъ ихъ связи съ временемъ, отношенія къ нимъ общества, не вводитъ въ ихъ содержаніе и не дѣлаетъ соотвѣтствующихъ самостоятельныхъ оцѣнокъ... Особенно слабо, на мой взглядъ, сдѣлано изложеніе дѣятельности Славяно-сербской школы писателей, уложившееся — трудно новѣрить — всего на какихъ - нибудь 4 страницахъ (245 — 249); о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ этой школы, каковы Жефаровичъ, Кенгелацъ, Герасимъ Зеличъ, не сказано ни слова. Неполнота изложенія впрочемъ замѣтна и въ другихъ частяхъ книги; ни словомъ не упомянутъ, напр., Лазаревичъ Лазарь, авторъ любимой въ свое время драмы. „Владиміръ и Косара". Что касается литературы предмета, то русскіе труды, напримѣръ книги П. А, Ровинскаго, Т. Д. Флоринскаго, Радченка и др., остались автору совершенно неизвѣстны; не видно знакомства даже съ книгой А. Н. Пыпина.

XII. Засѣданіе 6-го мая.

По открытіи засѣданія г. Предсѣдатель сообщилъ о смерти (7-го апрѣля) почетнаго члена Общества, Л. Н. Майкова, вице-президента Императорской Академіи Наукъ.

Затѣмъ, послѣ вставанія въ честь усопшаго, Д. чл. **А. М. Лобода** посвятилъ свое чтеніе *„Памяти Л. Н. Майкова“* (напечатано во II-мъ вып. настоящей книги)

б) Д. чл. **Е. И. Де-Витте** сдѣлала докладъ объ *„Археологической находкѣ въ селѣ Ласковѣ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, въ 1610 гобу“* (напечатанъ во II-мъ вып. настоящей книги).

Къ этому докладу были сдѣланы нѣкоторыя дополненія и поясненія граф. П. С. Уваровой, В. Б. Антоновичемъ и Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ.

в) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ г. Талько-Гринцевича: *„Антропологія украинскихъ кургановъ“*.

Эта книга подъ заглавіемъ: „Przyczynek do poznania swiata kurganowego Ukrainy“ издана академіей наукъ въ Краковѣ въ 1899 году. Въ ней авторъ для своего антропологическаго изслѣдованія пользуется матеріаломъ, добытымъ въ разное время при раскопкахъ въ Юго-Западномъ краѣ кургановъ гр. Бобринскимъ и гг. Гамченномъ, Оссовскимъ, Радзиминскимъ, Самоквасовымъ, Хойновскимъ и друг.; матеріалъ этотъ добытъ изъ 157 кургановъ; сверхъ того авторъ пользовался черепами археологическаго музея Университета св. Владиміра (51 черепъ), Антропологическаго музея въ Москвѣ (21 черепъ) и друг. Всѣ добытые скелеты и черепа г. Талько-Гринцевичъ дѣлитъ по курганамъ на три отдѣла: 1, древніе — крашеные и скорченные — скелеты—45; 2, скиѳскіе—15 и 3, славянскіе (полянъ и древлянъ)—97.

Произведенныя авторомъ измѣренія дали слѣдующія цифры:

Ростъ	древніе . . .	1,73,1	высокій
	скиѳскіе . . .	1,72,7	
	славянскіе . .	1,67,2	— средній

Такимъ образомъ ростъ, значительный, уступаетъ развѣ Cro-Magnon (190).

Бедра и голени длинныя, но, сравнительно съ ними, туловище длиннѣе.

У нынѣшнихъ славянъ бедра 22½%, голени 25%. У древнихъ—36%, у скиѳскихъ—66% (краснокожіе, желтокожіе, полинезійцы).

Бедра (linea aspera)	древн. . .	36%
	скиѳ. . . .	16%
Tibia	древн. . .	41%
	скиѳ. . . ,	35%.

Вообще кости крупныя, крѣпкія и съ большимъ развитіемъ бугорковъ.

Древніе и скиѳскіе черепа объемомъ больше славянскихъ (длина-ширина, периферія). Указатели: древнихъ—76,7, скиѳскихъ—77,3 и славянскихъ—76; слѣд, — длинноголовые.

Черепа	длинные.	короткіе.	средніе.
древніе . .	71%	29%	„
скиѳскіе . .	43%	28½%	28½%
славянскіе .	96%	4%	„

Сличая эти цифры съ данными изслѣдованій гг. Богданова и Иностранцева о московскихъ курганахъ и древнихъ кладбищахъ XV—XVII вв., получимъ 19 длинныхъ, 54 короткихъ и 27 среднихъ; нынѣ исключительно въ сѣверной и южной Руси—короткіе черепа.

Лобъ узкій у древнихъ и скиѳскихъ, болѣе широкій у славянскихъ; лица широкія у древнихъ, болѣе узкія у скиѳскихъ и еще уже у славянскихъ. Носы и глазницы также узкіе.

г) Д. чл. **В. А. Кордтъ** ознакомилъ Общество съ коллекціей древнихъ картъ, присланныхъ на выставку XI-го Археологическаго съѣзда амстердамскимъ книгопродавцемъ

Мюллеромъ, но запоздавшихъ къ съѣзду; имъ были демонстрированы карты Южной Россіи, Крыма, Чернаго моря, Днѣпра, Волги и многія другія.

Въ настоящемъ засѣданіи г. Предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе присутствовавшихъ членовъ проектъ новой виньетки для изданій Общества, составленный д. чл. Г. Г. Павлуцкимъ. Опредѣлено: проектъ виньетки принять, г. Павлуцкому выразить благодарность и просить его составить краткое объясненіе виньетки (напечатано въ приложеніи къ протоколамъ).

XIII. Засѣданіе 24-го сентября.

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сдѣлалъ докладъ: *„Новоизданный византійскій памятникъ Х-го вѣка, съ упоминаніемъ о Руси“.*

Въ извѣстной серіи изданій Парижской Академіи, Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale, въ томѣ XXXVI, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1898 году, впервые изданъ одинъ анонимный византійскій трактатъ по военному дѣлу подъ заглавіемъ: *De castrametatione*. Текстъ этого памятника приготовленъ былъ къ изданію по нѣсколькимъ рукописямъ извѣстнымъ французскимъ эллинистомъ Гро (Graux), умершимъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Изданіе сдѣлано однимъ изъ его учениковъ Мартеномъ (Martin), который прибавилъ отъ себя только предисловіе, составленное въ общемъ по замѣткамъ покойнаго Гро. Памятникъ этотъ предполагалъ издать еще Газе, упомянувшій о немъ въ предисловіи къ своему изданію сроднаго трактата: *De velitatione bellica* (въ 1828 году.) Въ дополненіе къ литературнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ памятникѣ, референтъ отмѣтилъ, что его знали эллинисты стараго времени Меурзій и Дюканжъ: оба они въ своихъ лексиконахъ приводятъ цитаты изъ анонимнаго трактата *De castrametatione*, которыя можно найти въ текстѣ, изданномъ Гро—Мартеномъ. Знакомство съ этимъ

памятникомъ эллинистовъ стараго времени не было замѣчено ни Газе, ни Гро.—Памятникъ сохранился не только безъ имени автора, но и безъ общаго заголовка. Тотъ заголовокъ, подъ которымъ онъ теперь изданъ: Περὶ καταστάσεως ἀπλήκτου, т. е, *De castrametatione*, представляетъ собою начальныя слова заголовка первой главы. Онъ только приблизительно охватываетъ содержаніе памятника въ его цѣломъ и точнѣе соотвѣтствуетъ только первымъ десяти главамъ; дальнѣйшія десять трактуютъ объ арміи въ походѣ по вражеской землѣ, а содержаніе остальныхъ двѣнадцати главъ заключаетъ въ себѣ поученіе относительно осады вражеской крѣпости, фуражировокъ и нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ военнаго быта.

Въ противоположность трактату *De velitatione bellica* въ новоизданномъ памятникѣ нѣтъ указаній на историческія событія съ точной хронологической датой, нѣтъ упоминанія собственныхъ именъ историческихъ дѣятелей. Это обстоятельство существенно затрудняетъ вопросъ о хронологіи памятника. Гро пріурочилъ его къ Никифору Фокѣ, которому приписанъ въ самомъ заголовкѣ трактатъ *De velitatione bellica*, и призналъ въ немъ какъ бы дополненіе къ тому трактату. Референтъ считаетъ такую датировку вполнѣ неправильной и отстаиваетъ положеніе, что памятникъ этотъ принадлежитъ времени имп. Василія II, покорителя Болгаріи, и, въ частности, относится ко времени его четырехлѣтней непрерывной войны съ Болгарами, съ 991 по 995 годъ. Онъ составленъ опытнымъ генераломъ и имѣетъ характеръ общаго теоретическаго обзора важнѣйшихъ вопросовъ походной жизни и военныхъ предпріятій *на территоріи врага.* Театръ военныхъ дѣйствій, который авторъ наброска имѣетъ предъ глазами, есть Болгарія, хотя иногда приводятся указанія и на отношенія имперіи къ ея сосѣдямъ на восточной границѣ, т. е., Арабамъ. Роль императора въ военныхъ предпріятіяхъ, которыя имѣетъ въ виду авторъ, самая опредѣленная и видная: императоръ находится въ походѣ со своей арміей и самъ состоитъ ея главнокомандующимъ; отъ него происходитъ иниціатива предпріятій, онъ отдаетъ всѣ при-

казы и команду, онъ самъ непосредственно участвуетъ и въ ночныхъ нападеніяхъ на врага, и въ осадѣ вражескаго города, и въ форсировкѣ переправы черезъ рѣку или ущелье. Поминая о томъ, что дѣлаетъ императоръ, какія онъ отдаетъ приказанія и т. под., авторъ выражается въ повелительномъ наклоненіи и, такимъ образомъ, изложеніе получаетъ тонъ совѣтовъ и указаній. Вся эта обстановка войны подходитъ только ко времени Василія II и того, именно, времени, когда молодой еше императоръ зарабатывалъ свою военную славу.

Указавъ на принципы разбивки лагеря, какъ они изложены въ этомъ памятникѣ, референтъ отмѣтилъ нѣкоторыя черты, представляющіяся традиціей выработанныхъ еще древнимъ Римомъ военныхъ обычаевъ и установленій. Свидѣтельства трактата разсматриваемыя въ этомъ свѣтѣ, представляетъ обильный и интересный матеріалъ, который требуетъ подробнаго и детальнаго изученія. Въ заключеніе референтъ остановился на упоминаніи объ имени Руси—Ρὼς—въ нѣсколькихъ мѣстахъ трактата. Русскіе являются въ видѣ гвардейскаго отряда, состоящаго въ ближайшей свитѣ императора и сопутствующаго ему во всѣхъ его предпріятіяхъ. Извѣстный академикъ Васильевскій доказалъ въ своемъ изслѣдованіи о варяжской дружинѣ въ Константинополѣ (Жур. Мин. Нар. Прос. 1874, ноябрь), что начало существованія таковой восходитъ къ 989 году, когда русскій князь Владиміръ, въ силу особаго договора, послалъ Василію II русскій вспомогательный отрядъ въ 6 тысячъ человѣкъ, оказавшій своевременно въ высшей степени существенную помощь императору въ трудный періодъ его царствованія. Такимъ образомъ, присутствіе русской гвардіи въ лагерѣ императора уже само по себѣ является живымъ опроверженіемъ принятой Гро хронологіи памятника. Ни продолжительныхъ походовъ въ Болгарію не совершалъ имп. Никифоръ Фока, ни русской гвардіи при себѣ не имѣлъ и имѣть не могъ.—Кромѣ упоминанія о Руси въ видѣ дружины, въ одномъ мѣстѣ памятника (гл. 18) названа страна Ρωσία, какъ *сосѣдняя* съ имперіей,

на ряду съ землей Печенѣговъ и Турокъ (какъ звали въ Византіи Венгровъ). Такъ какъ въ X вѣкѣ Кіевскую Русь отдѣляли отъ Византіи Печенѣги, то *сосѣдство Россіи* можно, по мнѣнію референта, понять только такъ, что авторъ разумѣетъ Бѣлобережье, мѣсто скорбной зимовки Святослава. Херсонъ, составлявшій византійскую ѳему, т. е. провинцію, сближался съ Бѣлобережьемъ уже и потому, что главнымъ занятіемъ херсонцевъ въ ту пору былъ рыбный промыселъ, который дѣлалъ для нихъ интереснымъ и важнымъ устье Днѣпра. Если собственная ѳема Херсонъ и ограничивалась горнымъ Крымомъ, то рыболовные интересы превращали это относительное сосѣдство въ непосредственное.

б) Д. чл. **Н. П. Василенко** представилъ оцѣнку книги г. Н. Рожкова: „Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ".

Изслѣдованіе г. Рожкова основано на богатомъ, преимущественно архивномъ, матеріалѣ. Въ основу его положены писцовыя книги XVI вѣка, всесторонне изученныя авторомъ. Въ противоположность гг. Лаппо-Данилевскому и Миклашевскому, г. Рожковъ находитъ возможнымъ, при извѣстныхъ повѣркахъ, отнестись съ довѣріемъ къ цифрамъ писцовыхъ книгъ. Свои соображенія по этому поводу онъ высказалъ въ статьѣ „Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ", въ „Древностяхъ—трудахъ археографической коммиссіи Московскаго археологическаго общества" (т. І-й).

Основная мысль изслѣдованія г. Рожкова такова. Въ древней Руси господствовала система натуральнаго хозяйства; къ концу XVI вѣка замѣтны слѣды хозяйства денежнаго, при чемъ въ общемъ замѣчается упадокъ сельскаго хозяйства въ центральной Россіи и повышеніе его интенсивности на окраинахъ. Многія явленія государственной и общественной жизни древней Руси могутъ быть объяснены только господствомъ въ ней натуральнаго хозяйства; таковы, напр., происхожденіе помѣстной системы и сильное развитіе монастырскаго землевладѣнія. Природныя условія Московской

Руси XVI в. мало чѣмъ отличались отъ современныхъ. Больше было лѣсовъ, а отсюда и атмосферныхъ осадковъ. Центральная часть, около Москвы, уже въ XVI в. имѣла мало лѣсовъ, густота которыхъ усиливалась по направленію къ сѣверу и сѣверо-востоку. Въ степной окраинѣ лѣсовъ тоже было больше, чѣмъ теперь: встрѣчались дороги, которыя шли верстъ 40 лѣсомъ. Что касается климата и почвы, то въ этомъ отношеніи перемѣнъ не могло быть: почва теперь развѣ немного сдѣлалась болѣе тощей. Изучая технику сельско-хозяйственнаго производства въ XVI в., г. Рожковъ пришелъ къ заключенію, что до 60-хъ годовъ въ центрѣ и въ западномъ полѣсьѣ господствовала паровая система земледѣлія, которая къ концу столѣтія приходитъ въ упадокъ, смѣняется переложною. Въ другихъ частяхъ государства преобладала переложная система, за то въ этихъ мѣстностяхъ къ концу столѣтія замѣтенъ прогрессъ въ земледѣліи. Изъ орудій производства преобладающимъ, но не исключительнымъ, была соха; встрѣчался и плугъ. Сѣяли, такимъ образомъ, рожь, пшеницу, отчасти коноплю, ленъ, рѣже гречиху. Рабочимъ скотомъ была, большею частью, лошадь, хотя волъ въ XVI вѣкѣ занималъ въ сельскомъ хозяйствѣ еще довольно важное мѣсто. Скотоводство не играло видной роли въ сельскомъ хозяйствѣ. Барская запашка въ началѣ столѣтія имѣла небольшое распространеніе и увеличилась къ концу его; несвободный трудъ холоповъ встрѣчался въ началѣ столѣтія въ служилыхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, потомъ онъ перешелъ и въ другіе виды земельныхъ владѣній, кромѣ черныхъ земель. Запашка на дворъ и рабочаго въ теченіе столѣтія уменьшилась. Вездѣ господствовало мелкое хозяйство и оброчная система; барщина рѣдко примѣнялась. На окраинахъ встрѣчались старинныя формы сельскаго хозяйства—половничество и складничество. Въ теченіе XVI вѣка цѣнность рубля понизилась болѣе, чѣмъ въ $3^1/_2$ раза. Въ началѣ столѣтія тогдашній рубль стоилъ, приблизительно, 94 современныхъ намъ рубля; въ концѣ столѣтія—24—25 руб. Съ пониженіемъ цѣнности рубля поднялись цѣны на хлѣбъ;

цѣны же на скотъ и земли уменьшились. Обложеніе земли государственными налогами стало замѣтно и сдѣлалось тяжелымъ только къ концу столѣтія. Землевладѣльческій оброкъ въ теченіе XVI в. не увеличился, а даже уменьшился съ переводомъ натуральныхъ повинностей въ денежныя. Въ Московскомъ государствѣ XVI в., особенно во второй половинѣ его, начинаетъ уже зарождаться сельское мѣновое хозяйство. Рынки, по прежнему, разобщены, сельскохозяйственный обмѣнъ происходитъ, по преимуществу, на ярмаркахъ; перевозка очень дорога. Скупщики нѣсколько смягчаютъ эти явленія и облегчаютъ сельско-хозяйственный обмѣнъ. Мѣновое хозяйство замѣтнѣе въ окраинныхъ уѣздахъ. Въ XVI столѣтіи замѣчается отливъ населенія изъ центральныхъ областей на окраины, въ особенности на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Въ связи съ этой колонизаціей стоитъ улучшеніе сельско-хозяйственной техники на сѣверѣ и сѣверовостокѣ и упадокъ ея въ центрѣ. Всѣ эти явленія обусловлены постепеннымъ ростомъ помѣстнаго и крупнаго монастырскаго землевладѣнія, уничтоженіемъ черныхъ земель и сильнымъ сокращеніемъ служилаго вотчиннаго владѣнія.

Въ настоящемъ засѣданіи слушалось: письмо д. чл. О. А. Фотинскаго и докладъ д. чл. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго о результатахъ совершенной ими лѣтомъ этого года экскурсіи перваго по Волынской а второго по Кіевской съ цѣлью описанія памятниковъ древности для предполагаемаго изданія; „Древности Украины“.

Въ настоящемъ же засѣданіи въ члены *Ревизіонной Коммиссіи* избраны: Ю. А. Кулаковскій, О. И. Левицкій и Н. В. Стороженко.

XIV. Засѣданіе 8-го октября.

Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ,** въ сообщеніи: *„Центральные герои русскаго былеваго эпоса (кн. Владиміръ и Илья) въ древне-сѣверной сагѣ,“* указалъ на то, что въ ряду древнѣйшихъ данныхъ для исторіи нашего былеваго эпоса одно изъ

первыхъ мѣстъ должно принадлежать немногимъ скуднымъ упоминаніямъ о русскихъ былевыхъ герояхъ, сохранившимся въ германской сагѣ. Особо важно въ этомъ отношеніи древне-сѣверная Дидрикъ-сага. Наука довольно давно уже обратила вниманіе на упоминанія этой саги о Вальдемарѣ и Иліасѣ, но вопросъ о нихъ все еще не можетъ считаться порѣшеннымъ. Референтъ предложилъ нѣсколько своихъ соображеній касательно этихъ упоминаній и тѣхъ выводовъ, какіе можно изъ нихъ сдѣлать для исторіи русскаго эпоса.

Выдѣливъ изъ Дидрикъ-саги тѣ данныя, которыя наиболѣе важны въ этомъ отношеніи, референтъ попытался доказать, что сага могла имѣть въ виду лишь русскаго былевого Владимира, какъ образъ послѣдняго сложился въ нашемъ эпосѣ къ началу XIII в. Съ былевою личностью Владимира германская сага могла ознакомиться благодаря сношеніямъ нижне-германскихъ земель (ганзейскихъ городовъ) съ Сѣверо-западною Русью, преимущественно съ Новгородомъ, и передать русское сказаніе на Западъ могли торговые люди, или, что̀ еще вѣроятнѣе, нѣмецкіе Spielleute, въ періодъ отъ 30-хъ годовъ XIII-го вѣка до начала XIV-го.

Въ Вальдемарѣ и Иліасѣ съ полнымъ правомъ можно усматривать русскихъ былевыхъ героевъ. Владимиръ русскаго эпоса XIII в. подходилъ своею ролью къ Вальдемару Дидрикъ-саги. Илья, будущій Муромецъ, могъ уже тогда быть представляемъ, казъ герой богатырскаго хожденія въ Царьградъ, состоя въ посольствѣ, снаряженномъ, по разсказамъ нашихъ былинъ, Владимиромъ Кіевскимъ къ (Этмануйлу Этмануйловичу=Мануилу) Царь-градскому императору.

По поводу настоящаго доклада произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній между референтомъ и членами Т. Д. Флоринскимъ, Ѳ. Я. Фортинскимъ, В. З. Завитневичемъ и А. М. Лободой.

Послѣдній, между прочимъ, сказалъ, что знакомство на Западѣ съ русскимъ былевымъ эпосомъ само по себѣ, конечно, не представляетъ ничего невозможнаго, но это покамѣсть не болѣе. какъ предположеніе, которое мало подкрѣ-

пляется положительными данными. Допустимъ, что въ той средѣ, откуда вышелъ разбираемый эпизодъ Тидрекъ-саги, было знаніе топографіи древней Руси, основанное на точномъ знакомствѣ съ ней; но отсюда еще далеко до знакомства съ русскимъ былевымъ эпосомъ; иное дѣло, если бы можно было доказать, что топографическія данныя Тидрекъ-саги основаны на топографическихъ данныхъ былинъ; но вѣдь это допустить совершенно невозможно. Затѣмъ, если обратиться къ самому разсказу о Вальдемарѣ и Иліасѣ, то въ немъ найдемъ весьма мало совпаденій съ былевыми данными, и отношенія Иліаса и Вальдемара скорѣе могутъ напоминать то, что говорится въ лѣтописи о Владимирѣ и Добрынѣ. Въ сущности, какъ признался еще проф. Ягичъ, „русскаго въ разсказѣ Вилькина-саги *кромѣ именъ*, ничего нѣтъ", и придавать такое рѣшающее значеніе этимъ именамъ и упоминанію ихъ вмѣстѣ—трудно, пока самыя былины объ Ильѣ Муромцѣ не будутъ подвергнуты обстоятельному анализу[1]) и не будетъ установленъ первоначальный видъ ихъ, а также пока не будетъ установленъ первоначальный эпическій обликъ Ильи и не будетъ доказано, что къ XIII в. Илья уже опредѣлился, какъ самый замѣчательный богатырь русскій, опора Владимира; да и тогда останется еще устранить недоумѣніе по поводу того, почему сказанія объ Ильѣ, разносившіяся по всей Руси, отзывавшіяся даже на Западѣ, не отразились въ лѣтописяхъ, которыя, однако, не чуждались былевыхъ преданій и сохранили не мало упоминаній о другихъ богатыряхъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе А. М. Лободы, референтъ возразилъ, что знакомство германцевъ съ русскимъ бы-

---

[1]) Этотъ анализъ долженъ быть самостоятельнымъ, независимымъ отъ указанія саги, иначе мы будемъ вращаться въ кругѣ: для уясненія первоначальнаго былевого типа Ильи мы будемъ обращаться къ сагѣ, а данныя саги будемъ подтверждать данными былинъ, данными, не вполнѣ выясненными и опирающимися, въ свою очередь, на спорныя указанія саги, долженствующія стать безспорными, благодаря даннымъ былинъ, и т. д.

левымъ эпосомъ, конечно, устанавливается на основаніи такихъ упоминаній, какъ „Ilias von *Riuzzen*“, и такихъ памятниковъ какъ древне-сѣверныя саги, но эти данныя вполнѣ достаточны для такого утвержденія. Непонятно, почему отъ посѣщенія русскихъ земель германцами „еще далеко до знакомства съ русскимъ былевымъ эпосомъ“. Слѣды этого знакомства довольно ощутительны въ германскомъ эпосѣ, если собрать ихъ во-едино; они не ограничиваются лишь именами Ильи и Владимира, но состоятъ также въ совпаденіи нѣкоторыхъ основныхъ чертъ содержанія русскихъ былевыхъ сказаній и германскихъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія для обвиненія признающихъ это совпаденіе изслѣдователей въ томъ, что они вращаются въ circulus vitiosus. Референтъ сближалъ съ германскими сказаніями не современныя былины, а тотъ остовъ русскаго былеваго эпоса, который можетъ быть возстановленъ на основаніи русскихъ литературныхъ памятниковъ XII—XIII вв. и „Богатырскаго слова“. При этомъ Илья „Богат. слова“ оказывается весьма вѣроятнымъ былевымъ героемъ XII в., быть можетъ не оставшимся безъ совмѣщенія въ себѣ нѣсколькихъ лицъ этого имени (напр.. въ числѣ ихъ русскаго князя Ильи XI в.), какъ и образъ былеваго Владимира заключаетъ въ себѣ сплавъ чертъ нѣсколькихъ князей этого имени. Почему былевой Илья не вошелъ въ лѣтописи,—вопросъ праздный и, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, съ которыми скептики стараго времени не разъ приступали къ древней лѣтописи, забывая условія развитія древняго лѣтописанія и потерю цѣлаго ряда памятниковъ этого лѣтописанія; да и нѣтъ основаній отрицать принимаемое референтомъ отношеніе былевого Ильи къ Ильѣ Лаврентьевскаго списка подъ 1164 г.

XV. Засѣданіе 22-го октября.

а) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** сдѣлалъ сообщеніе о *„Господарскихъ, или великокняжескихъ, судахъ въ XVI в. въ Литовско-Русскомъ государствѣ.*

Указавъ на полную неразработанность даннаго вопроса въ литературѣ и охарактеризовавъ имѣющіеся въ печати для этого вопроса источники (которые докладчикъ призналъ въ общемъ довольно скудными, неполными и односторонними), авторъ реферата ограничилъ задачу послѣдняго разсмотрѣніемъ *формъ* великокняжескаго суда. Внимательное изученіе опубликованныхъ источниковъ и нѣкоторыхъ имѣющихся въ распоряженіи референта архивныхъ матеріаловъ привело его къ заключенію, что такихъ формъ было четыре: личный судъ литовскаго господаря, или вел. князя, судъ ассессорскій, маршалковскій и коммиссарскій. Послѣдніе три суда функціонировали вмѣсто вел. князя и по его порученію, отличались другъ отъ друга, главнымъ образомъ, своимъ составомъ и продолжительностью полученныхъ отъ вел. князя полномочій.

Остановившись болѣе подробно на составѣ личнаго великокняжескаго суда и роли присутствовавшихъ на немъ, въ качествѣ ассессоровъ, радныхъ пановъ (сенаторовъ) и придворныхъ чиновниковъ, докладчикъ посвятилъ остальную часть своего реферата разсмотрѣнію каждой изъ указанныхъ выше второстепенныхъ или производныхъ формъ великокняжескаго суда: ассессорскаго, маршалковскаго и коммиссарскаго судовъ, съ цѣлью опредѣлить ихъ личный составъ и внутреннюю организацію, а также степень самостоятельности постановляемыхъ ими судебныхъ рѣшеній.

б) Д. чл. **А. М. Лобода** сообщилъ, подвергнувъ ее разбору, *„Пѣснь о Соловьѣ-разбойникѣ, слышанную имъ въ Васильковскомъ уѣздѣ“* (напечатана въ V отд. настоящаго выпуска.)

в) Д. чл. **А. I. Степовичъ** посвятилъ свое чтеніе *„Памяти Никифора Дучича“*.

21 февраля 1900 года умеръ въ Бѣлградѣ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей сербской исторической науки, архимандритъ Никифоръ Дучичъ, почетный членъ Император. академіи наукъ, Петербургской духовн. академіи и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій, незадолго до того (18 октября 1899 г.) отпраздновавшій 50-лѣтіе своего иночества и 40-лѣтіе учено-

литературной дѣятельности. Умеръ онъ еще не слишкомъ старымъ, но здоровье его было уже давно подорвано непосильными и упорными трудами. По крайней мѣрѣ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда референту пришлось побывать у него въ Бѣлградѣ, достойный этотъ ученый уже тогда производилъ, по внѣшнему виду, впечатлѣніе измožденнаго и изнуреннаго жизнью старика, а ему было въ то время всего 57 лѣтъ. Эта прекрасная личность неотразимо влекла къ себѣ замѣчательною, такъ сказать, юностію чувствъ, искренностью и силою славянскихъ воззрѣній и несокрушимою духовною энергіею, поборавшею тѣлесную слабость....

Для характеристики покойнаго ученаго весьма важно указать на то обстоятельство, что ему не разъ (съ 1868 г.) и усиленно предлагалась епископская каѳедра въ Сербіи, но онъ всякій разъ отклонялъ эти лестныя предложенія, предпочитая блеетящему епископскому положенію скромное званіе архимандрита, не отрывавшее его отъ книжныхъ занятій и дававшее больше простора всякимъ другимъ его личнымъ отношеніямъ....

Зато онъ охотно принималъ такія избранія, которыя давали ему возможность либо служить усердно наукѣ, либо стоять на стражѣ дѣйствительныхъ интересовъ церкви и народа. Такъ онъ былъ предсѣдателемъ Сербскаго ученаго дружества, которое при немъ же слилось (15 ноября 1892 г.) съ Сербскою академіею наукъ; въ 1890 году содѣйствовалъ проведенію въ народной скупщинѣ новаго закона о церковныхъ властяхъ въ сербской церкви, дѣйствующаго и понынѣ; въ 1892 г. преподавалъ королю Александру I исторію сербской церкви и церковное право, и т. д.

Въ болѣе раннее время мы видимъ Дучича сопровождающимъ въ 1869 году митрополита Михаила въ его путешествіи на Русь, причемъ были посѣщены Москва, Кіевъ, Петербургъ; въ томъ же году, въ Карловцахъ онъ мирилъ мѣстныя партіи, враждовавшія изъ-за церковныхъ преобразованій; въ 1882 г. онъ былъ отправленъ къ константино-

польскому патріарху Іоакиму III для улаженія дѣлъ сербской Хиландарской обители на Аѳонѣ.

Чрезвычайно важны заслуги Дучича въ наукѣ. Начиная съ 1859 г., когда появился первый трудъ его объ обителяхъ Дужи и Твердоши въ Герцеговинѣ, напечатанный на русскомъ языкѣ въ сборникѣ А. Ѳ. Гильфердинга (см. Полн. собраніе сочин., т. III. Спб., 1873 г. Приложеніе къ сочиненію: Босна, Герцеговина и Старая Сербія) и перепечатанный по-сербски въ 1 томѣ полнаго собранія сочиненій Дучича (Бѣлградъ, 1891 г., „Кньижевни радови"), можно сказать, до самой смерти не было почти такого года, когда не явилось бы изъ-подъ его пера чего-нибудь важнаго въ области сербской исторіи, географіи, статистики, филологіи, богословія, и т. д.

Такимъ образомъ накопилось множество всевозможныхъ крупныхъ и мелкихъ работъ, для сведенія которыхъ въ одно цѣлое ученый историкъ предпринялъ въ 1891 г. полное собраніе своихъ сочиненій, успѣвъ издать ихъ только шесть томовъ (I, II, III, IV, V и IX тт.)[1]) Изъ наиболѣе важ-

---

[1]) Вотъ вкратцѣ содержаніе вышедшихъ шести книгъ полнаго собранія сочиненій Дучича: „Кньижевни радови":

Кн. I — изслѣдованія о разныхъ сербскихъ обителяхъ, книжныя оцѣнки, историческія свѣдѣнія о Бокѣ и Зетѣ и т. д.

Кн. II (Бѣлградъ, 1892 г.; 291 стр.)—статьи: Морача и Островъ въ Черногоріи, епископіи Зетская и Дебрьская, о трехъ потомкахъ Немани, о смерти царя Уроша, о двухъ сербскихъ рукописяхъ въ Саввиной обители въ Бокѣ, о славянскихъ рукописяхъ въ Парижской національной библіотекѣ, о Холмской (въ Герцеговинѣ) православной епископіи съ 1290 г., книжныя оцѣнки и т. п.

Книга III—Описаніе Черногоріи (Бѣлградъ, 1893 г.; 356 стр.) въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Кн. IV (Бѣлградъ, 1895 г.; 467 стр.)—монографія о Хиландарѣ, съ разными цѣнными приложеніями, о Житомышлицкомъ хронографѣ отъ 1634 г., съ отрывками изъ него, о Морацкой кормчей и т. д.

Кн. V (Бѣлградъ, 1898 г.; 370 стр.)—разныя богословскія изслѣдованія, напримѣръ, о христіанскомъ бракѣ, и книжныя оцѣнки.

Кн. IX (Бѣлградъ, 1894 года; 371 стр.)—исторія сербской православной церкви до нашихъ дней.

ныхъ трудовъ Дучича заслуживаютъ особеннаго упоминанія слѣдующіе: „Историја србске православне цркве од првијех десетина VII в. до наших дана“ XI+371 стр., -лучшій трудъ въ этой области, плодъ преподаванія предмета королю сербскому Александру; затѣмъ прекрасный историко-географическій очеркъ Черногоріи („Црна Гора“ изъ „Гласника“ XL. Бѣлградъ, 1874 года; 120 стран., съ картою; извлеченіе изъ него помѣщено въ кіевскомъ „Славянскомъ Ежегодникѣ“, вып. III, 1878 г. 296—343 стр.); дѣльныя монографіи о различныхъ герцеговинскихъ обителяхъ, особенно о Житомышличахъ (впервые напечат. въ „Сербско-далматинскомъ магазинѣ“ за 1861 г., откуда переведена на русскій языкъ и издана отдѣльною книжкою въ 1890 г. гр. Милорадовичемъ; въ переработанномъ и дополненномъ видѣ помѣщена въ I томѣ собранія сочиненій Дучича „Кньижевни радови“); монографія „Старине Хиландарске“, важная по присоединеннымъ къ ней цѣннымъ историческимъ матеріаламъ (см. „Извѣстія Петерб. Славянск. о-ва“ 1884 г., іюль, и Ж. Мин. Нар. Просв. 1884 г., ч. 237-я); наконецъ разныя болѣе мелкія изслѣдованія, каково напр. „Іепископије Зетска и Дабарска—(Дебрьская) од св. Саве србскога“ (первоначально въ „Гласникѣ“ Сербск. учен. дружества, 57 кн.) Если мы вспомнимъ еще о множествѣ дѣльныхъ и основательныхъ книжныхъ оцѣнокъ. написанныхъ иногда съ замѣчательною обстоятельностію и представляющихъ зачастую немало поправокъ и новыхъ данныхъ, служащихъ къ лучшему и болѣе правильному рѣшенію разсматриваемыхъ вопросовъ, то нельзя не подивиться ученой производительности достопамятнаго мужа, своею кровью во время извѣстнаго герцеговинскаго возстанія 1861 года доказавшаго горячую любовь къ народу и неподдѣльный, искренній патріотизмъ, готовый въ случаѣ нужды на всякія жертвы...

Приведемъ нѣкоторыя подробности жизни Дучича.

Онъ былъ родомъ изъ Герцеговины и первоначальное образованіе получилъ у своего дяди, архимандрита Евстафія Дучича; на 17 году жизни принялъ иночество. Дополнилъ

онъ свое образованіе занятіями въ Бѣлградской „богословіи“ (духовная семинарія) и въ Великой школѣ, гдѣ особенно увлекался преподаваніемъ профессора славянской филологіи извѣстнаго Юрія Даничича, съ которымъ оставался въ наилучшихъ отношеніяхъ до самой его смерти; наконецъ лекціями историка Рамбо, философа Каро и др. въ Парижской Сорбоннѣ. По возвращеніи изъ-за границы молодой Дучичъ съ необычайнымъ рвеніемъ принялся за устройство сербскихъ училищъ въ Герцеговинѣ, напр. въ Дужахъ, Житомишличахъ), самъ усердно преподавалъ въ нихъ и всячески старался содѣйствовать ихъ преуспѣянію, для чего исхлопоталъ денежныя пособія изъ Россіи и Сербіи. Въ 1861 г. онъ принялъ участіе въ злополучномъ возстаніи бѣдной и подавленной Герцеговины подъ предводительствомъ Луки Вукаловича и затѣмъ сражался рядомъ съ юнаками Черногоріи, вступившейся за своихъ сербскихъ братій. Не получивъ послѣ войны прощенія отъ султана, Дучичъ принялъ отъ князя Николая предложеніе служить въ Черногоріи, гдѣ тоже усиленно занялся открытіемъ народныхъ училищъ и устройствомъ въ Цетиньѣ „богословія“ (1864 г.), оказавшаго впослѣдствіи немало услугъ дѣлу черногорскаго просвѣщенія.

Въ 1867 г., по причинѣ разстроеннаго еще во время войны и потомъ не поправившагося здоровья, Дучичъ оставилъ службу въ Черногоріи и онаго года лѣчился въ Италіи и Дубровникѣ, а въ 1868 г. принялъ предложеніе сербскаго митрополита Михаила служить аъ Бѣлградѣ, гдѣ остался уже навсегда. Въ сербской войнѣ 1876 г. онъ опять принялъ живѣйшее участіе, начальствовалъ надъ и барскимъ отрядомъ добровольцевъ, участвовалъ въ разныхъ сраженіяхъ и въ одномъ изъ нихъ былъ раненъ въ ногу. Это еще болѣе разстроило его тѣлесное здоровье, но духъ его остался по прежнему крѣпокъ и неукротимъ.

Послѣ войны Дучичъ былъ назначенъ подпредсѣдателемъ великаго духовнаго суда (аппеляторской консисторіи), затѣмъ былъ библіотекаремъ народной библіотеки и хранителемъ музея въ Бѣлградѣ. Въ 1877—80 г.г. онъ былъ по-

сланникомъ въ народной скупщинѣ, откуда ушелъ, не желая соглашаться съ тяжелыми для Сербіи условіями желѣзнодорожной конвенціи. Многократно также онъ занималъ различныя предсѣдательскія мѣста въ управленіяхъ и коммиссіяхъ (коммиссіи для школъ и учителей въ сербскихъ краяхъ внѣ Сербіи, коммиссіи народной библіотеки и музея, коммиссіи по постройкѣ православныхъ церквей въ Сербіи въ византійскомъ духѣ и т. д.). Былъ онъ, наконецъ, и товарищемъ предсѣдателя Главнаго просвѣтительнаго совѣта при М. Нар. Просвѣщенія, но потерялъ это мѣсто въ 1886 году, вслѣдствіе несочувствія дѣйствіямъ правительства Милана послѣ злосчастной братоубійственной сербо-болгарской войны.

Въ 1889 г., послѣ возвращенія въ Сербію изъ Россіи митрополита Михаила, Дучичъ принялъ на себя, хотя очень неохотно и лишь по настойчивой просьбѣ этого послѣдняго, управленіе Жицкой епископіей, но вскорѣ оставилъ это дѣло, и чуждый честолюбія, всецѣло отдался книжнымъ занятіямъ, не уклоняясь, впрочемъ, отъ разныхъ общественныхъ и церковныхъ обязанностей. Въ послѣдніе годы своей жизни ученый подвижникъ уже не занималъ никакого служебнаго положенія и состоялъ на пенсіи, посвящая немалую долю своихъ средствъ и времени дѣламъ благотворенія и заботамъ о церкви.

Смерть Дучича несказанно поразила какъ всѣхъ знавшихъ его, такъ и вообще поборниковъ славянской идеи и друзей славянства. Правда, давнія недомоганія немало ослабляли старика, но духъ его казался весьма сильнымъ, и вѣрилось, что ему суждено окончить если и не все намѣченное и начатое, то, по крайней мѣрѣ, хотя самое важное. Но неумолимая рука смерти сурово прекратила прекрасную, многотрудную и многополезную жизнь достойнаго старца, не давъ ему возможности даже окончить предпринятое имъ полное собраніе своихъ сочиненій, съ такимъ удовольствіемъ привѣтствованное всѣми друзьями славянской науки. Миръ праху твоему, любвеобильный мужъ сербства и славянства! Намъ остается пожелать, чтобы многополезная дѣятельность

этого приснопамятнаго мужа нашла себѣ не менѣе горячихъ и стойкихъ подражателей, и чтобы сербское племя, на благо свое и всего славянства, не оскудѣвало подобными дѣятелями.

По окончаніи чтенія память Н. Дучича была почтена вставаніемъ.

Въ закрытой затѣмъ части засѣданія былъ выслушанъ докладъ Ревизіонной Коммиссіи о провѣркѣ ею кассы и библіотеки Общества Нестора-лѣтописца и о нахожденіи въ полномъ порядкѣ той и другой.

XV. Годичное торжественное засѣданіе 28-го октября.

а) **Г. Секретарь** прочелъ *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1899 г. по 27-е октября 1900 г.“* (будетъ напечатанъ въ 1-мъ выпускѣ XV-й книги „Чтеній“).

б) Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** произнесъ рѣчь: *„О связи искусства съ культурой“.*

Между искусствомъ и культурой существуетъ самая тѣсная связь. Искусство всегда развивается подъ вліяніемъ тѣхъ-же самыхъ идей, которыя господствуютъ въ обществѣ и литературѣ.

Обычаи, міровоззрѣніе и искусство сливаются въ нѣчто столь общее, что знаніе исторической эпохи включаетъ уже и знакомство съ ея искусствомъ.

Упадокъ искусства является вѣрнымъ указателемъ моральнаго состоянія общества и народа. Примѣръ римскаго императора Адріана показываетъ, что всякое покровительство искусству, какъ бы оно могущественно и щедро ни было, оказывается тщетнымъ, если народный духъ сталъ недоступенъ воодушевленію идеальнымъ. Напротивъ, народъ, который создаетъ величественныя произведенія искусства, одинаково способенъ на великія мысли и геройскіе подвиги; примѣръ—Аѳины V-го вѣка до Р. Х.

Въ средніе вѣка болѣе всего процвѣтало то искусство, которое менѣе всего носило личный характеръ, т. е. архи-

тектура. Романская архитектура точно такъ-же, какъ позже готическая, есть вѣрное отраженіе своей эпохи. Въ основѣ средне-вѣковой мистики лежитъ то чувство, которое наполнило романскія церкви прелестью чего-то домашняго и уютнаго, готическія—своимъ стремящимся къ небу усердіемъ, статуи и картины—сердечной теплотой. Пластика и живопись въ средніе вѣка могли съ большимъ лишь трудомъ достигнуть художественнаго совершенства. Это объясняется тѣмъ роковымъ дуализмомъ, который проходитъ черезъ всѣ средніе вѣка, тѣмъ незначительнымъ вниманіемъ, которымъ дарили природу, и, наконецъ, господствомъ авторитета и традиціи. Вообще слѣдуетъ разсматривать произведенія пластики и живописи не со стороны формы, которая еще очень несовершенна, а со стороны содержанія, интересоваться идеями и чувствованіями, которыя часто принадлежатъ къ самымъ возвышеннымъ и великимъ.

Готика, это—искусство, созданное не придворно-рыцарскимъ обществомъ и духовенствомъ, подобно искусству романской эпохи, а народомъ расцвѣтающихъ городовъ. Съ выступленіемъ на сцену городскаго мѣщанства въ концѣ среднихъ вѣковъ въ первый разъ въ искуствѣ является чувство природы и индивидуальность. Въ теченіе XIV ст. натурализмъ все больше проникаетъ въ искусство во Франціи, Италіи и Германіи. Въ поэзіи перемѣна совершается раньше и энергичнѣе. Петрарка и Боккачіо—индивидуальныя личности. Въ искусствѣ впервые выдвигается смѣлое индивидуальное творчество Мазаччо, братьевъ Ванъ-Эйковъ, Брунеллеско и Донателло; XV-й вѣкъ принадлежитъ къ самымъ богатымъ періодамъ творчества во всемірной исторіи.

XVI-й вѣкъ есть вѣкъ Возрожденія. Вся Италія принимаетъ участіе въ умственномъ движеніи, направленномъ на воскрешеніе древности. Переворотъ обнаруживается въ искусствѣ такъ-же, какъ въ литературѣ и наукѣ. Но въ искусствѣ до конца XV вѣка не замѣтно вліянія античной древности. Что̀ бы ни говорили, никогда нельзя считать учениками античнаго искусства великихъ геніевъ XV ст.: Фра—Ан-

желико, Паоло Уччелло, Филиппо Липпи, Піеро делла Франческа, Гоццоли, Беллини, Сандро Боттичелли, Гирляндайо, Перуджино. Изслѣдованіе памятниковъ можетъ ясно показать, что искусство, созданное Джотто, развивалось совершенно правильно и свободно до Рафаэля; только здѣсь произошелъ рѣзкій разрывъ съ прошлымъ, и подъ вліяніемъ античнаго искусства создался новый стиль, стиль Возрожденія, который нужно связывать съ именами Микель-Анджело и Рафаэля.

Доктрины Возрожденія, распространенныя Рафаэлемъ и Микель-Анджело, имѣли своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ упадокъ итальянскаго искусства. Не менѣе испытали на себѣ вредное вліяніе Возрожданія французская литература и искусство временъ Людовика XIV. Свѣтъ итальянскаго Возрожденія тогда совершенно затемнилъ Францію. Буало и Лебренъ—представители французскаго классицизма въ литературѣ и живописи,

Въ XVIII вѣкѣ появляется стиль рококо. Въ жизни знатнаго общества того времени происходитъ перемѣна: чопорность и величавость замѣнились изяществомъ и граціей, жизнь превратилась въ веселую игру. Вся беззаботная веселость и легкомысліе этого вѣка воплотились въ искусствѣ, въ произведеніяхъ Ватто, Патэ, Ланкрэ и др.

При Людовикѣ XVI французскій салонъ получаетъ уже другой видъ; общество дѣлается серьезнѣе и угрюмѣе, словно предчувствуетъ наступающую революцію; оно дѣлается добродѣтельнымъ, словно хочетъ отвратить судьбу. Дидро и живописецъ Грезъ—выразители этого измѣнившагося духа времени.

XIX-й вѣкъ начинается новымъ возрожденіемъ классицизма въ искусствѣ. Французская революція потребовала отъ искусства служенія патріотизму. Давидъ, главнымъ образомъ, былъ преданъ не античному искусству, а идеямъ объ отечествѣ, свободѣ и прогрессѣ. Слова: антики и демократія были для него синонимами. Въ поэзіи выразителемъ этого направленія является Андрэ Шенье.

Германія вступила на тотъ-же путь классицизма. Здѣсь были уже другія, болѣе научныя, причины. Ученіе Винкельмана пускаетъ глубокіе корни. Выступаютъ классики-живописцы: Антонъ Рафаэль Менгсъ, Анжелика Кауфманъ, Карстенсъ и Генелли.

Наполеоновскія войны превратили Европу въ большой военный лагерь. Это создаетъ батальную живопись большаго стиля.

Романтическое движеніе обнаружилось гораздо раньше въ поэзіи, а затѣмъ отразилось и въ искусствѣ. Въ Германіи Тикъ, Брентано и Уландъ—представители романтизма въ литературѣ. Въ живописи выступаютъ старые дюссельдорфцы, а впослѣдствіи Ретель, Штейнле и Морицъ Швиндъ. Романтизмъ въ Германіи имѣетъ сантиментальный характеръ.

Во Франціи романтизмъ получаетъ бурно-патетическій характеръ въ литературѣ (Викторъ Гюго) и въ живописи (Делякруа).

За поэтами-романтиками слѣдуютъ историки. Во Франціи начинаютъ свою дѣятельность ученые историки: Гизо, Тьерри, Минье и Тьеръ; въ Германіи—Шлоссеръ. Гизебрехтъ, Гервинусъ и др. Живопись также иллюстрируетъ всемірную исторію; во Франціи—Делярошъ, въ Германіи—Каульбахъ и Пилоти.

Послѣ 1848 года любимой темой поэзіи сдѣлались на нѣкоторое время пролетаріатъ и страданія бѣдныхъ и угнетенныхъ. Диккенсъ рисуетъ сцены соціальной нужды, во Франціи—Беранжэ, Барбье и Евгеній Сю. Этотъ духъ времени далъ направленіе и искусству. На сцену выступили соціальныя тенденціозныя картины.

Далѣе, художники Кнаусъ, Вотье и Дефреггеръ пишутъ крестьянскія сцены въ то время, когда въ литературѣ имѣютъ успѣхъ деревенскія исторіи Ауэрбаха, Іереміи Готтгельфа и разсказы Рейтера, а у насъ Тургенева и Григоровича.

Когда Гельмгольцъ опубликовалъ свои сочиненія объ оптикѣ, живописцы начали изучать, съ точностью естествоиспытателей, дѣйствіе свѣта и опредѣлять, какъ атмосфера из-

мѣняетъ цвѣтное впечатлѣніе предметовъ. Наступило время живописи plein-air'а и импрессіонистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется кругъ сюжетовъ. За поколѣніемъ романтиковъ 1830 года послѣдовало поколѣніе реалистовъ, желавшихъ видѣть въ зеркалѣ искусства не древнихъ героевъ, а свой собственный образъ. Повсюду явилось изображеніе современнаго человѣка. Театръ и романъ обратились къ изображенію современныхъ нравовъ. Живопись послѣдовала за ними. Это движеніе совершилось въ періодъ отъ 1875 до 1885 г.

Послѣднее десятилѣтіе показываетъ у всѣхъ народовъ Европы рѣшительное стремленіе въ сторону антинатуралистическаго движенія; всѣхъ привлекаетъ міръ фантазіи и грёзъ; писатели и художники еще разъ изъ реалистовъ сдѣлались романтиками. Какое культурное теченіе вызвало эту послѣднюю метаморфозу, въ настоящее время опредѣлить еще нельзя.

Итакъ, искусство—это зеркало культурной жизни народовъ; всѣ тѣ мысли и стремленія, которыя волновали общества разныхъ эпохъ, всегда находили себѣ выраженіе и въ произведеніяхъ искусства, такъ что характеръ разныхъ эпохъ всегда отражался на характерѣ искусства тѣхъ-же эпохъ.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества.

I. Въ засѣданіи Совѣта 22 февраля 1900 г., по предложенію г. Предсѣдателя (Н. П. Дашкевича), обсуждался вопросъ о мѣрахъ на будушее время къ своевременному и исправному полученію членскихъ взносовъ какъ съ городскихъ, такъ и съ иногороднихъ членовъ Общества.

Опредѣлили: На будущее время, начиная со слѣдующаго (1901) года, придерживаться слѣдующихъ правилъ:

1. Ежегодно, къ 20-му января, разсылать приглашенія объ уплатѣ членскихъ взносовъ всѣмъ неуплатившимъ ихъ за прошлый годъ, а затѣмъ, примѣрно черезъ мѣсяцъ, производить пересмотръ списка членовъ примѣнительно къ § 18 Устава и нынѣшнему частному постановленію Совѣта.

2. Членамъ, не уплатившимъ взноса за какой-нибудь годъ, не выдавать и не высылать изданій Общества, вышедшихъ въ слѣдующемъ году, впредь до пополненія ими недоимки.

II. Въ засѣданіи 9 марта 1900 г. было принято Совѣтомъ предложеніе М. Ф. Владимірскаго-Буданова объ освобожденіи должностныхъ лицъ Общества (предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря, помощника секретаря, казначея и библіотекаря) отъ членскихъ взносовъ на время исполненія ими обязанностей, и постановлено: представить это предложеніе на усмотрѣніе общаго собранія.

(Опредѣленіе по этому поводу общаго собранія напечатано въ I-мъ отд. II-го выпуска настоящей книги, стр. 57).

О виньеткѣ на обложкѣ „Чтеній".

Матеріаломъ для составленія виньетки на обложкѣ „Чтеній" послужили:

1) для изображенія Нестора-лѣтописца: изображеніе пишущаго монаха въ Радзивилловскомъ спискѣ Лаврентьевской лѣтописи, хранящемся въ библіотекѣ Академіи Наукъ; изображеніе евангелиста Луки на одной изъ миніатюръ, приложенныхъ къ рукописному тексту Остромирова Евангелія, мозаичное изображеніе евангелиста Марка въ Кіево-Софійскомъ соборѣ;

2) для изображенія великаго князя Владиміра—изображеніе его на монетахъ (въ нумизматическомъ опытѣ гр. И. И. Толстого: „Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго", С.-П. 1882);

3) для рамки — орнаменты Кіево-Софійскаго собора („Древности Россійскаго Государства: Кіевскій Софійскій Соборъ").

Г. Павлуцкій.

тель Новгородецъ понималъ, что молящимся странно будетъ слышать о церкви свв. Бориса и Глѣба, которой въ цѣломъ городѣ не было. Новгородецъ хотѣлъ быть вѣренъ дѣйствительности, а между тѣмъ тонъ и содержаніе выпущенныхъ пѣснопѣній показывали, что служба совершается въ церкви свв. Бориса и Глѣба. Онъ ихъ выпустилъ. Но еще замѣчательнѣе, по нашему мнѣнію, пѣснопѣніе, также выпущенное въ службѣ Аркадія и стоящее въ службѣ Иваничской подъ № VIII. Вотъ пѣснопѣніе, кстати сказать, отличающееся своимъ поэтическимъ характеромъ:

„**Дн҃ь вѣрнїй съборь ликъ дх҃овный съставлъше, о памяти ст҃оую мн҃кѹ столъпно ликоствѹє҃. дн҃ь велїє҃ прослави҃ г҃а. прославлъшаа ст҃а єго. и сами абїє оуч҃ствившє҃. дн҃ь кланяющє҃. чюто҃ныма єю гробома. възопїє҃ раѹнта дрѹга г҃на. попраша҃а змїєвоу гл҃ѹ. раѹйта иже по ѡбычаю обра҃ невре҃но съхраниша. раѹйта за хв҃ы заповѣди оубїєнїє прїємшаго. єю҃ телесы по ѹбиєнню на мѣста҃ непрохо҃ны҃. и поѹстѣ҃ повръжена. стлъпъ огнєнь възвѣсти. раѹтаса цвѣ҃ца бл҃гово҃наа. крина неѹвадаємаа рѹскаа.**

пископи Ильи“ (Новгород. II лѣтоп., Спб. 1879 г., стр. 9). Тоже самое— Новгор. Синод. лѣт., стр. 146. Предположеніе, что раньше тутъ могла быть деревянная церковь, уничтожается другимъ извѣстіемъ лѣтописи: „В лѣта 6497. Постави владыка Иакимъ церковъ деревяную святую Софію, имущи верховъ 13, и стояла 60 лѣтъ, и поднелась церковь святаа Соѳіа отъ огня, мѣсяца марта в 4, в суботный день, бывше честно устроена и украшена, а стояще конеци Епископли улици, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идеше нынѣ поставилъ Сотко сотникъ церковъ святыхъ страстотерпецъ князей русскихъ Бориса и Глѣба“ (Новг. II лѣт., стр. 2). Несомнѣнно здѣсь указывается построеніе церкви каменной Содкомъ въ 1167 г. Если-бы на этомъ мѣстѣ была раньше кѣмъ-нибудь или когда-нибудь построена деревянная церковь, то лѣтописецъ въ своей замѣткѣ или сослался-бы на построеніе этой церкви другимъ, а не Содкомъ, или упомянулъ - бы, что и раньше Садка здѣсь была построена церковь, которая или сгорѣла, или ее Садко разобралъ. Очевидно, Садко сразу построилъ каменную церковь на пустомъ мѣстѣ, на церковищѣ. Въ I Новгород. лѣтописи прямо и говорится: „*идеже нынѣ* поставилъ Сотьке церковь камену святого Бориса и Глѣба надъ Волховомъ“ (стр. 90). Очевидно, раньше тутъ ничего не было.

непрестанта молаще хоу. помиловати и спти. свѣтонобную памѧ ваю празноующиѵ“.

Составитель вполнѣ естественно не могъ оставить этого пѣснопѣнія: неестественно, противно дѣйствительности, было говорить въ Новгородѣ въ молитвенномъ обращеніи къ молящимся: „сегодня, покланяясь ихъ чудоточнымъ гробамъ, возопіемъ...“, потому что въ Новгородѣ гробовъ свв. Бориса и Глѣба не было. Епископъ Аркадій, подъ руководствомъ котораго составлялась служба, справедливо находилъ, что это пѣснопѣніе могло имѣть мѣсто лишь въ службѣ, которая совершается въ дѣйствительности предъ гробами мучениковъ, въ той церкви, гдѣ гроба ихъ находятся. Оставалось одно изъ двухъ: или, оставивъ это пѣснопѣніе, выкинуть не соотвѣтствующія дѣйствительности слова, или выпустить его совсѣмъ. Епископъ Аркадій счелъ болѣе спокойнымъ выпустить совершенно это пѣснопѣніе, чѣмъ измѣнить его въ чемъ бы то ни было. То-же самое онъ сдѣлалъ и съ пѣснопѣніемъ XLVI, въ которомъ говорится: *„притѣкающе к рацѣ мощей ваю. исцѣленіа приемлемь дары“*, потому что во время совершенія службы въ Новгородѣ нельзя было „притѣкать къ ракамъ“ святыхъ Бориса и Глѣба, ибо предъ молящимися въ тотъ моментъ ракъ не было. Итакъ, мы понимаемъ причины отсутствія въ службѣ Аркадія нѣкоторыхъ пѣснопѣній, находящихся въ службѣ Иваничской. Кто же у кого списывалъ, кто кого передѣлывалъ? Соединяя съ этимъ соображенія, высказанныя нами раньше, принимая кромѣ того во вниманіе, что въ полномъ объемѣ служба Іоанна находится въ службѣ Иваничской, а въ службѣ Аркадія только частью, такъ что составитель службы Иваничской не могъ изъ послѣдней взять службы Іоанна, а наоборотъ, авторъ службы Аркадія нашелъ цѣликомъ службу Іоанна въ службѣ Иваничской, я прихожу къ заключенію, что составитель службы Аркадія воспользовался службой Иваничской. Въ пользу нашего мнѣнія, кромѣ всего сказаннаго, говоритъ простое соображеніе. Служба Иваничская, несомнѣнно, составлена на

югѣ, если не въ Вышгородѣ, гдѣ лежали мощи свв. Бориса и Глѣба, то въ Кіевѣ, и при томъ составлена для Вышгородской церкви, должна была совершаться предъ гробами свв. мучениковъ, на чтò ясно указываютъ именно тѣ мѣста въ вышеприведенныхъ пѣснопѣніяхъ, вслѣдствіе которыхъ епископъ Аркадій не счелъ возможнымъ оставить и самыхъ пѣснопѣній въ службѣ, предназначавшейся для Новгорода. Спрашивается, нужно-ли было вышегородцу, или кіевлянину, добывать службу изъ Новгорода, если у него подъ руками были и служба Іоанна, и церковныя записки, и сочиненіе Нестора и др., все, что необходимо для составленія службы? Конечно, не нужно. Слѣдовательно, сами собой являются двѣ посылки, изъ которыхъ получается самъ собою и выводъ: 1) вышегородцу (кіевлянину) не нужно было издалека, изъ Новгорода, добывать службу, 2) разбираемыя службы въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ тождественны слово въ слово, буква въ букву, чтò указываетъ на списываніе;—выводъ: новгородецъ списалъ эти дословно сходныя пѣснопѣнія у вышегородца (кіевлянина), а не наоборотъ. А если это такъ, то служба Иваничская составлена раньше службы Аркадія. А такъ какъ служба Аркадія составлена между 1156 и 1163 годами, то служба Иваничская уже существовала раньше. Безъ всякого колебанія можно указать, когда эта служба Иваничская вывезена съ юга въ Новгородъ. Вотъ что мы читаемъ въ Новгородской лѣтописи: „томь же лѣтѣ (1158 г.). ходи Аркадъ (Аркадій) Кыеву ставиться епископомь. и поставленъ бысть отъ митрополита Констянтина, и приде въ Новъгородъ, мѣсяца сентября въ 13 день, на канонъ святого Въздвиження“ [1]). Вотъ въ эту-то свою поѣздку епископъ Аркадій, побывавъ, несомнѣнно, и въ Вышгородѣ у мощей свв. мучениковъ, и вывезъ оттуда нашу службу, а затѣмъ передѣлалъ ее сообразно съ мѣстными Новгородскими условіями [2]). Итакъ, наша Служба въ 1158 г., по всей вѣроятности,

---

[1]) Новгород. лѣт. по Синод. списку, стр. 143.

[2]) Интересно сопоставить это извѣстіе лѣтописи Новгородской съ припиской на рукописи, въ которой, какъ мы видѣли, находится служба

была уже готова, т. е., была въ употребленіи, а когда она была составлена, объ этомъ можно сдѣлать только предположеніе, которое я и укажу въ концѣ моего сообщенія.

Такимъ образомъ, пока мы можемъ сказать, что составленіе нашей службы, несомнѣнно, относится къ первой половинѣ XII в. Я высказалъ раньше, что сличеніе литературныхъ произведеній Нестора и Іакова Мниха, посвященныхъ свв. Борису и Глѣбу, приводитъ къ выводу, что при Вышегородской церкви велись записки. Мы имѣемъ отъ XII в., еще и лѣтопись, составленіе которой закончено въ 1116 г. Сильвестромъ, игуменомъ Выдубецкаго монастыря. Все повѣствованіе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, въ своей фактической части, взято несомнѣнно или изъ Сказанія Іакова Мниха или изъ Вышегородскихъ церковныхъ записокъ. Къ концу этого лѣтописнаго повѣствованія о свв. мученикахъ приложено въ честь ихъ славословіе. Это повѣствованіе, дословно тождественное въ лѣтописяхъ Ипатьевской и Лаврентьевской, кромѣ ничтожныхъ пропусковъ, иногда транскрипціи именъ, это повѣствованіе послужило для другихъ лѣтописей, Новго-

---

Аркадія. Переписчикъ рукописи говоритъ: „**канцашаса книгы сна мц҃а сентабра въ г҃і дн҃ь на кан҃о въздвиженна ѿ мц҃а нюна**“.. Итакъ, переписчикъ трудился отъ іюня мѣсяца (неизвѣстно отъ какого числа) и до 13 сентября. Еп. Аркадій вернулся въ Новгородъ также 13 сентября, а поѣхалъ въ Кіевъ лѣтомъ, т. е., въ концѣ мая или началѣ іюня. Это совпаденіе наводитъ на слѣдующую мысль. Еп. Аркадій, пріѣхавъ въ Кіевъ, вскорѣ-же досталъ нашу службу и другія рукописи и въ іюнѣ же мѣсяцѣ далъ все списывать кому-нибудь изъ своихъ клириковъ. Тутъ-же, въ Кіевѣ онъ передѣлалъ и нашу службу и передѣлку приказалъ внести въ пишущуюся рукопись. Келейники е-па Аркадія или одинъ келейникъ, или кто-нибудь изъ бывшихъ, несомнѣнно, при немъ священниковъ или діаконовъ принялись за переписку. Писали они все время пребыванія е-па Аркадія въ Кіевѣ, а можетъ быть и во время пути, можетъ быть, на время былъ и перерывъ, но послѣднюю точку они поставили 13 сентября въ день пріѣзда своего въ Новгородъ В. Какъ-бы ни было, совпаденіе въ срокахъ замѣчательное. Вывозъ-же нашей службы Аркадіемъ изъ Кіева въ Новгородъ именно въ это время не подлежитъ сомнѣнію.

кадія нѣкоторыя изъ пѣснопѣній службы Іоанна выпущены: [1]) именно 19-ть, а вошло 25. Такимъ образомъ, и составитель службы Аркадія, и авторъ службы Иваничской, оба воспользовались службой Іоанна: первый сдѣлалъ изъ нея выборъ, второй внесъ всю ее цѣликомъ. Сравнивая затѣмъ службы Аркадія и Иваничскую, мы находимъ, что кромѣ тѣхъ общихъ пѣснопѣній, которыя взяты ими изъ службы Іоанна, въ нихъ существуютъ пѣснопѣнія общія имъ обѣимъ и пѣснопѣнія самостоятельныя. Въ тѣхъ пѣснопѣніяхъ, которыя заимствованы обѣими службами изъ службы Іоанна, можетъ существовать и дословное сходство, которое, конечно, ничего не доказываетъ. Для выясненія отношенія между службами Аркадія и Иваничской необходимо сличить тѣ ихъ пѣснопѣнія, которыя являются независимыми отъ службы Іоанна. Такихъ пѣснопѣній всего пять. Сличимъ пѣснопѣніе VII службы Иваничской съ VIII пѣснопѣніемъ службы Аркадія.

Сл. Иваничская.	Аркадія.
Плъⷭ҇кое богаⷮ҇щѥ. славнаа бл҃города роⷣство дшеⷡ҇ное. ꙗко бж҃їе паⷱ҇ въжеⷧ҇лѣста. хⷭ҇а ⷡ҇злюбиⷡ҇ша вⷭ҇а- скы веселїѥ миⷬ҇ское небрегос- тѥ. оустрⷨ҇ѣленїѥ обоуⷥ҇дастa страс- тей. сѥбо врагь правеⷣ҇ныⷯ҇ за- вида ваю цѣломоудрїю. миⷱ҇те- ла оубїнцю брата въⷥ҇движе. овсесмѣнїѥ оубїнства разоумь и на ѡного оубо бжїи соу въ скорѣ прїидеⷮ҇. оружїѥ сѣкущи вы же оубїена паⷱ҇ живета.	Плътьскую богатяща святая благородьство, доушевьноую, яко Божию, паче въжела- ста; христа бо възлюбиста, вьсяко веселие мирьское попьраста и оустрьмление обоуздаста страстий, съсуда чьстьная пресвятааго Доу- ха явистаса. Се бо врагъ правьдьныихъ, завидя ваю цѣломоудрию, моучителя ваю и оубийцоу брата въздвиже. О зло вьсесъмѣние! О оубий- ствѣ неразумѣя, на оного-

[1]) Служба Аркадія выпустила изъ службы Іоанна пѣснопѣнія: 12, 4, 5, 6, 15, 1, 23, 24, 25, 28, 31, 2, 3, 34, 38, 42, 11, 9, 7.

нбсное црство нимуща. чюдотвори бепрестани. хс ваю звѣздь свѣтлоносни и въ руси показа. вы бо похвала ея. вы оутвръжденіе. ваю гроба безмѣздна врачба прележит въ странѣ. в ней же слѣпіи приходяще вѣрою просвѣщаются. хроміи влекуще скачюще отходят. недоужныя исцѣлаются. бѣснующеися бѣсь избгают. вы князи княземъ, вы въ напастех оутѣха. въ темници свобоженіе. но о супроуга стая романе давде. не престанта моляще хоу. вѣчно съхранити православноую вѣроу. невредно въ отечествѣ ваю.

же Божии соудъ, въскорѣ прииде ороужие сѣкоуще. Вы оубиена паче живеста, и небесьное цьсарьствие имоуща, чюдотворита беспрѣстани; ваю христосъ звѣздѣ свѣтоносьнѣй показавъ Роуси: вы похвала ея, вы оутвьржение, ваю гроба безмездьна врачьба предълежить въ странѣ въ ней бо слѣпии приходяще вѣрою просвѣщаються, къ вама хромии влекоущеся, и скачюче отъходять, недоужьнии ицѣлѣють и бѣсьноующеся бѣсъ избывають, вы въ князя къкняземъ, вы въ напастѣхъ оутѣха и въ тьмници свобожение. Нъ соупроуго святый Романе и Давыде, непрестаита молящаяся христоу вѣчьно съхранити правовѣрьноую вѣроу невредьноу въ отьчьстви ваю“.

Для большей еще ясности возьмемъ пѣснопѣніе, которое въ обѣихъ службахъ стоитъ даже на одномъ и томъ-же мѣстѣ, именно подъ № 3.

Иваничская.

„Кыми духовными словесы съставим празникь чтнь. преславную мникоу. ея же ха ра остависта тлѣнноую славу земную. Овь оубо прободеніе въ ребра пріять. Ово же яко агнець заколен бы. а доньно от ха прі-

Аркадія.

„Кыми доуховьными словесы съставимъ праздьникъ чьстьнъ преславьною моученикоу, яже христа ради остависта тьлѣньноую славоу земьноую; овъ бо прободение въ ребра принятъ, овъ же яко агньць заколенъ бысть,

аста исцѣленїа даро҇. вс҇ѣ просащи р҇астно велїю м҇лть".	яже достойно отъ христа приялста ицѣлениа даръ вьсѣмъ просящимъ радостьно и велию милость."

Такихъ тождественныхъ вполнѣ пѣснопѣній въ сравниваемыхъ службахъ пять. Чтобы не увеличивать текста нашей работы, мы считаемъ достаточнымъ сравненіе двухъ. Что обнаруживается изъ этого сравненія? Полное тождество! Авторъ службы Аркадія вставилъ только: „съсуда чьстьная пресвятого Духа явистася" или еще замѣнилъ слово „православноую" словомъ „правовѣрьноую." Но вѣдь подобныя замѣны или вставки на столько ничтожны, что могутъ указывать лишь на попытки автора службы Аркадія хоть чѣмъ-нибудь проявить свою самостоятельность: „и мы де кое-что умѣемъ", и только! Невозможно найти двухъ человѣкъ, которые-бы, прочитавъ хоть одинъ и тотъ же источникъ, выразили свои чувства тождественными словами да еще и распредѣляли-бы эти слова въ одномъ и томъ-же порядкѣ. Лирика не можетъ быть тождественна до рабскаго подражанія, какъ это мы видимъ здѣсь. Итакъ тутъ дѣло не въ пользованіи общими источниками, а въ простомъ списываніи творенія одного автора другимъ. Кто-же у кого списывалъ? Можно было-бы и сейчасъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, авторы службъ, какъ мнѣ кажется, безъ страха душевнаго могли упускать иныя пѣснопѣнія, замѣнять ихъ другими, но едвали-бы который-нибудь изъ нихъ рѣшился въ томъ пѣснопѣніи, которое онъ беретъ, выкинуть хоть одно слово. Другое дѣло—прибавить какое-нибудь выраженіе для усиленія прославленія святого, это—возможно. Поэтому не та служба, въ которой есть выпускъ (чего не дѣлалось), позднѣйшая, а та, въ которой есть добавленія, усиливающія прославленіе. Слѣдовательно, и теперь, по нашему мнѣнію, можно сказать, что служба Аркадія явилась позже службы Иваничской, что составитель первой списывалъ у автора второй, а не наоборотъ.

Авторъ службы Иваничской, взявъ цѣликомъ службу Іоанна, т. е., всѣ 44 пѣснопѣнія послѣдней, добавилъ еще 21. Какъ мы видѣли, тождественными въ службахъ Иваничской и Аркадія являются только пять пѣснопѣній. Спрашивается, отчего же составитель службы Аркадія, если онъ, какъ мы предположили, списывалъ службу Иваничскую, отчего онъ не списалъ и другихъ 16 самостоятельныхъ пѣснопѣній этой службы? Это обстоятельство не только не противорѣчитъ нашему предположенію, но еще болѣе подтверждаетъ его. Видно, что составитель службы Аркадія съ большою осторожностью и большимъ толкомъ относился къ своей работѣ. Лучше всего показываютъ намъ это четыре выпущенныя имъ пѣснопѣнія, находящіяся въ службѣ Иваничской подъ №№ VI, VIII, XVI, и XLVI.

Возьмемъ пѣснопѣніе подъ № VI Иваничской службы:

„Ѿ вражїа нападенїа съблюдѣта гра сїи и цркв свою, блгоѹтнїи лѣторасли. влдмера пребл҃женнаго. правовѣрною вѣрою просвѣщающа лю своа. хоу молитаса. даровати дша наши миръ и велїю млть“.

Прочтемъ пѣснопѣніе № XVI:

„Мѹнка гна въ странїи вѣры ра спсте. правосланаа княѕа борисе и глѣбе. тружающийса быстраа помощника. недужны цѣлителя. вы бо болѣни врачета, притѣкающи въ цркв ваю с вѣрою. тѣмже и мы молиса, ѿ бѣ избавити на. утѣщи любовїю памѧ вашю“.

Отчего, спрашивается, эти два пѣснопѣнія выпущены въ службѣ Аркадія? Да по той простой причинѣ, что Новгородецъ считалъ неудобнымъ молиться о церкви Бориса и Глѣба и говорить, что исцѣлѣнія подаются въ ихъ церкви, потому что такой церкви, церкви, посвященной свв. мученикамъ Борису и Глѣбу, во время Аркадія въ Новгородѣ еще не было. Первая церковь во имя этихъ святыхъ была заложена въ Новгородѣ лишь весной 1167 года [1]). Состави-

[1]) „В лѣто 6675. На ту же весну заложи Сѣдко Сытиниць церковь камену Бориса и Глѣба, при князѣ Святославѣ Ростиславичѣ, при архіе-

намекаетъ Іаковъ Мнихъ въ словахъ: „въ тѣ же времена поганымъ оукрѣпившемъся паче на насъ и много насильствующемъ намъ за нашѣ грѣхи, *бысть забъвение церкви* сеи святою мученикоу *и о сказании чюдесъ*, а и многомъ бывающемъ“ [1]). Только то, что могли передать очевидцы событій, только то, что можно было найти въ записяхъ о чудесахъ, которыя велись при церквахъ, гдѣ почивали мощи святого,—только это рѣшался вносить въ свой трудъ составитель житія. „Да не будетъ ми лгати на святого“,—вотъ девизъ котораго держались составители древнихъ житій. Если таково было отношеніе къ своему труду авторовъ житій, то во сколько же разъ сильнѣе испытывали чувство благоговѣйнаго страха составители службъ! Тѣ факты изъ жизни святого, тѣ его чудеса при жизни и по смерти, которые клались въ основаніе пѣснопѣній составляемой службы, должны были браться изъ источниковъ, которые признавались авторомъ вполнѣ достовѣрными, изъ которыхъ можно было безъ страха, душевной отвѣтственности черпать необходимыя свѣдѣнія. Съ другой стороны, составитель, въ силу того-же чувства, считалъ-бы для себя преступленіемъ упустить какой-нибудь фактъ, который онъ нашелъ въ достовѣрномъ, по его мнѣнію, источникѣ,—фактъ, который могъ бы служить для прославленія святого, а потому долженъ былъ войти въ службу. Такое несомнѣнно существовавшее отношеніе авторовъ службъ къ ихъ труду даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторые интересные выводы. Прежде всего несомнѣнно, что если въ службѣ мы находимъ указаніе на данныя чудеса, то о нихъ, значитъ, составитель нашелъ уже свѣдѣнія. Если въ службѣ нѣтъ указаній на тѣ или иныя чудеса, то, значитъ, ихъ еще не было, и свѣдѣній о нихъ авторъ найти не могъ. Здѣсь я долженъ сказать, что, занимаясь изученіемъ литературныхъ произведеній Нестора и Іакова Мниха, сличая разсказы ихъ о чудесахъ отъ мощей свв. Бориса и Глѣба, я

[1]) Сказание и страсть и похвала святоую моученикоу Бориса и Глѣба. Изд. Бодянскаго, по списку Успенскаго Собора, XII в., стр. 13.

пришелъ къ ясному для меня выводу, что оба они черпали изъ одного общаго источника, именно изъ записокъ о чудесахъ, а записки велись при Вышегородской церкви, гдѣ покоились мощи свв. мучениковъ, и, такимъ образомъ, намекъ самого Іакова Мниха на тотъ-же фактъ сдѣлался для меня вполнѣ понятнымъ. Эти записки, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ Іакова Мниха, велись непрерывно, и только страшныя неурядицы на Руси, сопровождавшіяся учащенными набѣгами Половцевъ, на время прекратили веденіе записокъ (приблизительно, на промежутокъ времени отъ 1093 до 1100 г.)[1]) Такимъ образомъ, составители службъ могли пользоваться уже готовымъ матеріаломъ для фактической части своего труда.

Служба Іоанна[2]) въ своихъ пѣснопѣніяхъ указываетъ только на два чуда Бориса и Глѣба, именно: 1) на опаленіе огнемъ варяга, ставшаго случайно на то мѣсто, гдѣ, въ землѣ еще, были погребены тѣла мучениковъ, и 2) на исцѣленіе хромого, который при этомъ самъ разсказывалъ всѣмъ присутствующимъ въ церкви о происшедшемъ съ нимъ чудѣ.[3])

---

[1]) Надѣясь въ не особенно продолжительномъ времени познакомить нашихъ читателей со своей работой: „Несторъ и Іаковъ Мнихъ", я до той поры отлагаю и полное разсмотрѣніе затронутаго вопроса.

[2]) Для краткости я буду обозначать службы такъ: Служба Іоанна, Служба Аркадія и Служба Иваничская.

[3]) „*На земли оубо положена быста яко мьртва* на нбесехъ съпрославляестася съ рабы бжми и тѣмь дързновенія отъ (Него) сподобльшася славьная *нечистаго вьрхоу стояща надъ гробомь ваю страхомь огньнымъ отгнаста блаженая*".

„Съдравы творита болящая блгочьстивая и *хромыимъ течение подаета*, и *послоушьствоуеть съдравъ бывъ оу ваю ракы*, о двоице предивная . . . . " (Голубинскій, Исторія Церкви, I, 2, стр. 433 и 434). Объ этихъ чудесахъ разсказываетъ и Іаковъ Мнихъ, т. е., церковныя записки, откуда онъ черпалъ. Особенно важно второе изъ приводимыхъ пѣснопѣній. Исцѣленный хромой самъ свидѣтельствуетъ или доказываетъ (послушествуетъ) совершившееся событіе. У Іакова Мниха читаемъ: *и еще же соущемъ въ цркви на стѣй литоургии князю же и митрополитоу* (Ярославу и Іоанну), и бѣ члвкъ *тоу* хромъ . . . . и абие оутвьрдистася емоу нозѣ блгодатию божиею и млтвтою, и въставъ *хожааше предъ*

Совсѣмъ другое мы видимъ въ Службѣ Иваничской. Тутъ перечисляются чудеса: исцѣленіе слѣпыхъ, хромыхъ, недужныхъ вообще, изгнаніе бѣсовъ, заступленіе печальныхъ, освобожденіе изъ темницы.[1] Если объ этихъ чудесахъ, кромѣ исцѣленія хромаго, не упоминаетъ Служба Іоанна, то слѣд. во время ея составленія, ихъ еще не было, или записаны они еще не были. Наоборотъ, Служба Иваничская была составлена уже тогда, когда всѣ означенныя чудеса имѣли мѣсто и внесены въ церковныя записки. О всѣхъ этихъ чудесахъ мы находимъ подробные разсказы у Нестора и Іакова Мниха.[2] Такимъ образомъ, Служба Иваничская составлена послѣ службы Іоанна. Перейдемъ теперь къ Службѣ Аркадія.

Послѣдняя, какъ мы видѣли, относится ко второй половинѣ XII в. (къ промежутку времена между 1156 и 1163

всѣми, и то чюдо *видѣ и самъ блговѣрныи князъ Ярославъ и митрополитъ и вси людие* . . . " (Сказаніе по списку Успен. собора XII в., л. ГI v.). Вотъ объ этомъ-то *послушествіи* предъ княземъ Ярославомъ, и митрополитомъ, и всѣми люди, и говоритъ пѣснопѣніе, которое и составлено очевидцемъ, предъ которымъ хромой *послушествовалъ* самъ лично, *въ церкви*, доказывалъ фактъ, такъ сказать, во очію. Кто-же этотъ очевидецъ? Іаковъ Мнихъ говоритъ, что „шьдъше съ хрьсты Иѡанъ митрополитъ, и князь Ярославъ и вьсе поповьство и людие", перенесли мощи въ новую церковь, и тутъ на литургіи прозошло *послушьство* хромого. Итакъ, очевидецъ, вписавшій въ пѣснопѣніе этотъ случай, есть митрополитъ Іоаннъ, современникъ Ярослава, т. е., Іоаннъ I. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что митрополитъ Іоаннъ приказалъ внести на память все происшедшее въ церковныя записки, которыя, по нашему мнѣнію, и получили съ этого момента свое начало. Съ этого-же момента было установлено празднованіе свв. Борису и Глѣбу 24-го іюля (Іаковъ Мнихъ, ibidem).

[1] „. . . . . ваю гроба безмѣрная врачба прележитъ въ странѣ, в ней же слѣпіи приходяще вѣрою просвѣщаются, *хроміи* влекꙋщесь скачюще ѿходять, *недоужныа* исцѣляются, *бѣснꙋющеися* бѣсь избѣгають, вы князи княземъ, вы въ *напастехъ оутѣха*, въ *темници свобожение*...." (Иваничская служба, VII, стр. 26). См. также IX, XV, XVI пѣснопѣнія тойже службы.

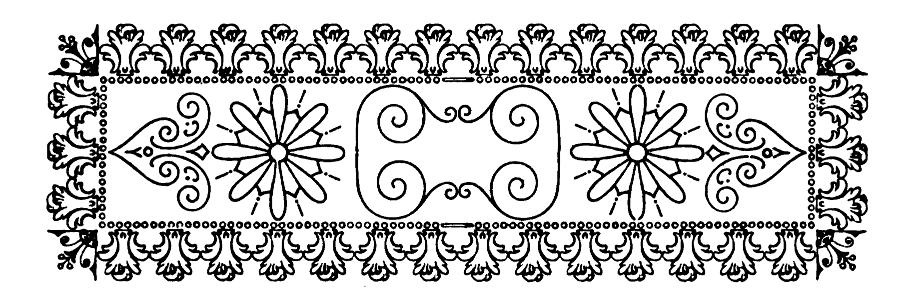
[2] Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV в., изд. Срезневскаго. стр. 25—37 и 71—89.

годами). И служба Иваничская, и служба Аркадія, могли, слѣдовательно, имѣть общіе источники для необходимаго имъ фактическаго матеріала. Но между ними обнаруживается такое сходство, которое указываетъ не просто на одинаковость источниковъ, а на полную зависимость ихъ другъ отъ друга, при существованіи въ каждой изъ нихъ и самостоятельныхъ частей. Служба Іоанна заключаетъ въ себѣ 44 пѣснопѣнія, служба Аркадія—46 и служба Иваничская—65 пѣснопѣній. Сличеніе этихъ чиселъ можетъ навѣять мысль, что съ теченіемъ времени служба Іоанна лишь получаетъ бо́льшее развитіе въ службахъ Аркадія и Иваничской, и что, слѣдовательно, хронологическая послѣдовательность стоитъ въ прямомъ отношеніи къ количеству пѣснопѣній въ каждой изъ этихъ службъ. Пришлось-бы, въ такомъ случаѣ, поставить службу Иваничскую въ концѣ ряда, какъ самую позднюю. На дѣлѣ оказывается нѣсколько иное.

Всѣ 44 пѣснопѣнія службы Іоанна вошли въ составъ службы Иваничской. Они перенесены изъ одной службы въ другую безъ всякихъ измѣненій, слово въ слово, буква въ букву, а измѣненъ только ихъ порядокъ.[1]) Въ службѣ Ар-

[1]) Было-бы очень долго и напрасно сличать 44 пѣснопѣнія службъ Іоанна и Иваничской, а потому я ограничусь лишь указаніемъ размѣщенія ихъ, принявъ за основаніе службу Иваничскую:

Иваничская	Іоанна.	Иваничская	Іоанна.	Иваничская	Іоанна.
1	7	34	21	49	34
2	8	35	22	50	35
11	12	36	23	51	36
12	4	37	24	52	37
13	5	38	25	53	38
14	6	39	26	54	39
24	13	40	27	55	40
25	14	41	28	56	41
26	15	42	29	57	42
27	16	43	30	58	43
28	17	44	31	59	44
29	18	45	32	62	9
30	19	46	2	63	10
31	20	47	3	64	11
32	1	48	33		



Служба святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу въ Иваничской минеѣ 1547—79 г.

Историческое Общество Нестора-лѣтописца только-что издало, какъ извѣстно, памятникъ, указанный въ заголовкѣ моего сообщенія. Казалось-бы, что изданіе этого памятника является излишнимъ, такъ какъ Служба свв. Борису и Глѣбу извѣстна уже по нѣсколькимъ рукописямъ [1] и издана дважды: проф. Голубинскимъ въ его Исторіи Русской церкви и преосвящ. Макаріемъ въ подобномъ же трудѣ. На нашъ взглядъ, службы святымъ вообще интересны не только для исторіи церкви, но и для исторіи литературы и исторіи вообще. Въ этихъ литературныхъ памятникахъ, въ этихъ службахъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается лирическая поэзія того отдаленнаго времени, отъ котораго до насъ дошло такъ мало памятниковъ свѣтской литературы. Почти съ увѣренностью можно сказать, что русская литература не была бѣдна и послѣдними, но при незначительномъ количествѣ сохранившихся тѣмъ бóльшую цѣну пріобрѣтаютъ службы, заключающія въ себѣ образцы высокаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безыскуственнаго лиризма. Историку интересна служба уже прежде всего какъ фактъ, какъ доказательство существованія на Руси въ древнѣйшій періодъ лирической поэзіи, какъ

[1] Источники Русской Агіографіи, Барсукова, Спб. 1882 г., стр. 75.

показатель образованности общества того времени, развитія въ немъ художественныхъ вкусовъ и чувства прекраснаго. Этимъ художественнымъ чутьемъ древне-русскаго общества, по нашему мнѣнію, объясняется и тотъ фактъ, почему Сказаніе о Свв. Борисѣ и Глѣбѣ Іакова Мниха [1]) было болѣе распространено въ древне-русскомъ обществѣ, чѣмъ „Чтеніе" о нихъ-же Нестора. Сказаніе Іакова Мниха представляетъ изъ себя высоко-художественное произведеніе, свидѣтельствующее о литературномъ талантѣ, вообще, и художественномъ чутьѣ и большомъ поэтическомъ дарованіи автора, чего далеко нельзя сказать о „Чтеніи" Нестора съ его искусственными пріемами разсказа и натянутыми, тяжелыми лирическими изліяніями. Но объ этихъ двухъ литературныхъ произведеніяхъ я буду имѣть случай говорить особо. Разъ мы только будемъ смотрѣть на службы, какъ на памятники древне-лирической поэзіи, то, само собой разумѣется, желательно изданіе ихъ въ бóльшемъ количествѣ, чѣмъ это есть въ настоящее время. Совсѣмъ нельзя признать правильнымъ мнѣніе, будто службы писались по одному шаблону. Сличеніе всего лишь трехъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи службъ свв. Борису и Глѣбу, убѣждаетъ, что авторы ихъ внесли въ свои произведенія субъективныя черты и таланта, и вкуса, и даже взглядовъ на нѣкоторыя явленія современной имъ русской жизни, такъ что, даже при взаимномъ вліяніи другъ на друга, каждая такая служба все-таки представляетъ изъ себя отдѣльное произведеніе съ оригинальными чертами поэзіи и своими литературными качествами. Оцѣнивать службы съ этой точки зрѣнія есть дѣло историка литературы. Наша задача нѣсколько иная: намъ хотѣлось-бы, не касаясь литературныхъ качествъ нашихъ памятниковъ, выяснить значеніе ихъ, какъ источниковъ историческихъ. Какъ извѣстно, историку приходится прибѣгать къ службамъ тѣмъ или инымъ святымъ для пополненія сво-

[1]) Собственно говоря, вопросъ о томъ, кто былъ авторомъ Сказанія, нельзя считать окончательно порѣшеннымъ и въ настоящее время.

ихъ подчасъ очень скудныхъ біографическихъ о нихъ свѣдѣній, а иногда и для уясненія фактовъ историческихъ, но до сихъ поръ, на сколько мнѣ извѣстно, не было предпринято труда для уясненія историческаго значенія службъ святымъ вообще. Мы ограничимся въ этомъ отношеніи только изданной нашимъ Обществомъ.

Древнѣйшею изъ этихъ службъ признается найденная въ Синодальной типографской библіотекѣ, въ минеѣ служебной за мѣсяцъ іюнь. Рукопись—пергаменная, писанная уставомъ XII вѣка. На ней ясно обозначено имя сочинителя службы: мѣсяца того-же въ кд творение Іоанна митрополита роусьскаго святыма мученикома Бориса и Глѣба [1]). Для насъ не имѣетъ большой важности вопросъ, какому митрополиту, Іоанну I или Іоанну II, слѣдуетъ приписать честь составленія первой службы свв. братьямъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ я скорѣе склоненъ считать эту первую службу произведеніемъ митрополита Іоанна I [2]). Писалъ-ли ее Іоаннъ I

---

[1]) Письмо архимандр. Саввы въ Извѣстіяхъ II отд. Ак. Н., т. VII, стр. 372.

[2]) Срезневскій: Др. памятники рус. письма и языка, Спб. 1882 г., стр. 31. Срезневскій, безъ указанія мотивовъ, относитъ составленіе службы ко времени Іоанна II. Вѣроятно, установленію такого мнѣнія способствовала характеристика Іоанна II въ лѣтописи: „бысть же Іоанъ си мужь хитръ книгамъ и ученью...“. (Ипат. лѣт., 146), а также сохранившіеся отъ него литературные труды. Для категорическаго утвержденія этого еще недостаточно. Голубинскій приписываетъ службу Іоанну I (Исторія Русской церкви, т. I, полов. 2, стр. 334). О времени управленія Русской церковью Іоанномъ I мы свѣдѣній, можно сказать, не имѣемъ. Древнѣйшія наши лѣтописи о немъ совершенно не упоминаютъ. Въ Никоновской лѣтописи м-тъ Леонтій упоминается послѣдній разъ подъ 1004 г., а подъ 1008 г., уже находимъ сообщеніе о поставленіи въ Кіевѣ церкви свв. апостоловъ Петра и Павла м-томъ Іоанномъ. Подъ 1039 г. мы находимъ уже м-та Ѳеопемпта (Никон. лѣт. Спб. 1767 г., стр. 112—135, ч. I). Въ перечнѣ митрополитовъ Іоаннъ стоитъ между Леонтіемъ и Ѳеопемптомъ (П. С. Р. Л., X, стр. XIII) Поставленіе м-та Ѳеопемпта, по довольно позднему источнику, произошло въ 6547 г., т. е., въ 1039 году. См. также Голубинскаго, Исторія Рус. Церкви, т. I, полов. 1., стр. 231—232 и 784 и Макарія: Исторія Рус. Церкви. т. I, стр. 28.

(1008—1035 г.) или Іоаннъ II (+1089 г.), она все-таки хронологически предшествовала службѣ, внесенной въ Иваничскія минеи. Другая изданная служба относится по времени своего составленія ко второй половинѣ XII в. и находится въ рукописи Новгородской Софійской библіотеки, съ яснымъ указаніемъ времени ея написанія въ видѣ приписки: **„конꙿцашасѧ книги сиѧ мц҃а сентабрѧ въ і҃і днь на канѡ въ ꙁдвиженьѧ ѿ мц҃а июнѧ при єпискꙋпѣ Аркадии и при тиѹнѣ Тоупоуелѣ“**. Епископъ Аркадій, какъ видно изъ Новгородской лѣтописи, правилъ отъ 1156 до 1163 г. [1]) Является вопросъ, какое мѣсто занимаетъ между этими двумя службами наша, помѣщенная въ Иваничской минеѣ? Читая авторскія приписки, вступленія и разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ замѣчанія въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ житіяхъ святыхъ, въ сказаніяхъ о нихъ и посвященныхъ имъ повѣстяхъ, мы убѣждаемся, съ какимъ страхомъ и благоговѣніемъ приступали авторы къ составленію своихъ трудовъ. Главное, чего они боялись, это—упущенія и, еще въ большей степени, нечаяннаго, хотя-бы непроизвольнаго, искаженія какого-нибудь факта изъ жизни святого, о которомъ они разсказываютъ. „Се же азъ Нестеръ грѣшный о житии и о погублении и о чюдесѣхъ святою и блаженою страстотерпцю сію, *опаснѣ вѣдущихъ исписавы, а другая самъ свѣды...,*“ говоритъ Несторъ въ послѣсловіи къ своему труду [2]). А если уже не было въ живыхъ „опаснѣ вѣдущихъ,“ то въ такомъ случаѣ авторъ Житія старался найти письменные источники. На существованіе такихъ матеріаловъ и пользованіе ими ясно

---

[1]) Срезневскій, Др. памятники, стр. 66; Макарій, Исторія Рус. Церкви, ч. I, 1857 г., стр. 244, пр. 181. „Въ то же лѣто (6664) събрася весь градъ людіи, изволиша собе епископомь поставити мужь Богомъ избранъ Аркадия“.—(Новг. Лѣт. по синод. списку, Спб. 1888 г., стр. 141); „Въ лѣто 6671. Преставися епископъ Новъгородьскый Аркадии....“ (ibid. стр. 144).

[2]) Чтеніе о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба. Изд. Срезневскаго, 1860 г., стр. 40.

родской, Софійской, Переяславля-Суздальскаго, Тверской и т. д. Сличая, однакоже, всѣ эти варіанты разсказа о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, мы не можемъ не замѣтить, что въ лѣтописи Софійской I, Тверской и Переяславля-Суздальскаго повѣствованіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступаетъ отъ изложенія Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей. На сѣверныя лѣтописи оказываетъ значительное вліяніе сказаніе Іакова Мниха, но у нихъ несомнѣнно есть и другіе источники. Теперь мы постараемся, на сколько возможно, выяснить отношеніе нашей службы ко всѣмъ указаннымъ литературнымъ памятникамъ.

Въ нашу службу вставлены и пареміи. За возгласомъ: „отъ Бытія чтеніе", слѣдовало, какъ оказывается, не чтеніе изъ книги Бытія, а повѣствованіе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, Святополкѣ и Ярославѣ. Когда были составлены эти пареміи? Существовали-ли онѣ уже во время митрополита Іоанна I, составившаго первую службу свв. мученикамъ, или при этой первой службѣ читались пареміи дѣйствительно отъ „Приточь" и „отъ Бытія". На этотъ вопросъ въ настоящій моментъ я отвѣтить не рѣшаюсь. Оставляя его въ сторонѣ, можно сказать утвердительно, что особыя, оригинальныя, пареміи службы свв. Борису и Глѣбу существовали уже въ XII в., такъ какъ онѣ находятся въ харатейномъ Паремейникѣ Типографской библіотеки, писанномъ до 1200 года[1]). Теперь, когда мы знаемъ, что наша служба (Иваничская) уже дѣйствовала до 1158 г., мы можемъ сказать, что и пареміи, въ нее вставленныя, появились ранѣе этого года, т. е., въ первой или въ самомъ началѣ второй половины XII вѣка.

Къ числу сѣверныхъ лѣтописей относится такъ называемый Архангелогородскій лѣтописецъ. Въ немъ подъ 6527 годомъ мы находимъ слѣдующій интересный разсказъ: „Ярославъ-же поимъ воя своя, и приде къ Кіеву на Святополка и ста на Алтѣ, идѣже убиша Бориса, и воздѣвъ руцѣ на

[1]) Срезневскій, Др. памятники, стр. 78—9. Пареміи отсюда были напечатаны въ Приложеніи къ I т. П. С. Р. Л.

небо, и рече: „се кровь брату моею вопіетъ къ Тебѣ, Владыко, якоже Авелева, и Ты отмэти ему, Господи, яко же положи стенаніе на Каинѣ, и трясеніе братоубійцѣ, ей молю Ти ся, да воспріиметъ то и Святополкъ; вы же, братія моя, Борисъ и Глѣбъ, помолитася за мя Богови, аще и тѣломъ отшла еста. *И протчее въ паремьяхъ ихъ*" [1]). Итакъ, составитель Архангелогородскаго лѣтописца самъ открываетъ намъ, что пользовался пареміями изъ службы свв. Бориса и Глѣба. Не такъ добросовѣстны были составители другихъ лѣтописей. Мнѣ приходится опять произвести сличеніе текстовъ. Архангелогородскій лѣтописецъ не разсказываетъ о самой битвѣ, а останавливается на обращеніи Ярослава къ убитымъ братьямъ, отсылая за концомъ къ источнику, видимо хорошо всѣмъ знакомому, къ пареміямъ. Продолженіе разсказа о битвѣ мы находимъ въ другихъ лѣтописяхъ. Сличимъ дальнѣйшій разсказъ, какъ онъ есть въ Тверскомъ Сборникѣ, съ однимъ изъ чтеній паремій.

Твер. сборникъ.

„И се ему рекшу, поидоша противу собе, и покрыша Летьское поле обои отъ множества вой. И бысть сѣче зла, якоже не бывала такова въ Руси, и за руки емлюще сѣчаахуся, и по удоліемъ кровь ручіемъ течаше яко во время дождевное, и съступишася трижды, и мнози вѣрніи видѣша аггелы, помогающа Ярославу; и обьмръкоше біющеся, бѣ бо туча велика, и громъ изъ нея многъ, и млънія часто бли-

Пареміи.

„И се ему рекшю поидоста противоу себе. и покрыша поле алтьское ѡбои ѿ мно҃ства вои. бѣ-же пято҃к тогда въсходящю сл҃нцу приспѣвь ѡ той чинь ст҃ополкь с печенѣги и ступиша҃ о бои. и бы҃ сѣча зла. ако не была в Руси. и за роукы емьлюще сѣчахоуся. и по удоліе҃ кръвь течаше. и ступиша҃ трижы. и омръкоша биюще҃. и бы҃ громь великь и тоучень. и дож҃ь вели҃ и мол-

[1]) Лѣтописецъ Архангелогородскій, М. 1819 г., стр. 52.

стающи, и елико же млънія освѣщаваше, блищахуся оружіа въ рукахъ ихъ, и едва въ глубокь вечеръ одолѣ Ярославъ“..... [1]).	**нїа̑ блистанїа егда̑ ѡблистахоуса молнїа и блещахоуса ѡроужїа в роука̑ и̑. мнози вѣрнїи видахꙋ а҃ггли помагающаа ерославоу . . .“**

Если мы обратимся къ лѣтописцу Переяславля-Суздальскаго, то найдемъ и въ немъ интересныя для насъ мѣста. Въ разсказѣ о послѣдней битвѣ Ярослава съ Святополкомъ мы и здѣсь находимъ то-же самое дополненіе о дождѣ, грозѣ и молніи, которыя продолжались во время битвы [2]). Этого разсказа, этой подробности, нѣтъ ни въ Ипатьевской, ни въ Лаврентьевской лѣтописи, ни въ сочиненіяхъ Нестора и Іакова Мниха, откуда могъ-бы получить ее составитель лѣтописца Переяславля-Суздальскаго; слѣд., взята эта подробность изъ пареміи. Но не этимъ однимъ мѣстомъ выдаетъ себя Переяславскій лѣтописецъ: его уличаютъ двѣ строчки, имъ написанныя. Вотъ что мы читаемъ у него: **ѡ бла̑женаа оутроба-носившиа ваю, бла̑жнаа ц̑ркви, идѣже положена быта рацѣ ваю ст̑и, бла̑женъ паче всихъ гра̑въ и высокъ Вышегра̑, иже стража нощнаго и дневна̑ стажа“** [3]). Исказивъ въ первыхъ словахъ текстъ Іакова Мниха [4]), конецъ лѣтописецъ взялъ изъ пареміи, гдѣ читается: **стѣнамъ твоимъ Вышеграде оустроихъ стража весь день и всю нощь.“** И опять такого выраженія нѣтъ ни у Іакова Мниха, ни у Нестора, ни въ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописяхъ. Пользовался лѣтописецъ Переяславскій не одними только пареміями, но всей службой свв. Борису и Глѣбу. Іаковъ Мнихъ влагаетъ въ уста св. Борису слова, съ которыми онъ въ концѣ обращается къ убійцамъ: „братие, при-

[1]) Тверской Сборникъ, стр. 138—139.

[2]) Лѣтописецъ Переяславля—Суздальскаго, М. 1851 г.. стр. 40.

[3]) Ibidem, стр. 41.

[4]) У Іакова Мниха стоитъ: „о блаженая оубо гроба, приимъши телеси ваю чьстьнѣ“... Лѣтописецъ вмѣсто „оубо гроба“ прочелъ въ рукописи „оутроба“, а далѣе придѣлалъ свою фразу.

ступивъше, съконьчаите службоу вашю“ [1]). Лѣтописецъ Переяславскій, усиленно переписывавшій и сокращавшій твореніе Іакова Мниха, захотѣлъ и здѣсь быть самостоятельнымъ и выхватилъ въ свою собственную фразу выраженія изъ службы.

Переяславскій лѣтописецъ.

„брата ходатаи вѣнца моего бракоу вѣчномоу, скончаите повеленое вамъ [2]).

Служба.

„Нощи и тьмы сн҃ве нарекошл҃ противнїи. вноши та пѣнїе къ бгꙋ приносащю. копїи ꙁбодоша. хо҃датаици твоеꙋ вѣнцю романе, бжⷭ҇ественноу бывше [3])“.

Подобнаго выраженія опять-таки мы нигдѣ не найдемъ. Скрылъ свое пользованіе пареміями и авторъ повѣствованія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, внесеннаго въ Софійскую I лѣтопись. Въ пареміяхъ мы находимъ слѣдующее заключеніе послѣ разсказа объ Альтской битвѣ: „Его же по правдѣ, яко неправедна, суду пришедшю, по отшествіи сего свѣта прияша же муки оканнаго Святополка, показавши пагубная посланая рана, въ смерть немилостивно вългна, и по смерти вѣчно мучимъ есть, *связанъ въ дно аду*.... [4])“ Это заключеніе существуетъ въ лѣтописяхъ Ипатьевской и Лаврентьевской, въ Софіевской I, Тверскомъ Сборникѣ. Я указалъ уже, что составитель послѣдняго воспользовался такимъ повѣствованіемъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, авторъ котораго пользовался

---

[1]) Сказаніе Іакова Мниха по списку Успенского Собора XII в., л. 4.

[2]) Лѣтоп. Переясл.—Сузд., стр. 37.

[3]) Служба Іоанна № 29, Служба Иваничская, № XLII. Служба Аркадія № 28. Есть и у Нестора предсмертныя слова св. Бориса, но передаются они въ такомъ видѣ: влѣзъше братие скончаите волю пославшаго вы“ (Сильвестр. списокъ, ст. 16).

[4]) Пареміи въ приложеніи къ I т. П. С. Р. Л.; въ Иваничской службѣ это мѣсто, благодаря позднѣйшимъ переписчикамъ, читается не такъ ясно. См. стр. 33.

пареміями. Понятно, почему мы находимъ у него и дословно повторенное заключеніе. Но авторъ разсказа о свв. Борисѣ и Глѣбѣ въ Софійской I лѣтописи несомнѣнно пользовался и Сказаніемъ Іакова Мниха, и одной изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей, поэтому сразу не замѣчается его знакомство съ пареміями: у него нѣтъ и подробностей о дождѣ, громѣ и молніи во время Альтской битвы, взятыхъ другими изъ паремій. Но его выдаетъ одно слово въ вышеуказанномъ заключеніи: авторъ удержалъ цѣликомъ послѣднія слова этого заключенія: *связанъ въ дно аду,*" между тѣмъ какъ въ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописяхъ здѣсь получается неясность, потому что слова „*въ аду*" выкинуты, а слово „*связанъ*" оставлено [1]), На основаніи всѣхъ приведенныхъ фактовъ можно пока сдѣлать, какъ кажется, выводъ, что авторы повѣствованій о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, писавшіе на сѣверѣ Руси, пользовались и службами, составленными въ честь мучениковъ.

Но такъ могло быть, когда службы были уже составлены. Изъ трехъ изданныхъ службъ позднѣйшая, Аркадьевская, относится ко второй половинѣ XII в. Писатели Сѣверной Руси могли воспользоваться уже этой готовой службой Аркадія, въ которой, конечно, были уже и пареміи. Однако-же не должно забывать, что болѣе всего слѣдовъ службы свв. мученикамъ мы нашли въ лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго, который представляетъ изъ себя сокращеніе какой-то Суздальской лѣтописи, близко стоящей или лучше представляющей изъ себя оригиналъ лѣтописи Лаврентьевской. Оригиналъ лѣтописи Лаврентьевской первоначально велся, внѣ всякаго сомнѣнія, въ Переяславлѣ южномъ, а затѣмъ былъ перенесенъ въ Суздаль, что, какъ видно изъ содержанія лѣтописи, совершилось около 1156 г.[2]) Какъ ни

---

[1]) Лаврентьев. лѣтоп. стр. 142; Ипатьев. лѣт. стр. 102; Софійск. I лѣт. П. С. Р. Л. т. V, стр. 133.

[2]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ приглядѣться къ характеру извѣстій до и послѣ 1156 г.: сей часъ видно, гдѣ лѣтопись велась до этого года и гдѣ послѣ этого года.

велико было литературное вліяніе Новгорода В. въ Сѣверной Руси, но въ Суздальской землѣ существовали и свои особыя литературныя симпатіи и связи, тяготѣвшія къ югу, къ южному Переяславлю, къ Кіеву. Поэтому мы предполагаемъ, что служба свв. Борису и Глѣбу, которой пользовался составитель лѣтописца Переяславля-Суздальскаго, была не сѣвернаго происхожденія, а южнаго, была принесена съ юга, какъ съ юга-же должно было перейти въ Суздальскую землю и Сказаніе Іакова Мниха, которое также находилось въ числѣ источниковъ Переяславскаго лѣтописца. Но является вопросъ: самая-то первоначальная лѣтопись, дошедшая до насъ въ компиляціи Сильвестра, игумена Выдубицкаго, сама-то она не стоитъ ни въ какой связи со службой свв. Борису и Глѣбу? Можетъ быть, составитель службы воспользовался лѣтописью, извлекая изъ нея необходимый для себя фактическій матеріалъ?

Такъ какъ служба Іоанна составлена гораздо раньше, чѣмъ составилась лѣтопись, то само собой понятно, что матеріалъ она черпала изъ разсказовъ современниковъ событій, какихъ при Ярославѣ и митрополитѣ Іоаннѣ I было еще много, какъ и самъ князь Ярославъ. Когда совершились первыя чудеса, обратившія на себя вниманіе и князя, и митрополита, тогда, очевидно, немедленно было приступлено къ собиранію подробныхъ свѣдѣній о жизни и смерти свв. Бориса и Глѣба. Нѣкоторые изъ собранныхъ фактовъ и вошли въ службу Іоанна. Съ этого-же времени свѣдѣнія продолжали собираться и вносились въ записки Вышегородской церкви. Служба Іоанна могла оказать вліяніе на составителя лѣтописи, но этого вопроса я касаться не буду, такъ какъ, главнымъ образомъ, мой докладъ посвященъ Службѣ Иваничской.—Какъ извѣстно, повѣствованіе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ заканчивается въ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописи ихъ прославленіемъ, довольно обширнымъ. Что оно написано подъ сильнымъ вліяніемъ службъ Свв. Борису и Глѣбу вообще, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Читая это прославленіе, вы ясно видите, что его писалъ человѣкъ,

у котораго въ памяти держались и отдѣльныя выраженія, и обрывки пѣснопѣній, входившіе въ службы мучениковъ. Выраженія: „съвкуплена тѣлома паче же душама, верста единообразна“, „каплями кровными святыми очервивша багряницю“, „земля бо Руска благословися ваю кровью“,—выраженія эти находятся въ службѣ Иваничской. Видно, что въ головѣ того, кто писалъ прославленіе въ лѣтописи, бродили эти выраженія и обрывки пѣснопѣній, припоминались имъ непроизвольно, вслѣдствіе чего онъ разсыпаетъ ихъ въ безпорядкѣ, приставляя къ нимъ свои похвалы, не стараясь припомнить цѣлаго мѣста изъ службы, не обращая вниманія на получающуюся иногда путаницу и даже безсмылицу. Въ службѣ Иваничской мы находимъ напр.: „....**кръвїю вселше въ вѣчную слаҮ, въ ней же веселащесѧ съ лики мчческыми, с ними непрестано молита хоу боу избавити на ѿ врагъ видимы и невидимы и спсти дша наша...**“ [1]), т. е., „вселившись чрезъ свою кровь въ вѣчную славу и въ ней (въ этой славѣ) веселясь съ ликами мучениковъ, съ ними-же непрестанно молитесь Христу Богу избавить насъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и спасти души наши.“ Что-же вышло изъ этого прекраснаго молитвеннаго обращенія у автора лѣтописнаго славословія? Онъ говоритъ: „земля бо *Руска благословися ваю кровью* (выраженіе совсѣмъ изъ другаго мѣста службы), и мощьми лежаща въ церкви духомь божественна просвѣщаета, *в ней-же съ мученикы яко мученика* за люди своя *молитася*“ [2]). Авторъ во первыхъ соединилъ два мѣста службы, не имѣющія никакой логической связи, вмѣстѣ съ тѣмъ забылъ, что̀ разумѣетъ пѣснопѣніе подъ словами: „*въ ней же*“, именно „вѣчную славу“, а потому вставилъ „церковь“, не замѣчая, что въ Вышегородской церкви другихъ мучениковъ не было, и что съ мучениками свв. Борисъ и Глѣбъ могутъ молиться только „у Христа Бога“, какъ и говоритъ пѣснопѣніе.

---

[1]) Иваничская служба, № X.

[2]) Лаврентьев. лѣт., стр. 135.

Но вотъ еще лучшее мѣсто. Авторъ въ лѣтописи говоритъ: „радуйтася, недрѣманьное око стяжавша...“ Изъ чего сдѣлано это выраженіе? „Недрѣманьное око“ есть не болѣе, какъ прочитанное „образъ невредьно“, съ перестановкой. Въ пѣснопѣніи есть ясный смыслъ: „радуйтася, иже по обычаю образъ невредьно сохраниша“, а нашъ авторъ сдѣлалъ совершенно непонятное: „недреманное око стяжавша...“ Что авторъ тутъ сознательно или безсознательно, а измѣнилъ пѣснопѣніе службы, доказывается тѣмъ, что въ пѣснопѣніи этомъже непосредственно слѣдуетъ: „радуитася за *христовы заповѣди* оубіеніе *пріемша*“ [1]), которое авторъ лѣтописнаго прославленія передѣлываетъ въ выраженіе, также довольно запутанное: „*душа* на свершенье Божьихъ святыхъ *заповѣдей примша въ сердці своемъ...*“ Для насъ по крайней мѣрѣ, ясно стремленіе автора лѣтописнаго прославленія быть самостоятельнымъ, оригинальнымъ; но онъ находится подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ службы свв. Борису и Глѣбу, что, можетъ быть, невольно употребляетъ одинаковыя съ нею слова и выраженія. Ясно для насъ также и другое, что изъ этого безпорядочнаго, иногда туманнаго и безсвязнаго, прославленія нельзя было создать пѣснопѣній службы, воспользоваться имъ для лирики, которую мы находимъ въ пѣснопѣніяхъ службы, изъ которыхъ каждое представляетъ собою законченное, со смысломъ, цѣлое. Если у автора прославленія свв. братьевъ (въ лѣтописи) не могли въ точности сохраниться въ памяти чисто лирическія мѣста, то гораздо легче укладываются въ головѣ такіе отрывки, гдѣ существуютъ хоть какіе-нибудь факты. Вотъ такой именно отрывокъ изъ службы довольно точно запечатлѣлся въ памяти автора лѣтописнаго прославленія, хотя и тутъ, излагая отрывокъ по памяти, онъ не особенно слѣдитъ за смысломъ. Авторъ говоритъ, обращаясь къ свв. мученикамъ: „даета исцѣленье: *хромыми* ходити, *слѣпымъ* прозрѣнье, *болящимъ* цѣлбы, окованнымъ разрѣшенье, *темницамъ* отверзенье, печалнымъ утѣху,

[1]) Служба Иваничская, № VIII.

напастнымъ избавленье...“ Нашъ авторъ подвелъ подъ исцѣленіе и освобожденіе отъ оковъ и изъ темницы, но кое-что и забылъ. Въ службѣ Иваничской мы читаемъ: „**слѣпіи приходѧще вѣрою просвѣщаютсѧ, хроміи влекѹще скаѹюще ѿходѧ, недоѹжныѧ исцѣлаютсѧ, бѣснѹющенсѧ бѣсь ѿбѣгаю. вы кнѧзи кнѧзе. вы въ напасте оутѣха. въ темници свобожєніє...** Авторъ лѣтописнаго прославленія забылъ только „бѣснующихся“, разъединилъ одно и то-же чудо въ темницѣ на два факта (освобожденіе отъ оковъ), а „печальнымъ утѣху“ онъ взялъ изъ другаго пѣснопѣнія службы, гдѣ говорится: „**скръбѧщиꙗ ѹтѣшаꙗнта. пѣлныꙗ заступаꙗнта**“ [1]). Только-что приведенныя мѣста отсутствуютъ въ службѣ Іоанна и находятся въ службѣ Иваничской. Изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ такому выводу: авторъ прославленія свв. Бориса и Глѣба въ лѣтописи находился подъ сильнымъ вліяніемъ нашей службы, и, наоборотъ, составитель службы лѣтописнымъ славословіемъ не пользовался.

Переходимъ теперь къ пареміямъ. Я говорилъ уже, что лѣтописецъ Архангелогородскій, Переяславля-Суздальскаго, лѣтопись Софійская I, воспользовались фактическимъ матеріаломъ, находящимся въ пареміяхъ, но несомнѣнно также и то, что у ихъ составителей были въ распоряженіи и Первоначальная лѣтопись, и сказанія Іакова. Беря изъ различныхъ источниковъ, они одно пропускали, иное замѣняли. Обращаясь къ нашей древнѣйшей лѣтописи, мы прежде всеге видимъ въ ней и въ пареміяхъ два одинаковыхъ мѣста. Одно изъ нихъ мы уже указывали. Это—заключеніе послѣ разсказа о битвѣ на Альтѣ. Мы замѣтили уже, что конечныя слова этого разсужденія переданы полностью въ Софійской I лѣтописи, въ которой сказывается вліяніе пареміи. Въ древнѣйшей лѣтописи пропущены послѣднія слова „во дно адоу“, отчего смыслъ значительно извратился. Въ лѣтописи стоитъ: „и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ.“ Выходитъ

1) Лавр. лѣт. стр. 134; служба Иваничская, №№ VII и IX.

такъ, какъ будто Святополка кто-то связалъ и связаннаго мучитъ. Между тѣмъ ясный смыслъ получается у этого мѣста въ пареміи: „**и по смр҃ти вѣ҃чно моучи҃ есть сваза҃ во дно адоу**“,[1]) т. е. по смерти, заключенный на днѣ ада, онъ вѣчно мучимъ“. Итакъ, въ лѣтописи ясно текстъ испорченъ, а само собою разумѣется, что текстъ испорченный есть вторичный, а не первичный. Первичнымъ текстомъ долженъ быть признанъ ясный текстъ пареміи. Слѣдующая за симъ выдержка изъ Библіи опять обнаруживаетъ намъ дѣйствительное соотношеніе между лѣтописью и пареміями. Въ пареміи мы находимъ текстъ полный и правильный. Тутъ говорится о Каинѣ, убившемъ Авеля, о Ламехѣ, убившемъ двухъ сыновей Еноха, и, наконецъ, объ Авимелехѣ, убившемъ 70 сыновъ Гедеоновыхъ, котораго затѣмъ нѣкая жена убила кускомъ жернова подъ городомъ[2]). Въ лѣтописи мы находимъ нѣсколько иное. Во первыхъ, выброшенъ конецъ о смерти Авимелеха, дающій всему разсказу законченность. Во вторыхъ, въ лѣтописи мы находимъ и другой порядокъ изложенія, чѣмъ въ пареміяхъ. Итакъ, относительно этого отрывка мы можемъ сказать слѣдующее: авторъ пареміи не пользовался лѣтописью, потому что у него разсказъ законченный, у него есть фактическая подробность о смерти Авимелеха, которой нѣтъ въ лѣтописи. Здѣсь возможно было-бы предположеніе, что авторъ лѣтописнаго разсказа, и авторъ пареміи, независимо другъ отъ друга, пользовались Библіей и сокращали ее, но независимость пареміи отъ лѣтописи вполнѣ ясна. Однако-же есть обстоятельство, представляющее дѣло въ иномъ свѣтѣ. Въ пареміи говорится: „сей же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся родилъ бѣ от прелюбодѣяния, иже изби братью свою 70 сыновъ Гедеоновыхъ“...[3]) Оказывается, что это сравненіе Святополка съ Авимелехомъ относительно ихъ про-

---

[1]) Лавр. лѣтоп. стр. 142; служба Иваничская, стр. 33.

[2]) Служба Иваничская, стр 34: Книга Бытія, гл. IV, ст. 23—24; Книга Судей, гл. IX, ст. 5, 53 и 56.

[3]) П. С. Р. Л., т. I. Приложеніе.

исхожденія [1]) есть и въ лѣтописи. Независимое пользованіе общимъ источникомъ не допускаетъ такого тождества: въ Библіи о Святополкѣ ничего нѣтъ. Этотъ пунктъ указываетъ намъ неопровержимо, что кто-то изъ нашихъ авторовъ пользовался, а кто-то изъ нихъ доставилъ оригиналъ. Но мы видѣли, что въ лѣтописи нѣтъ того, что есть въ пареміи, и наоборотъ въ пареміи есть лишнее, очень важное для ясности основной мысли, чего нѣтъ въ лѣтописи. Кто-же у кого заимствовалъ? Авторъ лѣтописнаго разсказа воспользовался пареміей, сократилъ ее, переставилъ нѣсколько выраженія. Сократилъ онъ ее потому, что при написаніи обширнаго труда, какъ лѣтопись, нельзя было не сокращать своихъ источниковъ, а переставилъ выраженія потому, что хотѣлъ придать и своему труду нѣкоторый видъ самостоятельности. Далѣе. Въ пареміи сравнивается походъ Ярослава противъ Святополка съ походомъ Авраама для освобожденія Лота. Этого въ лѣтописномъ разсказѣ нѣтъ; слѣд., авторъ пареміи и здѣсь не пользовался лѣтописью. Наконецъ, въ пареміи и лѣтописи мы находимъ одно и то-же разсужденіе послѣ сообщенія о смерти Святополка Древлянскаго [2]).

Я уже гораздо раньше указывалъ, что разсказъ объ Альтской битвѣ въ пареміи изложенъ гораздо подробнѣе, причемъ тутъ подробности очень интересныя, и между тѣмъ ихъ нѣтъ въ разсказѣ лѣтописномъ. Слѣд., составитель пареміи пользовался не лѣтописью, а какимъ-то другимъ источникомъ. Но опять и тутъ дословное сходство первой части разсказа въ пареміи и лѣтописи показываетъ, что составители ихъ имѣли подъ руками какой-то источникъ общій. Оба они передѣлывали этотъ источникъ и брали изъ него то, что и какъ каждому изъ нихъ казалось нужнымъ. Такъ авторъ лѣтописнаго разсказа слова: „...и омеркоша біющеся“, передаетъ такъ: „к вечеру же одолѣ Ярославъ“. Да-

---

[1]) Авимелехъ былъ сынъ Гедеона отъ наложницы (Книга Судей, гл. VIII, ст. 31).

[2]) Иваничская служба, стр. 31; Лавр. лѣт. стр. 136.

лѣе, весь интересный эпизодъ, свидѣтельствующій о разсказѣ очевидца: „и бысть громъ великъ и тутенъ, и дожчь великъ, и молньямъ блистания; егда-же облистаху молния, бльщахуться оружия в рукахъ ихъ...“ [1]), лѣтопись совершенно выбрасываетъ. За то въ лѣтописномъ разсказѣ правильнѣе переданы слова первоисточника въ другомъ мѣстѣ. Ярославъ говоритъ, по лѣтописи: „кровь брата моего вопьеть к Тобѣ, Владыко! мьсти отъ крове праведнаго сего“ [2]). Ярославъ стоялъ въ этотъ моментъ на мѣстѣ смерти св. Бориса и потому естественно говоритъ въ молитвѣ объ одномъ Борисѣ. Такъ какъ служба составлялась въ честь обоихъ мучениковъ вмѣстѣ, то составитель счелъ необходимымъ измѣнить текстъ первоисточника въ такомъ видѣ: „кровь брату моею Романа и Давида вьпиеть к-Тебѣ, Владыко; мьсти кровь праведною сею“ [3]). Итакъ, къ какому-же результату прійдемъ мы послѣ всего сказаннаго? Необходимо различать въ лѣтописномъ повѣствованіи о свв. Борисѣ и Глѣбѣ двѣ части: фактическую и философскую съ лирической. Я готовъ допустить, что фактическая часть лѣтописнаго повѣствованія и паремій имѣютъ общій источникъ въ той или иной передѣлкѣ у каждаго изъ авторовъ этихъ произведеній. Въ философско—лирической части лѣтописное повѣствованіе стоитъ въ полной зависимости отъ нашей службы.

Въ какомъ отношеніи стоитъ разбираемая нами служба къ литературнымъ произведеніямъ Нестора и Іакова Мниха? Ни у перваго, ни у второго нѣтъ всѣхъ вставокъ, какія мы находимъ въ нашихъ пареміяхъ: ни разсужденія о постановленіи царей и князей Богомъ, ни о мученіи Святополка въ загробной жизни, ни о походѣ Авраама для освобожденія Лота. Аналогія проводится у Іакова не между Святополкомъ и Авимелехомъ, а между Святополкомъ и Юліаномъ Отступ-

[1]) Цитируемъ по П. С. Р. Л., т. I; Иваничская служба, стр. 33.
[2]) Лавр. лѣт., стр. 140—141.
[3]) П. С. Р. Л., т. I и Иваничская служба, стр. 32.

никомъ [1]). Мнѣ кажется, отсюда прямо вытекаетъ, что составитель паремій не пользовался и не могъ пользоваться сказаніемъ Іакова Мниха, потому что у послѣдняго нѣтъ того, что взялъ изъ Библіи и что хотѣлъ сказать авторъ паремій. Чтобы яснѣе для насъ было соотношеніе между разсказами лѣтописи, Іакова Мниха и пареміи, приведемъ параллельно описаніе битвы на Альтѣ изъ всѣхъ этихъ памятниковъ:

Пареміи.

„Ярославъ же приде в-силѣ тяжьцѣ, и приде на Алту, и ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса; въздѣвъ на небо руцѣ, и рече: „кровь брату моею Романа и Давида вьпиеть к-Тебѣ, Владыко! мьсти кровь праведною сею, якоже мьстілъ еси кровь Авелеву, положивъ на Каинѣ трясение; и тако положи на семь оканьнѣмъ Святополцѣ". Помолився рече: „брата моя! аще еста и тѣломъ отсюду далече, то молитвою помозита ми на противнаго сего и убійцю гордаго". И се ему рекшю, поидоша противу себѣ и покрыша поле Летьское обои от множьства вой. Бѣ-же пятокъ тогда, въсходя-

Лѣтопись.

Приде Святополкъ съ Печенѣгы въ силѣ тяжьцѣ. Ярославъ собра множество вой, и изиде противу ему на Льто и ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: „кровь брата моего вопіеть к Тобѣ Владыко! мьсти отъ крове праведнаго сего, яко же мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ па Каинѣ стенанье и трясенье; тако положи и на семь". Помоливъся р е к ъ: „брата моя! аще еста и тѣломъ отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю гордаго. И се ему рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летьское отъ множества вой. Бѣ-же

Іаковъ Мнихъ.

Прочее же сь треклятый приде съ множьствомъ Печенѣгъ, и Ярославъ, совокоупивъ воя, изиде противоу емоу на Льто и ста на мѣстѣ, идеже бѣ оубиенъ стый борисъ, воздѣвъ руцѣ на небо и рече: се кровь брата моего вопіеть къ Тебе. Владыко, яко же и авелева преже, и Ты мьсти его, яко же и на ономь положи стонание и трясение на братооубиници каинѣ. Ей, молю Тя, Господи, въсприимуть противоу томоу, и помолися и рекъ. О брата моя, аще и тѣломь отшьла еста, нъ благодатию жива еста и господеви предъстоита, и молитвою помозита ми, и си рекъ, и по-

[1]) Сказаніе Іакова Мниха по списку Успенскаго Собора XII в., л. 7.

щю солнцю, и приспѣ о то чинъ Святополкъ с Печенѣги, и съступишася обои, и бысть сѣча зла, ака-же не бывала в Руси, и за руки емлюще сѣчахуся, и по удолиемь кровь течаше; и съступишася трижды и омеркоша бьющеся. И бысть громъ великъ и тутенъ. и дожчь великъ, и молньямъ блистания; егда-же облистаху молния, бльщахуться оружия в рукахъ ихъ, и мнози вѣрнии видяху ангелы помагающа Ярославу. Святополкъ же давъ плещи побѣже[1]).

пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сѣчахуся, и сступашася трижды яко по удольемъ крови тещи; к вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа“ [2]).

идоша противоу себѣ, и покрыша поле летьское множествъмь вои и състоупишася въ сходящю солнцю и бысть сѣча зла отиноудь, и състоупашася трижьды и бишася черезъ день весь, и оуже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а съ оканьный Святополкъ побѣже“[3])

Сличенные тексты, кажется, ясно показываютъ, что авторы ихъ не пользовались произведеніями другъ друга, но имѣли общую основу, которую и передѣлывали, то сокращая, то расширяя ее тѣми данными, которыя были у нихъ подъ руками. Однако-же мы думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что авторъ пареміи болѣе сохранилъ намъ общій первоисточникъ, въ которомъ мы имѣемъ разсказъ, кѣмъ-то и гдѣ-то записанный со словъ очевидцевъ. Такимъ образомъ, пареміи приходится признать вполнѣ независимыми отъ сказанія Іакова Мниха и чтенія Нестора, у котораго разсказа о битвѣ на Альтѣ и совсѣмъ не имѣется. Но если пареміи независимы отъ „Сказанія“ Іакова, то это еще не значитъ, что „Сказаніе“ Іакова должно быть вполнѣ независимо отъ пареміи. Мы на-

[1]) Цитируемъ П. С. Р. Л., т. I; Иваничская служба, стр. 32—33.
[2]) Лавр. лѣт., стр. 140.
[3]) Сказаніе Іакова Мниха, XII в., л. 6, v.

ходимъ у Іакова Мниха мѣста, которыя представляютъ собою сокращеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ пареміи. Такъ, разсужденіе въ пареміи: „его же (Святополка) по правдѣ, яко неправедна, суду пришедшю, по отшествии сего свѣта прияша же муки оканнаго Святополка: показавши пагубная посланая рана, въ смерть немилостивно вътгна, и по смерти вѣчно мучимъ есть, связанъ въ дно аду.... [1]),"—все это мѣсто у Іакова Мниха сокращено такъ: „и приятъ възмьздие отъ г-а яко же показа ся посъланая на нь пагоубьная рана, и по смерти муку вѣчную.... [2])" Іаковъ передалъ только мысль автора пареміи и при томъ не совсѣмъ удачно. Далѣе весь полный разсказъ о Ламехѣ и Авимелехѣ сохранился у Іакова Мниха только въ такой формѣ и передѣлкѣ: „да аще кто си сътворить, слыша таковая, си же прииметь и вящьша сихъ, яко же каинъ, не вѣдый мьсти прияти, и единоу прия, а Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмь же седмьдесятицею мьстися емоу тако ти соуть отъмьстия зълыимъ дѣлателемъ, яко же бо иоулианъ.... [3])". Далѣе слѣдуетъ разсказъ о Юліанѣ Отступникѣ. Если мы станемъ утверждать, что авторъ пареміи пользовался при написаніи своей работы сказаніемъ Іакова Мниха, то намъ придется сдѣлать рядъ предположеній, которыя трудно обосновать. Пришлось бы предполагать: 1) что авторъ пареміи, найдя у Іакова Мниха кратко выраженную мысль о мученіи Святополка за гробомъ, рѣшилъ ее расширить; 2) что, прочитавъ два слова о Каинѣ и Ламехѣ, счелъ нужнымъ привести подробный разказъ о нихъ изъ Библіи; и что 3) ему не понравилось сравненіе Святополка съ Юліаномъ, и онъ замѣнилъ его сравненіемъ съ Авимелехомъ. Гораздо проще и естественнѣе представляется все дѣло, если мы рѣшимъ вопросъ въ обратномъ смыслѣ. Іаковъ Мнихъ выбросилъ изъ пареміи разсказъ объ Авраамѣ, разсужденіе о князьяхъ, а вставку о мученіяхъ Святополка и Ламехѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I и Иваничская служба, стр. 33.
[2]) Сказаніе Іакова Мниха XIII в., л. 7.
[3]) Ibidem.

сократилъ, взявъ изъ нея только основную мысль. Почему Іаковъ Мнихъ выбралъ сравненіе Святополка съ Юліаномъ Отступникомъ, а не съ Авимелехомъ? Объясненіе этого факта мы находимъ въ сочиненіи Нестора. Послѣдній не говоритъ совсѣмъ о битвѣ на Альтѣ, а только сообщаетъ слѣдующее: „.... и тамо (Святополкъ) животъ свой сконча и злѣ разверже; бываеть бо смерть грѣшнику люта, мнози бо глаголять въ мрацѣ его видѣвше *суща, како яко же и Оульяна законопреступного.*“ [1]) Откуда такое совпаденіе у Нестора и Іакова Мниха? Какъ я сказалъ еще въ самомъ началѣ моего доклада, Несторъ и Іаковъ Мнихъ оба имѣли общій источникъ —церковныя записки. Ясно, что оба они нашли сравненіе Святополка съ Юліаномъ именно тамъ. Отсюда также вытекаетъ, что въ церковныхъ запискахъ не было ничего о Ламехѣ и Авимелехѣ, которыхъ не упоминаетъ и Несторъ. Слѣд., Іаковъ Мнихъ нашелъ о Ламехѣ и Авимелехѣ въ пареміи, захотѣлъ удержать нѣчто изъ обоихъ своихъ источниковъ и потому о Ламехѣ онъ сократилъ изъ пареміи, Юліана Отступника взялъ изъ церковныхъ записокъ, а Авимелеха, какъ ненужнаго ему при Юліанѣ Отступникѣ, совсѣмъ выбросилъ. Самъ собою также напрашивается и слѣдующій выводъ: Несторъ пользовался только церковными записками; стало быть, когда онъ писалъ, нашихъ пареміи еще не существовало, а когда писалъ Іаковъ Мнихъ, онѣ уже были составлены.

У Іакова Мниха разсказъ о смерти свв. мучениковъ, какъ и въ лѣтописи, заканчивается ихъ прославленіемъ. Іаковъ Мнихъ былъ очень талантливый писатель, умѣвшій искусно сливать во-едино разнородные матеріалы, которыми ему приходилось пользоваться. Поэтому его нельзя уловить на подражаніяхъ тѣмъ или инымъ словамъ и выраженіямъ. Тѣмъ не менѣе, необходимо указать слѣдующія совпаденія въ лирической части труда Іакова Мниха и въ пѣснопѣніяхъ нашей службы.—Служба VII: „**вы кнѧзи кнѧзе̑**“, Іаковъ: „**по**

[1]) Чтеніе Нестора, Сильвестровскій списокъ, ст. 20—21.

истинѣ вы цесаря црѣмъ и князя князємъ";—Служба IX: "**Иже на землн агтла и нбсн члка божїа**", Іаковъ: "**вы оубо нбсьная члобѣка еста, земльная аггела**". Вообще, сличая славословіе Іакова съ пѣснопѣніями службы, рискованно дѣлать какіе нибудь выводы о взаимномъ вліяніи сказанія и нашей службы. Я не могу не сказать только, что лирическая заключительная часть произведенія Іакова Мниха производитъ на меня такое впечатлѣніе, что онъ, хорошо зная пѣснопѣнія службы, съумѣлъ создать изъ нихъ самостоятельное лирическое произведеніе, отличающееся художественностью и силой.

Такимъ образомъ, если вѣрны наши соображенія, приходится прійти къ заключенію, что наша служба свв. Борису и Глѣбу, являясь совершенно самостоятельной отъ произведеній Нестора и Іакова Мниха, сама скорѣе послужившая для послѣдняго, несомнѣнно оказавшая вліяніе на составителя лѣтописи, была составлена до появленія въ свѣтъ труда Выдубецкаго игумена Сильвестра. Такъ какъ Сильвестръ закончилъ свой трудъ въ 1116 году, то, слѣд., наша служба написана раньше этого. Если она появилась послѣ того, какъ Несторъ писалъ свое „Чтеніе о житіи и погубленіи" свв. Бориса и Глѣба, то промежутокъ времени, когда она могла быть составлена, падаетъ приблизительно на 1085—1116 годы. Terminus post quem для появленія нашей службы можетъ быть опредѣленъ и другимъ путемъ. Припомнимъ, что въ службѣ перечисляются нѣкоторыя чудеса. Послѣднее, въ хронологическомъ порядкѣ, чудо состояло въ освобожденіи изъ темницы въ Вышгородѣ невинно посаженныхъ туда Святополкомъ мужей. Мы можемъ приблизительно опредѣлить время этого чуда. Вотъ что разсказываетъ Іаковъ Мнихъ: „Святополкъ же Изяславичь прия княжение Кыевѣ, а Давидъ и Ольгъ Чьрниговѣ, Володимиръ же Переяславлѣ. въ та же времена поганымъ оукрѣпивъшемъся паче на насъ и много насильствующемъ намъ за наши грѣхы, бысть забъвение о церкви сею святою мученикоу, и ни единъ же можаше что съдѣяти и о зьдании о вьсемь (церкви), и о съка-

заніи чюдесъ, а и о многомъ бывающемъ. повѣдахоу бо иже и самовидьци бывъшеи чюдеси сицемоу бывъшю, яко стоплъкъ князь въсадилъ бяше въ погребъ два моужа"... [1]). Отсюда видно, что это чудо не было своевременно записано, потому что неурядицы на Руси прервали на нѣкоторое время записываніе чудесъ при Вышегородской церкви вообще. Эти неурядицы, способствовавшія предпріятіямъ Половцевъ, падаютъ между годами 1093, когда началъ княжить въ Кіевѣ Святополкъ-Изяславъ, и 1100-мъ, когда произошелъ съѣздъ князей въ Увѣтичахъ. Слѣд., чудо съ заключенными въ темницѣ должно относиться къ этому времени, а потому и наша служба, которая приняла его во вниманіе, не могла появиться раньше этого срока.

Если же мы примемъ во вниманіе, что чудо могло быть записано только послѣ возстановленія спокойствія, то есть, послѣ 1100 года, то и появленіе нашей службы надо подвинуть еще впередъ ко времени послѣ этого года. Іаковъ Мнихъ связываетъ однакоже съ заботой о продолженіи записей чудесъ заботу о построеніи новой каменной церкви вмѣсто старой деревянной, построенной въ 1072 г. и пришедшей въ полную ветхость. Мы и видимъ, что въ 1102 г. Владиміръ Мономахъ украшаетъ гроба мучениковъ, самъ Святополкъ дѣлаетъ, хотя и неудачную, попытку создать новую каменную церковь. Наконецъ, удается постройка Олегу Святославичу, который потратилъ на нее большія средства. Она была закончена приблизительно въ 1111—1112 г,, но Святополкъ до самой своей смерти, въ 1113 г., не соглашался на освященіе новой церкви и на перенесеніе въ нее мощей изъ старой деревянной [2]). Эта попытка Святополка построить новую церковь, украшеніе гробовъ, постройка новой церкви Олегомъ,—все это, конечно, вызвало усиленное собираніе свѣдѣній о чудесахъ, и всѣ эти факты сближаются между собою. Приготовленіе къ освященію новопостроеннаго храма и къ

---

[1]) Сказаніе Іакова Мниха XII, л. 13.

[2]) Сказаніе Іакова Мниха XII в., 13 и 14.

торжеству перенесенія въ него мощей должно было оживить и литературную дѣятельность. Прежняя Іоанновская служба уже не годилась: со времени ея составленія открылись новыя подробности событій изъ жизни свв. братьевъ, были собраны новыя данныя о чудесахъ, которыя должны были служить къ большему прославленію ихъ,—все это дожно было привести къ созданію новой службы, которая заключала бы и всю полноту свѣдѣній и сооотвѣтствовала торжественности момента. Такая служба и явилась, безъ всякаго сомнѣнія. Этой службой и могла быть наша, такъ называемая Иваничская. служба. Я говорю, *могла*, но не утверждаю этого, хотя мое предположеніе можетъ быть поколеблено только другимъ предположеніемъ-же, для котораго, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, нѣтъ данныхъ. Это новое предположеніе такое: лѣтопись, составленная Сильвестромъ, игуменомъ Выдубецкимъ, имѣется у насъ не въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ ея составителя, а кѣмъ-то и когда-то позже передѣланная и дополненная, потому что эта лѣтопись, которую мы имѣемъ теперь подъ названіемъ Ипатьевской и Лаврентьевской (до 1110 г.), въ своемъ повѣствованіи о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, въ лирической части, составлена подъ вліяніемъ нашей службы. Если наша служба составлена позже 1115 г.—1116 г., то и повѣствованіе о мученикахъ измѣнено сообразно со службой послѣ этихъ лѣтъ, послѣ Сильвестра. Послѣдней хронологической границей для появленія нашей службы является, какъ мы видѣли, 1158 г., а слѣд. для передѣлки лѣтописи Сильвестра придется отвести въ такомъ случаѣ періодъ времени или отъ 1116 г., т. е., отъ момента ея составленія до 1158 г., или отдалить еще далѣе за предѣлы 1158 г. Вѣрнѣе совсѣмъ другое предположеніе, именно, что игуменъ Сильвестръ дополнялъ и передѣлывалъ уже существовавшую до него Первоначальную лѣтопись; передѣлывалъ и дополнялъ онъ и тѣ литературные матеріалы, которые собралъ, новыми, имъ собранными и при немъ явившимися матеріалами; къ числу такихъ матеріаловъ принадлежала и наша служба. Такъ какъ Сильвестръ закончилъ

свой компилятивный трудъ въ 1116 г., то наша служба появилась до этого года, а слѣд. и можетъ ея появленіе быть связано съ торжествомъ въ Вышгородѣ 1115 г., при чемъ она была составлена раньше, м. б.. въ промежуткѣ 1111—1114 г., хотя, конечно, точнаго года указать нельзя.

Какъ-же составлена и гдѣ составлена наша служба? Составитель ея взялъ всю службу Іоанна, обратился къ церковнымъ записямъ въ Вышгородѣ и, какъ мнѣ кажется, къ такимъ-же запискамъ, ведшимся въ Летьскомъ (Альтскомъ) монастырѣ [1]), а затѣмъ присоединилъ къ этому и Священное Писаніе. Въ пареміяхъ въ П. С. Р. Л. т. I находится объясненіе, что мѣсто убіенія Глѣба, Смядынь, лежитъ „об-сю сторону Смолиньска." Отсюда можно было-бы заключить, что оригиналъ или древнѣйшая рукопись службы писана на лѣвой сторонѣ Днѣпра, ни въ Кіевѣ, ни Вышгородѣ [2]). Въ рукописи Иваничской объяснение дѣлается такое: „обь ону страну Смоленьска." Если считать пареміи, т. е. ту древнюю рукопись ихъ, съ которой снята копія въ Иваничскую минею, позднѣйшей, чѣмъ рукопись при Лаврентьевской лѣтописи, то можно думать, что служба потомъ была переписана на правой сторонѣ Днѣпра, но составлена первоначально на лѣвой. Однако же прочно обосновать этого положенія нельзя. Служба въ Иваничской минеѣ могла быть снята съ рукописи болѣе древней, чѣмъ та, съ которой снята копія паремій при Лаврентьевской лѣтописи, такъ что „обь ону страну Смоленьска" можетъ быть древнѣе, чѣмъ „об-сю сторону Смолиньска," т. е., что оригиналъ службы былъ составленъ на правой сторонѣ, въ Кіевѣ или Вышгородѣ, а потомъ переписанъ гдѣ-то на лѣвой, при чемъ сдѣлано соотвѣтствующее измѣненіе согласно мѣстнымъ условіямъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ,

---

[1]) На существованіе монастыря на Альтѣ ясно указываютъ слова лѣтописи въ разсказѣ о назначеніи преемника св. Ѳеодосію на игуменствѣ Когда св. Ѳеодосій указалъ братіи на Іакова, „то братьи же не любо бысть. глаголюще: „яко не здѣ *есть постригълся*": бѣ бо Иаковъ *пришелъ* сь *Летьца* с братомъ своимъ Павломъ" (Ипатьев. лѣт., стр. 131).

[2]) Устье Смядыни находится на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

что служба, предназначавшаяся для церкви, гдѣ лежали тѣла свв. мучениковъ, была составлена на югѣ. У насъ, собственно говоря, есть только три древнѣйшихъ лѣтописныхъ рукописи: Синодальная Новгородская, часть которой до половины XIII ст. писана рукой современника описываемыхъ послѣднихъ событій, Ипатьевская—конца XIV или начала XV и Лаврентьевская — конца XIV вѣка. Такимъ образомъ Ипатьевскій и Лаврентьевскій списки почти ровесники, но является еще вопросъ, какой изъ нихъ представляетъ копію съ болѣе древней рукописи. Можетъ быть, оригиналъ Ипатьевскаго списка древнѣе, чѣмъ оригиналъ монаха Лаврентія. Обращаетъ на себя вниманіе транскрипція имени *Смоленскъ*. Въ Новгородской Синодальной XIII в. въ части Первоначальнаго лѣтописца мы находимъ „*Смоленьскъ*" или „*Смолнескъ*", далѣе „*Смолньскъ*", „*Смольньскъ*" [1]). Въ Ипатьевской лѣтописи: „*Смоленьскъ*", „*Смольнескъ*", „*Смолѣнскъ*" [2]), но въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: „*Смолиньскъ*", „*Смолинскъ*", „*Смолинескъ*", а на протяженіи Первоначальнаго лѣтописца „*Смоленьскъ*" [3]), т. е., такъ, какъ въ Новгородской и Ипатьевской. Отсюда, кажется намъ, можно заключить, что первоначальная форма есть *Смольньскъ*, а *Смолиньскъ*, *Смолинскъ*—измѣненная форма суздальскихъ переписчиковъ. „Об-сю сторону Смолинска" въ Пареміи могло быть написано на сѣверѣ, а не югѣ. Но такъ какъ странно предположить, чтобы служба святымъ Борису и Глѣбу, предназначенная для Вышегородской церкви, была заказана кому-нибудь на сѣверѣ, когда на югѣ были для этого свои люди среди духовенства, то стало быть паремія съ выраженіемъ „об-сю сторону *Смолиньска*" есть копія съ южной пареміи, въ которой стоитъ: „обь ону страну *Смоленска*". Оригиналъ службы свв. Борису и Глѣбу, копія которой внесена въ Иваничскую минею, несомнѣнно, оказалъ вліяніе и на Сильвестровскую

1) Стр. 5, 91, 92, 67, 80, 400.
2) Стр. 6, 13, 113.
3) Стр. 10, 22, 157, 228 241.

компиляцію, а такъ какъ Сильвестръ окончилъ свою компиляцію въ 1116 г., то оригиналъ нашей службы составленъ раньше этого года. Въ это время ни въ Смоленскѣ, ни Суздалѣ, не могло быть еще подходящихъ условій для того, чтобы тамъ заказывать составленіе службы кому-нибудь изъ тамошняго духовенства. Смоленская область еще была даже соединена въ то время съ епархіей Переяславля южнаго. Словомъ, центръ выдающихся по образованію и талантамъ людей былъ на югѣ. Только съ образованіемъ самостоятельныхъ удѣловъ въ Суздалѣ и Смоленскѣ, послѣдніе являются умственными центрами, не уступающими городамъ южнымъ, но въ началѣ XII в. этого не было. За честь составленія нашей службы могутъ конкурировать въ то время лишь Кіевъ, Вышгородъ, Переяславль, Черниговъ и, можетъ быть, Летьскій (Альтскій) монастырь. Главными дѣятелями въ событіи 1115 года являются Олегъ Святославичъ, братъ его Давидъ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Очень возможно, что наша служба составлена съ ихъ вѣдома, даже, можетъ быть, по ихъ порученію. Странно было-бы предполагать, что кто-нибудь изъ нихъ поручилъ составленіе службы кому-нибудь изъ Суздаля, Смоленска или Новгорода. Если мы примемъ, что въ пареміяхъ оригинала нашей службы стояло „объ ону страну Смоленска", то оригиналъ ея составленъ или въ Кіевѣ, или въ Вышгородѣ; если допустимъ, что въ пареміяхъ оригинала стояло: „об-сю сторону (страну) Смоленьска" (а не „Смолиньска", какъ написалъ сѣверный переписчикъ), то служба составлена или въ Черниговѣ, или въ Переяславлѣ, или въ Альтскомъ монастырѣ, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, спеціально для совершенія ея въ Вышегородской церкви, какъ это ясно изъ содержанія раньше указанныхъ пѣснопѣній этой службы. Но вопросъ затрудняется еще и тѣмъ, обстоятельствомъ, что въ пареміяхъ службы, которая должна была спеціально совершаться въ Вышегородской церкви, иначе нельзя было сказать, какъ: „объ ону страну Смоленьска", потому что Вышгородъ лежитъ на правой сторонѣ Днѣпра, а Смядынь на лѣвой. Слѣд., если

составитель жилъ и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, т. е. въ Черниговѣ, Переяславлѣ или Альтскомъ монастырѣ, все равно, приготовляя Службу для Вышегородской церкви, онъ долженъ былъ примѣниться къ мѣстнымъ условіямъ, стало быть, написать „обь ону страну Смоленьска". Такимъ образомъ, и это обстоятельство приводитъ скорѣе къ тому, что въ оригиналѣ нашей службы стояло именно это выраженіе, а слѣд. паремія съ выраженіемъ „обь сю сторону Смолиньска" есть уже копія съ оригинала, въ которой служба являлась уже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, сообразно съ новыми мѣстными условіями. Мы видѣли, что епископъ Аркадій, воспользовавшись нашей южной службой, передѣлалъ ее сообразно съ мѣстными новгородскими условіями. Мы увѣрены, что измѣненія и въ пареміяхъ, и въ службѣ вообще, дѣлались и въ другихъ областяхъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Одно то обстоятельство, что въ одномъ спискѣ пареміи стоитъ „обь сю страну Смолиньска", а въ другомъ „обь ону страноу Смоленьска", уже это обстоятельство показываетъ само по себѣ, что мѣстныя условія принимались во вниманіе.

Вопросъ о мѣстѣ написанія службы, т. е. о пріуроченіи ея къ Кіеву или Вышгороду, Переяславлю, Чернигову, Альтскому монастырю,—для насъ не имѣетъ важнаго значенія. Фактъ южнаго происхожденія оригинала нашей службы не подлежитъ сомнѣнію; несомнѣнно также и то, что составлялась эта служба для Вышгородской церкви исключительно. Важно для насъ другое: наша служба была принята Сильвестромъ Выдубицкимъ при его компилятивной работѣ, и подъ ея вліяніемъ подвергся измѣненіямъ Первоначальный лѣтописецъ, бывшій въ рукахъ у Сильвестра; отсюда вытекаетъ, что оригиналъ нашей службы составленъ до 1116 года [1]).

---

[1]) Компиляторъ Сильвестръ воспользовался пареміей для украшенія описанія другой битвы Ярослава, о которой онъ мало зналъ и источни-

Вотъ все, что я могу сказать, о времени появленія и составленія службы, находящейся въ Иваничской минеѣ. Я могу еще добавить, что желательно было-бы собираніе и изданіе службъ. Изученіе ихъ, какъ мнѣ кажется, могло бы оказать значительную услугу для выясненія исторіи нашихъ древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ, во многихъ отношеніяхъ еще далеко не ясной.

П. Голубовскій.

ковъ не имѣлъ, именно битвы Лиственской. Приведемъ параллельно текстъ.

Лаврентьев. лѣт.	Пареміи.
. . . И по семъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи Варяги и *бысть сѣча силна,* яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и *бѣ гроза велика и сѣча силна* и страшна" (стран. 144—145).	. . . . и съступишася обои, и *бысть сѣча зла,* ако же не бывала в Руси, и за руки емлюще сѣчахуся, и по удолиемь кровь течаше; и съступишася трижды и омеркошась бьющеся. И бысть *громъ великъ* и тутенъ, и дождь великъ, и молниямъ блистания; *егда же облистаху молния, бльщахуться оружия* в рукахъ ихъ, и мнози вѣрнии видяху ангелы помагающа Ярославу" (П. С. Р. Л. т. I и Иваничская Служба, стр. 32—33).

Послѣ этого сличенія, кажется, не трудно видѣть и убѣдиться, что компиляторъ лѣтописи сократилъ разсказъ пареміи и при томъ неудачно. Онъ не съумѣлъ округлить разсказа и повторяетъ два раза „сѣча силна", не умѣя закончить описаніе. Вотъ это мѣсто пареміи, ясно обнаруживающее предъ нами очевидца событія, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что записано это было въ Летскомъ монастырѣ, изъ записокъ которого и взялъ подробности битвы составитель пареміи.

дра Вишъневецкого, старосту черкаского и каневского, за несталость на рокъ и позовъ теперешний перший в той то справе помененой, яко потреба естъ водле статуту права посполитого, стороне поводовой Михайлу Байбузе здали есмо и здаемъ тымъ декретомъ нашимъ, до которого на свидецъство печать наша коронная естъ притиснена. Писанъ в Кракове дня пятогонадцать мца генваря року Божого тисяча пятьсотъ осмдесятъ третего, а кролеванья нашого року семого. Joannes Borukowski, R. P. vicecancellarius.

(Лит. метр. книга записей корон. № 6, лл. 145—146).

IV.

Грамота короля Сигизмунда III шляхетному Михаилу Грибуновичу Байбузѣ на земли по р. Пслу, жалуемыя ему въ безсрочное владѣніе (*Данина Байбузе на Псолъ*). 20 апрѣля 1589 года.

Жикгимонтъ третий etc.,—ознаймуем тым нашим листом всим вобец и каждому зособна, кому колвекъ то ведати належит: Оповедил перед нами урожоный кнзь Александръ Вишневецкий, староста черкаский, каневский, корсунский и любецкий, залецаючи верные, годные и працовитые заслуги шляхетного Михайла Грибуновича Байбузы, который, з детинных лет своих служачи на Украине, еще при отцу его велеможном некгды кнзю Михайлу Вишневецком, кашталяне киевском, старосте черкаском, также через увесь час и при нем самом в многих потребах з неприятелы нашими и Речи Посполитое бываючи, чинил и доказывал, наставуючи горла своего, кров свою проливал, которого яко чоловека годного, на Украине потребного, задержати хотечи, дал ему до воли и ласки нашое вход замковый, властный пожитокъ свой старостинский, прозываемый реку Пъсол, зо всими пожитки и належностями, які на старостъ тамошних оттол бывали, яко ся тот вход здавна в собѣ мает; якож нѣкоторые панове рады наши и сам же кнзь староста черкаский за ним нас жадали и причиняли, абыхмо то помененому Михайлу Грибуновичу

Байбузе до его живота дали и нашим листом подтвердили. А такъ мы, хотечи пречоному Михайлу Байбузе знакъ ласки нашое королевское показати і тым хутлившого вперед ку службам нашым и Речи Посполитое учинити, з ласки нашое королевское вышепомененый вход реку Пъсол зо всим на все, яко ся в собе мает, Михаилу Байбузе до его живота дали есмо и сим листом нашим даем; мает онъ тот вход зо всими пожитками и належностями держати, уживати, вшелякие пожитки собе там вынайдовати и причиняти водле найлепшого бачения своего, служачи намъ с того обычаем звыклым службу нашу господарскую конно, збройно; обецуем і словом нашим королевским за нас и потомки наши, же того Михайла Байбузу в спокойном держаню до остатнего его живота захoваем, а ни помененого входу реки Пъсла и всих належностей и пожитковъ. до него прислухаючих, не одыймем и отняти не допустим, не уближаючи однак тым праву ничиему, а варуючи то, иж Байбуза, держачи тот вход, оттол на поле военным делом без дозволеня и ведомости гетмана коронного ходити, также никого выправовати и живности додавати не маетъ. А для лепшой вѣры и сведецства тое речи, сес лист рукою нашою королевскою подписавшы, печат нашу корунъную до него привесити есмо росказали. Писанъ въ Варшаве на сейме валном коронном дня двадцатого мца априля, року Божего нароженя тисеча пятсотъ осмъдесят девятого, а кролеваня нашого року второго. Sigismundus Rex.

(Лит. метр., кн. записей корон. № 9, лл. 34—35).

V.

Жалованная грамота кор. Сигизмунда III кн. Александру Вишневецкому, старостѣ Черкасскому и Каневскому, на вѣчное владѣніе землями по рр. Сулѣ, Удаю и Солоницѣ и уходомъ Лужокъ (*Вечность кнзю старосте черкаскому на Сулу и на инъшие добра*). 18 апрѣля 1590 года.

Во имя Бжое станся. Амин. Мы, Жикгимонт третий, Бжою млтю корол полский, великий кнзь литовский, руский,

пруский, мазовецкий, жомоитский, киевский, волынский, подляский, ифлянтский и королевства швецкого власный дедич и пришлый корол,—ознаймуем тым ншим листом всим вобец и каждому зособна, кому колвек то ведати належит, нинешним и на потом будучим, иж на сейме нинешном валном коронномъ въ Варшаве, пришедши перед нас и пнов рад нших послове зо всихъ земль, воеводствъ и поветов коронныхъ обойга народу, причинялися черезъ урожоного Миколая Ланцкорунского, посла з воеводства руского, за урожоным кнзем Александром Вишневецким, старостою черкаским, каневским и любецким, прекладаючи и залецаючи заслуги его, и показали привилей короля его мсти Стефана, фалебное памети продка ншого, которым его королевская млст на сейме Варшавском в року семдесят осмом за службы шляхетного Михайла Грибуновпча Байбузы ему, жоне, детем и потомком его на вечност дати был рачил в старостве черкаском и каневском ку осаженю людми пустыню названую реку Сулу, реку Удай и реку Солоницу з речками и озерами, почавши з конца горою Сулы от Снитина, рубежа московского, аж вниз до устья Днепра, и ку тому в той же реце Суле уход названый Лужок, зо всими пожитки и доходами тыми, которые бы одно з них здавна належали и выналезены были, меновите з Сивера з данно медовою и звериными ловы, з бобровыми гоны, з рыбными уходы, и што колвек пожитков и доходов, якими колвек имены названых, оттул не выймуючи на нас и на старосту ншого черкаского и каневского не зоставуючи, яко оный привилей ширей в собе обмовляет; которых добръ Байбуза на он час зараз в держане пришол и уживаючи их спокойне, оные по доброй воли своей за листом ншим позволенным превеченому кнзю Александру Вишневецкому, его жоне, детем и потомком тым же правом своим вечнымъ врядовне пустил и ему через возного и шляхту поступил; тогды просили за пречеченым паном старостою черкаским, абысмы моцю сейму нинешнего тот привилей, право от короля его млти Стефана, через Байбузу спущоное кнзю Вишневецкому, утвердили и шафунок

тых добръ ему и потомкомъ его надали. А так мы, маючи ласкавый взгляд и бачене ншо на зацность старожитного дому кнзей Вишневецких, которые завжды во всих справах и поступках своих зацни, мужни и славни были, а особливе тое ж все усмотруючи в том то кнзю Александру Вишневецком, который прикладом продков своих, так в справахъ рыцерских, яко и во всих инших, верою и статечностю, уприймостю и делностю своею ничого николи жадному напрод не дал, овшем з молодых лет своих почавши служит, а выховаючися на Украине при отцу своем, годное памети небожчику кнзю Михайлу Вишневецком, кашталяне киевском, частокрот въ войскахъ и потребах значных против неприятел нших татар и Москвы бывал, и на дворе за короля его млти Стефана служачи и водячи роты пнежные и немалые почты свои властные, за его королевское млти и за ншого щасливого панованя, тому продку ншему, так же нам самым и Речи Посиолитой, не литуючи утрат, крви и горла своего, добре и пожиточне служил и служит; прото, хотячи знак ласки ншое королевское ему показати и оного тым способнейшим до послугъ нших и Речи Посполитое учинити, з ласки ншое королевское, а за причиною пнов рад и урядников нших, тут же теж послов земских обоего народу, короны полское и великого князства литовского, и иных всих станов, на сойме нинешнем при нас будучих, одностайным и згодным зезволенем сойму теперешнего, привилей, Михайлу Байбузе отъ короля его млти Стефана даный на пустыню реку Сулу, за Черкасы лежачую, и на иншие реки, прилегглости и пожитки в нем описаные и вышей в сем листе ншем выражоные, пререченому кнзю Александру Вишневецкому, его жоне, детем, потомком, щадком и наследком ихъ, так мужское, яко и женское плоти, утвержаем и тые добра зо всими землями, кгрунты, належностями и пожитки, якими колвек имены названы и менованы сут и потом онде вынайти и менованы быти могут, вечными часы в отчизну и дедицство дали есмо и тым листом ншим даем; и вжо заразъ от сего часу, моцю и ухвалою сейму нинешнего, ничого там

на нас и на потомки наши не зоставуем и овшем все право, еслибы еще якое нам и Речи Посполитой до того належало, на него и потомки его цале а зуполне вливаем: мают кнзь Александро Вишневецкій сам, его жона, дети, потомки и наследки ихъ тые добра реку Сулу, реку Удай и реку Солоницу и вход Лужок зо всими кгрунтовъ широкостями, належностями, в прывилю короля Стефана, вышей в сем листе ншом описаными, спокойне держати, замки закладати, места и села на тых кгрунтехъ людми осажовати, костелы и церкви Божие фундовати, земли розробливати, будовати, ставы и млыны направовати и вшелякие пожитки собе там вынайдовати, становити, розмножати и оттолъ всих вшелякия доходовъ, чиншов, платов, десятин, дяклов, даней и иных належностей, яко колвек менованыхъ и которые ся потомъ онде вынайти и менованы быти могуть, з людей и зо всих кгрунтов помененых добр уживати, водле означенья и положеня тым добрам границу через комисары нши, которых там на то з нинешнего сейму зараз назначимы и вышлемы, и до того тамъ собе прибавляти, розширати и пожитков примножати; и будуть мели кнзь Вишневецкій и потомъки его тую зуполную незамереную моц и владность—тые добра, буд порозну, любо вси зараз, коли колвек и кому хотя отдати, даровати, продати, променяти, записати, заставити и, яко хотячи, ку своему лепшому (пожитку) обернути, яко дедицством своим властным, водле воли и уподобаня своего, шафовати; и с тых то добръ юрисдыцыи албо присуду воеводства киевского ровно зъ иншою шляхтою тамошнею подлечи, а нам и потомком ншим, королям ихъ млсти полскимъ, ку коруне службу земскую военную служити, вшеляких свободъ уживати и повинности водле часу и потребы Речи Посполитое на собе нести зо всими обывателями, шляхтою коронною в там том краю, заровно вечными часы. Што абы тым варовней на вси потомные часы непорушно кнзю Александру Вишневецкому и его потомком тръвало, тогды есмо сес привилей, данину вечную, рукою властною подписавши, печат ншу маестатувою (sic) коронную до него привисити роска-

зали есмо. Деялося въ Варшаве, на сейме валном коронном, дня осмогонадцат мца априля, року от нароженя Исус Хва тисеча пятсот деветдесятого, а кролеваня ншого року третего,—при бытности навелебнейших и велебных в Бозе, велможныхъ. урожоных, учтивых и шляхетных: Станислава Карньковского гнезненского, посла урожоного и примаса коронного; Яна Деметрего Суликовского лвовского—арцыбискупов; Ирего Радивила княжати на Олыце и Несвѣжу з Божое ласки светого рымского костела, тытулу светого Сиксътого, кардинала, виленского; Берната Матеевского луцкого, Войтеха Барановского премыского и подканцлера коронного, Вавринъца Кгослицкого хелмского, Июзефа Верещинского киевского -з ласки Божое бискупов; Миколая Фирлея з Домбровицы краковского. Нового Места Корчина и казимерского старосты; Крыштофа Радивила виленского, гетмана великого князства Литовского, солецкого и боржовского старосты; Ирего Мнишка з Великих Кончиц сендомирского, саноцкого и сокалскаго старосты—воеводъ; Яна Кишки з Цехановца кашталяна виленского, старосты берестейского; Петра Потулицкого калишеского; Яна Глебовича на Дубровне троцкого, старосты оникштенского — воевод; Миколая Крыштофа Радивила кашталяна троцкого; кнзя Костентина Острозского киевского и старосты володимерского; Миколая Гербурта з Дедилова руского; кнзя Януша Острозского волынского; Яна з Семна подолского, старосты городенского и чорстынского; Миколая Жебрыдовского любелского, старосты головного краковского и лянцкорунского; Теодора Скумина новгородского, старосты городенского и олитского; Кгрекгора Зеленского плоцкого и старосты закрочимского; Станислава Крыского мазовецкого и старосты плоцкого; Станислава Радиминского подляского, старосты ликского и каменецкого; Станислава Кгостомского равского, старосты радомского; Миколая Дзялынского хелминского; кнзя Януша Збаразского браславского—воеводъ; Станислава Тарновского сендомирского; Павла Щавинского ленчицкого, старосты белского и варецкого; Михайла Мышки волынского; Яна Вилкановского плоцкого,

Яна Лесноволского з Обур черского; Петра Ирнего люболского; Мартина Лесноволского з Обур подляского, старосты заторского и лосицкого; Ядама(sic) Патия(sic) берестецского; Александра Семашка браславского; Станислава Дзялынского елбинского; Крыштофа Коморского сондецкого; Северина Бонара бицкого и старосты ражштынского; Андрея Фирлея з Домбровицы малокгоского; Андрея Менчицского велюнского; Яна Осовского поланецкого; Еронима Кгостомского накелского и старосты валецкого; Войтеха Падневского осветимского и старосты дыбовскаго; Войтеха Ренчарского варшавского; Мартина Межинского визкого; Станислава Минского закрочимского; Станислава Красинского цехановского; Станислава Быковского Конарского сирацкаго — кашталяновъ; Андрея Опалинского зе Бнина, маршалка великого коронного, головного велкополского и лежайского старосты; Яна зъ Замостя, навышшого канцлера и гетмана коронного, старосты белзского, малборского, кнышинского, дерпского и межирицкого; Лва Сопиги, великого князства Литовского канцлера и старосты слонимского; Кгабриеля Войны, подканцлирого князства Литовского; Дмитра Халецкого, подскарбего земского литовского; Станислава Приемского, маршалка надворного коронного; Петра Тылицкого, секретара великого коронного гнезненского; Яна Тарновского владиславского и крушицкого—пробощовъ; Яна, Томаша Дрогоевского старосты премышского—референдаровъ коронныхъ; и иных многихъ секретаровъ, старост, урадниковъ и дворан нших, ктому послов зо всих земль обоего народу, на нинешний съем згромажоных. Дан через руки вышей менованого велебного Войтеха Барановского, бискупа премыского и подканцлерего коронного". Sigismundus Rex.—Laurin Piesoczinski.

(Лит. метр., кн. записей корон. № 9, лл. 123—125).

VI.

Грамота короля Сигизмунда III „урожонымъ" Семену и Тихну Михайловичамъ Грибуновичамъ-Байбузамъ на право пожизненнаго владѣнія землями по р. Пслу (*Доживотье Байбузомъ на Псолъ*). 6 октября 1590 года.

Жикгимонт третий и проч.,—ознаймуемъ тымъ нашымъ листомъ, кому бы была потреба того ведати, нинешнимъ и на потомъ будучымъ всимъ вобец и каждому з особна, иж за залеценьемъ и прычоною(sic) урожоного кнзя Алекъсанъдра Вишневецкого, старосты ншого черкаского, каневского, любецкого и корсунъского, урожонымъ Семену а Тихну Михайловичомъ Грибуновичомъ-Байбузомъ, маючи певную ведомост, иж они за щесливого панованья светое памети продка нашого короля его млти Стефана, ещо з молодости летъ своих на Украйне служечы, частокроть противъ неприятеля нашого и Речы Посполитое заставуючи крови своее проливать и маетностей своих на послугу Речы Посполитое накладати не жаловали, якож вжо и за щесливого панованя нашого тые и вперод мененые Семен а Тихно Михайловичы Грибуновичы-Байбузы при старосте нашомъ черкаскомъ кнзю Александре Вишневецкомъ на местцахъ небезпечъныхъ намъ, гдру, и Речы Посполитое служечы противъ неприятелемъ, горла свои наставовали, и хотечи мы, гдр, тых вышей мененых Семена а Тихна Михайловичовъ Грыбуновичовъ-Байбузовъ, яко людей рицерскихъ, до послуг ншых и Речы Посполитой охотнейших учинити и способити, дали есмо имъ и сим нинешънимъ привилеемъ ншымъ даем уходъ реку Псюлъ, лежачую неподалеку Черкасъ, до жывота ихъ обудвухъ, зо въсими пожытками, яко тоть уход река Псюлъ сама въ собе маеть, яко то самъ староста нашъ черкаский урожоный князь Алекъсандер Вишцневецкий на себе держалъ, не чынечы уближенья ни чыему праву, которымъ уходъ реку Псюлъ Семен а Тихно Михайловичы Грибуновичы-Байбузы до жывота своего держаты и с того уходу вшелякие пожитки беручы, мають и повинни будуть оттул намъ, гдру, службу земскую военную

служыти по тому, яко инъшые земяне нашые, въ старостве черкаскомъ мешкаючые, служеть. А для лепъшое веры и певности того всего сес нашъ листъ рукою нашою гдрскую(sic) подписавъшы, и печать ншу коронную до него привесити есмо велели. Писанъ у Варшаве, мца окътебра шостого дня, року Божого тисеча пять сотъ деветъдесятого, а панованья ншого третего. Sigismundus Rex.

(Лит. метр., кн. записей корон. № 9, лл. 144—145).

VII.

Грамота короля Сигизмунда III кн. Александру Вишневецкому, старостѣ Черкасскому, Каневскому, Корсунскому и Любецкому, на постройку замка въ г. Александровѣ (Лубнахъ), надъ р. Сулою, и на Магдебургское право новому городу *(Фундація местечка в Александрове князю Вишъневецкому).* 16 января 1591 года.

Жикгимонт третий,—ознаймуем тым нашим листом всим вобец и каждому зособна, кому колвек то ведати належит, оповежено перед нами именем урожоного Александра кнежати Вишневецкого, старосты черкасского, каневского, корсунского и любецкого, иж он, подлугъ правъ и волностей посполитых шляхетскихъ, во имению своем властномъ вечистом, в земли Киевъской над рекою Сулою лежачом, на имя Александрове, ку покою и безпечности панствъ наших коронных замок будует, и место садить, которому месту корчмы медовые и пивные вечне и иншие пожитки надал; одно прошоно нас, абыхмо право майдемборское и порядки местские тому месту и подданым его, которые там тепер суть и потом приходити и оседати будуть, надали; а такъ мы, прихилившися до звычаю права посполитого и тое прозбы, з ласки нашое кролевъское право майдемборское, порядок и вольность местскую тому месту и мещаном надаем, што через войта, бурмистровъ, радец и иных урядниковъ местскихъ, от князя Александра Вишневецкого а по нем от потомковъ его установленных, во всем порядне справовано и

держано будет; мают мещане Александровские того права во всих артикулех его уживати и оных во всих справах завжды належне судити и рядити, такъ въ ярмарки и торги, яко и под кождым часом, перед урядом своим местским. А мы в том моц и владность зуполную войту, бурмистром, раде и всему уряду того места даемъ во всихъ справахъ судовых и в речах крывавых што подлугъ Богу права майдемборского належит судити, оказывати, и винных водле артикулов того права карати, ведже апеляцыи слушное до права зверхнего князя Александра Вишневецкого самого и потомковъ его не бороначи, зо всим тым прикладом, яко около того порядокъ в местех головных в Кракове, ве Лвове и инде в таковых местах заховываетъ; к тому допущаем в том же месте ратушъ збудовати, крамы, вагу, постригальню, ятки, лазню и што колвекъ до порядку обыходовъ и пожитковъ мест упривилеваных належит мети, и ремесла цеховые спорядити; а особливе дозволили есмо и тым листом нашим дозволяем князю Александру Вишневецкому в оном месте его уставити ярмарки два в каждый год, то ест, один *) а другий *) А торгъ в каждый тыжден *), даючи волность в том месте купецства, гандли всякие вести, корчмы волные медовые и пивные, яко им он самъ позволил держать, и речами вшелякими шинковати, подлугъ звычаю и волности посполитое; и волно будет на ярмарки и торги тамошние купъцом и всим людем обывателем паньствъ наших и чужеземцом с товарами всякими приеждчаючи торговати, продавати и куповати, плат на князя Александра Вишневецкаго и потомковъ его чия то повинность несетъ мыто торговое по обычаю таковых местъ окром переказы мыта нашого головного и инших тепер и вперед пожитковъ нашихъ и речи посполитое а тое волности и пожитковъ княз Александро Вишневецкий, дети и потомки и наслѣдки его, яко иншие обыватели рыцеръство-шляхта земли Киевское, слушне уживаючи тое место свое и мещан тамошних в праве майдемборском и во всих волно-

*) Пропуски въ подлинникѣ.

стях и порядках местских заховывати мают, не уближаючи тым правом потребам и пожитком нашим и речи посполитое, также привилям и належностям инших мест и местечокъ прилеглых, а звлаща дедицству праву вечному на тые добра князя Александра Вишневецкого и потомковъ его, а особливе варуючи то, иж люде осады оного местца на поле своволне ку шкоде речи посполитое ходити, такъже выправовати и живности и иншим додавати не мают, вечными часы; а для лепшого свядецства и умоцненья тое речи сес лист, рукою нашею подписавши, печат нашу корунную до него привесити есмо росказали. Писанъ въ Варшаве, дня шестогонадцат месяца генваря року от нароженя Исус Христова тисеча пятсот деветьдесят первого, а кролеванъя нашего року четвертого. Sigismundus Rex. — Laurin Piesoczynski.

(Лит. метр., кн. записей коронн. № 10, л. 31).

VIII.

Грамота короля Сигизмунда III кн. Александру Вишневецкому на постройку замка и основаніе на урочищѣ Пирятинѣ города Михайлова, съ управленіемъ по Магдебургскому праву *(Фундацыя в Михайлове права Майдемборского)*. 9 февраля 1592 года.

Жикгимонтъ третий,—ознаймуем тым листом, нашим etc. Дал нам справу велможный князь Александро Вишневецкий, староста нашъ черкаский, каневъский, любецкий и корсунский, иж он на урочищу Пирятине, а тепер названом Михайлове, на власной маетности своей вечистой в земли Киевской над речкою Удаем лежачом, для убезпеченя и заслоны панствъ коронных, подлугъ правъ посполитых, твержу замокъ потребне будует, место садит и закладает; и просил нас, абыхмо тому его на урочищу Пирятине, названому Михайлову, право майдембурское надали и всякие свободы, пожитки и порядокъ в нем, прикладом инших упривилеваных головных местъ в панствах наших, спорядити и постановити дозволили, также ярмарки, торги и корчмы надали, купецствъ, гандлевъ и инших всяких обиходовъ допустили; пре то мы, уваживши в том быть слушную прозбу князя Александра Виш-

невецкаго, старосты черкаского, з ласки нашое королевское пререченому местечку его Михайлову и подданым его, мещаном тамошним, людем волным, которыи там суть и потом приходити и там оседати будут право майдембурское и волност местъскую надаем, што через войта, бурмистра и радец и иных урядников местъских, от князя Александра Вишневецкого, старосты черкаскаго, а потом от потомковъ его установленых, во всем порядне справовано и держано быти мает; и вжо оттул мещане Михайловъские права майдембурского во всих члонках и артикулех его уживати, и оных в речах великих и малых завжды ся рядити и судити будутъ сами межи собою и з гостьми, людми приеждчими, такъ въ ярмарки и торги, яко под каждым часом перед урядом своим местским, в том моц и владность зуполную теперешнему и напотом будучим войтом, бурмистром, раде и всему урядови местскому даем, во всих справах судовых и в речах крвавых, што подлугъ бѣгу права майдембурского належати будеть, судити, сказывати и винных водлугъ артикуловъ того права Майдембурского карати; также и апеляцыи правное до зверхного права их князя Александра Вишневецкого, старосты черкаского, и потомковъ его боронити укрывжоным не мают во всем том, прикладом яко се около того порядокъ водле помененого права Майдемборского в местах наших головных: въ Кракове, ве Лвове и индей, заховуетъ; к тому допущаем в месте пречечоном ратуш збудовати, крамы, вагу, пострыгалню, ятки всякие, лазню посполитую и, што колвекъ допорядку обходовъ и пожитковъ местскихъ належатимет, збудовати, и, ремесла цеховые спорядивши, порядком инших таковых местъ во всем ся справовати мают; также дозволили есмо и тым листом нашим дозволяем князю старосте черкаскому в оном месте его уставити ярмарки две в кождый год, то ест, один на день *), а другий на ден *), а торги в кождый тыйден *), даючи волность в том месте его купецства, гандли всякие вести и корчмы волные держати,

*) Пропуски въ подлинникѣ.

питем и речми вшелякими шинковати; до которого то места Михайлова, подлугъ звычаю волности посполитое, на ярмарки и торги тамошние купцомъ и всимъ людямъ, обывателем панствъ наших и чужоземцом, волно, с товары вшелякими приеждчаючи, торговати, продавати, куповати, платечи на князя старосту черкаского и потомки его, чия што повинность нести будет мыто торговое, по обычаю таковых мест, окром переказы мыта нашого головного, и инших пожитковъ наших, а тое волности и пожитковъ князь Александро Ѳишневецкий, староста черкаский, и потомки его, ведле права, яко иншие обыватели рыцерство оного краю, слушне уживаючи, место свое Михайлово и мещан тамошних в праве майдембурском и во всих волностях и порядках местскихъ водлугъ сего листу нашого заховати мают; до того теж тому месту Михайлову симъ же листом нашим до права их надаем печат местскую — гербъ стрелу, которою печатю в том месте Михайлове уряд местский вси справы права майдембурского тою печатю печатаючи, вечне уживати оное мают. А для лепшое веры и умоцненя тое речи, сес лист рукою нашою подписавши, печат нашу корунную до него привесити есмо росказали. Писан у Кракове месяца ѳевраля девятого дня, року от нароженя Исус Христова тисеча пятсотъ деветдесят второго, а панованя нашего року пятого. Sigismundus Rex. Jan Nowosieliecki.

(Лит. метр., кн. зап. кор. № 10, лл. 62—63).

IX.

Грамота короля Сигизмунда III, утверждающая передачу кн Александромъ Вишневецкимъ въ пожизненное владѣніе двухъ урочищъ, называемыхъ Северы, на рѣчкахъ Коломакѣ и Щучной (*Данина Павлови Островскому на северы*). 15 октября 1595 г.

Жыкгимонт третий...,—ознаймуемъ тым листомъ нашымъ всим в обец и каждому зособна, кому того ведати належыт, нинешнимъ и напотом будучымъ, иж кгды ся причыняли до нас некоторые панове рады нашы за урожонымъ княземъ

Александромъ Вишневецъким, старостою нашымъ Черъкаскимъ, каневъским, Любецъким и Корсунъским, абыхмо ему права его дожывотного з дву северы з одное на коломаку а з другое на счучно речъках, в державе его черкаской лежачыхъ, зъступити а на шляхетнаго Павла Островъского влити дозволили; а так мы, господаръ, на прычыну тых то пановъ рад нашых, подлугъ ласки нашое господарское, позволили есмо старосте нашому черкаскому помененых северу спустит а на Павла Островъского право свое влити; теды урожоный княз Александер Вишневецкий, ставъшы обличне перед нами, господарем, и у книгъ наших канцлерейскихъ вызналъ и право свое доживотное, которое на пречечоные северы от нас мелъ, спустилъ, а на Островъского порядкомъ права посполитого влилъ; которое мы спущенье права его, за особливымъ дозволенемъ нашымъ, во всем оное, вцале артыкулехъ и члонъкахъ его, вмоцы суполной нинешнимъ листомъ нашымъ захововавъшы, хотечы теж особливе пречечоному Островъскому ласку нашу показати и вперед его охотнейшымъ ку службам нашымъ господарскимъ учынити, помененые северы на коломаку и на счучной, от старосты нашого черкаского ему спущоные, со всим яко он държалъ, дали есмо ему самому и жоне его *). . . . и тымъ листомъ нашымъ даемъ с пожитками и со всякими волными уходами и приналежностями давными, з ловы звериными и пташьими и з рыбными, и з гоны бобровыми; повиненъ будеть тые северы Островъский сам и жона его държати и ужывати и всякие пожитки собе оттол прибавляти ажъ до жывотовъ своихъ, а нам с того службу земскую военную служыти, посполу з другими обывателми, мают, староства там того; и на то есмо пречечоному Островъскому и жоне его дали сес наш листъ, на паргамине писаный, с подписанемъ руки нашое господарское; до которого для лепъшое твердости печат нашу коронную притиснути есмо казали. Писан у Варшаве лета Божого нарож. тисеча пятсотъ деветдесятъ второго

*) Въ подлинникѣ пробѣлъ.

месяца октъебра пятогонадцать дня, а кролеваня нашого року пятого. Sigismundus Rex. Florian Oleszko.

(Лит. метр., кн. записей корон. № 7, л. 82).

X.

Грамота короля Сигизмунда III городу Александрову (Лубнамъ) на магдебургское право *(Право майдеборское мещаномъ Алексанъдровъскимъ).* 20 октября 1592 года.

Жикгимонтъ третий....,—ознаймуемъ тым листом нашимъ всим вобец и каждому зособна, которым того ведати належит, нинешнимъ и напотом будучим. Далъ намъ справу урожоний князь Александер Вишневецкий, староста нашъ черкаский, каневъский, любецъкий и корсунъский, ижъ на врочищу Любне, а тепер ново названомъ Александрове, на властъной маетности своей вечистой в земли киевъской, над рекою Сулою лежачомъ, для убезпеченя и заслоны панствъ коронныхъ, подлугъ правъ посполитыхъ, твержу-замокъ потребне будуеть и место садитъ и закладаеть; и просилъ насъ, абыхмо тому месту его на врочище Любне, названому Александрову, право майдеборское надали и всякие свободы, пожитки и порядокъ в немъ, прикладомъ иншихъ упривильеваныхъ головныхъ местъ въ панствахъ нашихъ, спорядити и постановити дозволили, такъже ярмаръки, торги и корчмы надали, купецтвъ, гандлевъ и инъшихъ всякихъ объходовъ допустили. Про то мы, уваживъши в томъ бити слушную прозбу князя Алексанъдра Вишневецкого, з ласки нашое кролевъское преречоному местечку его Александрову и подданымъ его, мещаномъ тамошнимъ, людемъ волнымъ, которые там суть и которые потомъ приходити и оседати там будуть, право майдеборское и волность местъскую надаемъ, што через войта, бурмистра и радец и инъшихъ врядниковъ местскихъ, которыхъ они межъ себе людей годных и в праве беглыхъ, цнотливыхъ и неподойзраныхъ волное обране от насъ имъ и тым листом нашимъ наданое маючы, становити мают, с потверженем пана своего зверхного; черезъ которыхъ всякие справы порядне и справне ити мают, и вжо

оттол мещане александровъские права майдеборского во всихъ члонкахъ и артыкулахъ его, уживати и оным в речах великихъ и малых завжды ся радити и судити будуть сами меж собою, гостми и людми приежчими так в ярмаръки и торги, яко под кождымъ часомъ перед врядом своимъ местскимъ, в том моц и владность суполъную теперешнему и на потом будучым войтом, бурмистром, раде и всему врядови местскому даем, во всих справахъ судовыхъ и в речах крвавых, што подлугъ бегу права майдеборского им належати будет, судити, сказывати, и винныхъ водле артикуловъ того права майдеборского карати, такъ же и апеляцьи правъное до зверхного пана их князя Александра Вишневецъского, старосты черкаского, боронити укривъжонымъ не мают, во всем прикладомъ, яко ся около того порядокъ водле помененого права майдеборского в местехъ нашихъ головныхъ— Кракове, во Лвове и инде, заховуеть. И тому допущаем в месте прречоном ратуш збудовати, крамы, вагу, постригалню, ятки всякие, лазню посполитую и, што колвекъ до порядку, обходовъ и пожитковъ местскихъ належати мает, збудовати и, ремесла цеховые спорадивши, яко в иншихъ местехъ естъ, во всем справоватися мают. Также дозволили есмо и тым листомъ нашим дозволяемъ князю старосте нашому черкаскому в оном месте его уставити ярмаръки два в кождый год, то естъ, одинъ на день *), а другий на день *), а торги в кождый тыдень *), даючи волность в том месте его купецтва, гандли всякие вести и корчмы волные держати, питемъ и речъми вшелякими шынковати, до которого места Александрова подлугъ звичаю волности посполитое на ярмаръки и торги тамошние и купъцом и всим людем, обывателемъ панствъ нашихъ и чужоземцомъ, волно с товары всякими приеждчати, торговати, продавати, куповати, товары за товары меняти, платечы на старосту черкаского вишъпомененого и потомки его — чыя што повинность нести будеть, мыто торговое, по обычаю таковых мест, окромъ переказы

*) Пропуски въ подлинникѣ.

мыта нашого головъного и иншыхъ пожитковъ нашихъ; а тое волности и пожитковъ помененый князь Александер Вишневецкий и потомки его водле права, яко и инъшые обыватели, рыцерство оного краю, слушне уживаючи, место свое Александрово и мещанъ тамошнихъ в праве майдеборском и во всяких волностях и порядкахъ местскихъ, водлугъ сего листу нашого, заховати мають. До того тежъ тому жъ месту Александрову сим же листом нашим до права их надаем печат местскую, гербъ *); которою печатю в том месте Алексанъдрове вряд местский вси справы права майдеборского печатуючы и отправуючы, вечне уживати оное мают. Варуемъ тежъ то, абы в томъ месте преречономъ Алекъсандрове люди такие не были, которыхъ в местахъ и в местечкахъ нашихъ переховывати а справ яких мети права и привилея коронные забороняють. А для лепъшое веры и умоцненя тое речы, сесь листъ рукою нашою подписавшы, печат нашу коронную до него привесити есмо росказали. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя тисеча пять сотъ деветдесять второго, мца окътебра двадцатого дня, а кролеванья нашого року пятого. Sigismundus Rex.—Florian Olieszko.

(Литов. метр., книга записей корон. № 7, лл. 37—38).

XI.

Грамота короля Сигизмунда III кн. Адаму Вишневецкому, объявляющая во всеобщее свѣдѣніе, что городъ, основанный матерью его, княгиней Александрой на урочищѣ Горловичахъ, долженъ называться Александровомъ и пользоваться Магдебургскимъ правомъ (*Осада местечка в Горловичах кнегини Александровое Вишневецкое, которое титуловати его князь Алекеанъдровом рачылъ*). 16 марта 1595 года.

Жыкгимонтъ третій...., — ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всимъ посполите и каждому зособна, кому того ведати належыт, нинешним и напотом будучим. Покладал перед нами урожоный Адамъ княжа Вишневецкое листъ паркгаменовый короля его млти Стефана, славъное и светое памети продка

*) Пропуски въ подлинникѣ.

нашого, которымъ урожоное кнегини Алекъсандровой Вишневецкой, кнежне Алексанъдре Капустянце, местъце его милости въ имению его дедичномъ, в повете киевскомъ лежачом, — в Горловичахъ, место садити его кр. млть позволити рачылъ, за которымъ позволенемъ пререченая кнегини Алекъсандроваа Вишневецкая в том имению своем в Горловичах, вжо и за нашимъ потверженемъ, местцо оное людми осадивши, Александровомъ тую осаду назвала; а ижъ а ни в листе короля его млти Стефана, продка нашого, а ни в нашомъ потверженю тоей ее осады въ Горловичахъ назвиска и менованя Алекъсандровом не описано; про то бил нам чолом урожоный Адамъ княжа Вишневецъкое именемъ панеи матки своее, абыхъмо тую там осаду в Горловичахъ, такъ яко се вжо зовет и слынет, Алексанъдровомъ меновавъши, тотъ тытулъ особливымъ листомъ нашымъ упривилеевали. Мы теды, видечы быти в томъ прозбу слушъную, з доброти и з ласки нашое королевъское, умыслили есмо тое тамъ местцо, которое ся в Горловичахъ осадило, не инакъшымъ тытуломъ и именем, одно Александровомъ назвати и упривилеевати, якожъ тымъ нинешнимъ листомъ нашимъ пререченое место, в Горловичахъ заселое, Алекъсандровомъ называемъ и ему тот тытул, яко его власный, даемъ и даруемъ на вечъные часы, которому надто звышъреченому месту Александрову, маючому право майдебурское и печат под гербом *) з нашое щодробливости для его лепъшого и переднейшого объходу надаемъ: мают ее мещане места Алекъсанъдрова теперешние и по нихъ будучые вечне ужывати и справы свои местские и инные всякие и судовые отправовати и печатовати, што всимъ и каждому зособна, якого колвекъ достоенствъ духовного и свецкого стану людем, дикгнитаром нашымъ и всимъ обывателем в коруне и панъствахъ нашихъ ку ведомости припустившы, росказуемы, ажбы есте верность и упреймост вашы пречоное место, в Горловичахъ заселое, Алексанъдровомъ звали, яко его власнымъ именемъ и тытулом,

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

отъ нас, гдра, яко патрона найвышшого, назваиомъ и тытулованомъ и сим листом нашимъ упривилееванымъ, а иначей ажбы есте верность и упреймост вашы, с повинности своее и для ласки нашое, не чынили. Писан в Кракове на сойме валномъ коронъномъ, лета Бжого нароженя тисеча пятьсотъ деветдесятъ пятого, мца марца шестнадцатого дня, а кролеваня нашого полского осмого, а шведского первого. Sigismundus Rex. Florian Olieszko.

(Лит. метр., книга записей корон. № 7, л. 76—77).

XII.

Грамота короля Сигизмунда III шляхетному Василію Ходыкѣ-Криницкому на постройку замка и основаніе города на урочищѣ Быковѣ надъ р. Супоемъ, въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ его Басанскихъ *(Привилей на ярмарки Василю Ходыце Криницкому)*. 22 февраля 1605 года.

Жикгимонт третий, Божю милостю Крол Полский....,— ознаймуем тым листом нашим, всим вобец и каждому зособна: кгды нам некоторые панове рады наши справу дали, же в добрах дедичных Басанских шляхетного Василя Ходыки-Креницкого, обывателя земли Киевъское, Городище, называемое Быковъ, над рекою Супою лежачое, ест в таком добром положеню на шляхах а преправах татарских, куды тот поганец, неприятель нашъ, звыклъ ординцовъ своих в панства наши въсылати, и самъ вхоживати, чинечи великие шкоды; на котором местцу кгды бы твержа збудова*)... и место се засадило, мело бы то быт . . . . брым земль и панствъ наших и спокоем . . . . краев. Мы тые причины, от панов.... торов наших нам поданые, за слушные приймуючи, умыслили есмо на то позволити, якож пречоному Василью Креницкому тымъ листомъ нашимъ позволяем, абы он на том то местцу, то ест на городищу Быкове, яко на своем власном, слободу закликал и, водлугъ потребы, замок будовал, и мес-

*) Точки означаютъ вырванное мѣсто въ книгѣ.

то людми волными купцами и ремесниками осаживал, и фундовал там же и села на кгрунтех того врочища, городища Быкова, на местцах погожих садити; до того волно ему будет там, в том месте своем, ири городищу Быкове, яко на своем власном дедичном кгрунте, торги тудневые и ярмарки урочистые мети, якож дозволяем ему тым листом нашим ярмарок один на месные великие запусты, а торги тудневные в пятницу держати и постановити и торговое, по обычаю иных мест, от людей торговых и всяких иных купецких выбирати вечными часы, даючи и позволяючи, яко мещаном Быковецким, так и людем посторонным, на торги помененые и ярмарок урочистый приеждзати, и торги чинити, шинковати, продавати куповати, товары за товары меняти и всякие гандли провадити, одно же бы не было зуближенем прав иных мест и местечок прилеглых и без вшелякого гамованя и зачепъки доброволне людем приездчим отеждчати, нижли абы таковые люди не были, которых бы в местех и в местечках наших кролевских и земянских переховывати, и справ яких мети, права и привилея коронные заброняют, а варуючи им то, иж люди места оного на поле ходити не мают и живности, также порохов, кул и олову другим додавати не будут: и ничим никгды ниякихзбродней и зачепок с панствы прилеглыми, а звлаща з нами с примероными чинити не могут, и на то дали есмо тот лист наш, с подписанем руки нашое кролевское, до которого на болшую твердость и печат нашу коронную притиснути есмо казали. Писан у Варшаве на сойме валном коронном, лѣта Божого нароженя тисеча шестсот пятого, месеца февраля двадцат второго дня. Sigismundus Rex.—Florian Oleszko.

(Лит. метр., книга записей корон. № 29, лл. 1—2).

XIII.

Рѣшеніе сеймоваго суда по жалобѣ воеводы Кіевскаго и гетмана польнаго короннаго Станислава Жолкевскаго на старосту Овручскаго кн. Михаила Вишневецкаго за захватъ послѣднимъ „пустыни Горошина и Слепорода“ (*Декрет меж паном воеводою Киевским а княжатем Вишневецким*). 23 марта 1613 года.

Жикгимонт третий, Божю милостю Король Полский etc...,— ознаймуем тым нынешним листом, декретомъ нашим, всѣмъ вобецъ и кождому зособна, кому то ведати належит, иж кгды перед маестат нашъ и суд нашъ сеймовый, за позвом нашим сеймовым и росписом сейму близко прошлого Варшавского припала справа межи ясне велможным Станиславом Жолкевским, воеводою киевским, гетманом полным коронным, рогатинским etc. старостою, поводом. а урожоным Михайлом княжатем Корибутовичем Вишневецким, старостою нашим Овруцким, позваным, о то, иж позваный, держачи певные урочища на Украине за Днепром на реци Сули, которые констытуцием Михайлови Байбузе были конѳерованы, над посесию Байбузину много за мало претексътом права Байбузиного, моцно кгвалтом окупуючи всю реку Сулу, пустыню Горошин и Слепород, диспозицыи нашой зоставленые а тому поводови од нас даные, смѣл собе привлащити, где мѣста и села садит, пожитки беречи ку шкоде пречечоного повода на десят тисячей копъ гроший литовских, в позве ошацованых; а так ку присуженю того всего поводови, што ему водлуг его права належит, а ку отсуженю позваного, што собе над право привлащает, и ку наказаню шкод стол походячих, заховавши инстикгаторови нашому албо тому, кому будетъ належало, волное право о иншие кгрунты окупованые, о чом тот позов нашъ сеймовый то все ширей в собе обмовляетъ; на року теды нынешнем с того позву на близко прошлый сеймъ, тут у Варшаве року прошлого тисеча шестсотъ одинадцатого одправованый, выданым и за росписом на сейме близко прошлом Варшавском до теперешнего року в том росписе будучим слушне припалом. А кгды дня сегоднешнего, то естъ,

месеца марца двадцат третего в року тисеча шестсот тринадцатом на термине зъ арешту взъданя, черезъ повода на позваном на сейме теперешнем отрыманого, слушне припалом, кгды стороны обедве за приволанем до суду через умоцованые свои, за моцми обу двух сторон достаточными, поводовая через урожоных Яна Венкгерского и Павла Реховского, писара кгродского Киевского, а позваная через урожоных Анъдрея Лисицкого и Каспра Пепловского станули и контровертовали: А так мы, корол, с паны радами нашими, при боку нашом на тот час седячими, контроверсии сторонъ обудвух выслухавши, иж справа идет меж сторонами о данины наши, водлуг конституцыи о роздаваню пустын на Украине, оным през нас наданые; в которой справе стороны обедве привилеями и конституциями, од нас оным на тые данины служачими, щитилися, знайдуемо, же разсудок тое справы, где идет о выкладъ привилеев, никому иншому одно судови нашому належит; для чого, одтявши оборону позваного, сорум в той справе перед маестатом нашим позваному узнавши, оному далей поступовати наказали есмо и наказуемо. А в поступованю, иж справа идет межи сторонами о добра, на которые стороны обедве права од нас мет собе менят, чого узнане быт не может одно о припатреню се кгрунтом и положеню их; ку тому же ограничене кгрунтов княжати Вишневецкого, за данином его оному служачихъ, водлуг конституции наступити мело, которое конца своего не взяло; теды, заховавши обе стороны при их привилеях и урочищах в них менованых, даемо повагою сеймовою з раменя нашого королевского комисары велебного в Бозе ксендза Крыштоѳа Казимирского з Биберштыня, з ласки Божое бискупа Киевского, велможного Миколая Семашка на Хупкове каштеляна Браславского, старосту и ключника Луцкого, и урожоных Самуеля Горностая, подкоморого, Яна Аксака, судю, Яна Блендовского, войского, Киевских, Ѳлорияна Олешка, войского Володимерского, и Войтеха Мясковского, секретаров наших, которые, обвестивши правне через инотестенъцию стороны, будут мели моц зуполную любо всѣ, любо их пят, чому одного албо

двох з них небытност шкодити не мает, там на тые кгрунты зъехати и припатрившес им и положеню местць и урочищъ и уваживши то, яко долго и широко данина кнежати Вишневецкого стегатисе мает, и тот кгрунт, оному за даниною его служачий, объехати, оцирклевати, и з кгрунтом стороны поводовое, за даниною нашею ему служачим, розграничити и обема сторонам держаня показати и означити мают, не потегаючи однак тых кгрунтов далей над крисы и урочища, в привилеях менованые; а по выведеню тое комисии, комисари, через нас назначоные, которые тую комисию ексъпедиовати будуть, мают нам через листы свое комисарские дати справу о томъ всим; за которым ознайменемъ мы, добре актъ их вырозумевши, децизию або декларацию нашу декретом нашим задворным учинимо або теж, где бы того справа потребовала и выводы сторон обудвух, на сеймъ близко пришлый одошлемо, до чого рокъ оным по скönченю тое комисии перед нами, за двором нашим, в шест недел, по собе идучих, назначаемо и заховуемо моцю того декрету нашого, до которого на болшую твердость печать нашу коронную притиснути росказали есмо. Писан у Варшаве лета Бож. нарож. тисеча шестсот тринадцатого, месеца марца двадцат третего дня, а панованя королевствъ наших полского двадцат шостого, а шведского двадцатого року.

(Лит. метр., кн. зап. кор. № 15, лл. 38—40).

XIV.

Грамота короля Сигизмунда III кн. Михаилу Вишневецкому, старостѣ Овручскому, на освобожденіе отъ податей и повинностей, въ теченіе 4 лѣтъ, городовъ Александрова, Снятина, Сенчи, Лохвицы и Замостья *(Волност местомъ княжати Вишневецкого до чотырох летъ)*. 24 мая 1614 года.

Жикгимонт третий etc....—ознаймуем симъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и каждому зособна, кому о томъ ведати належит: далъ намъ справу урожоный Михал Корибутович княжа Вишневецкое староста нашъ Овруцкий, ижъ добра его дедичные, меновите, местечка Александров, Снятин, Сенъ-

ча, Ломѳича, Замосте, въ воеводстве Киевскомъ лежачые, частю з допущеня Божого огнемъ, частю через татары и Москву, частю через казаки Запорозские до великого знищеня и спустошеня пришли такъ, иж не только неприятелови коронному татаромъ и Москве одомоватыся и боронитися, але теж они звыклых податков до скарбу нашого и речы посполитой отдавати не могут; а ижъ много речы посполитой на тых местех и обороне их а звлаща безпеченъству там той украине належыт, хотечы их в недостатках ратовати и далъшому спустошеню забегати, за прозбою звышъ менованого княжати Вяшневецкого, старосты Овруцкого, тымъ местомъ преречонымъ Александрову, Снятиню, Лахѳичы, Замостю, волност от всих податковъ такъ наших властных, яко на сойме ухваленых, и иньших всих повинъностей, здавна звыклыхъ и которые теперь сутъ уставленые и напотомъ уставленые будут, ничого праву посполитому не дерокгуючы, дати и конѳеровати умыслили есмо, якожъ симъ листом нашимъ даемъ и конѳеруемъ до выстя чотырох лет, рахуючы от даты того листу. А такъ всимъ, кому то ведати належит, а особливе целникомъ, мытникомъ и всимъ конътрибуцыи и податков дозорцомъ нинешнимъ и напотомъ будучымъ до ведомости доносечы, росказуемъ, абы мещанъ и обывателовъ тых звышъменованыхъ мест при той волности, имъ от нас позволоной и симъ листомъ нашымъ наданой, цело и ненарушенне заховали и жадных от них податков ани конътрибуцый не вытегали, и никому имъ в томъ кривды и трудности чынити не допустили конечно для ласки нашое и повинъности своее; а для лепъшой веры сес наш лист, рукою нашою подписавши, печатю нашою запечатоват росказали есмо. Писан у Варшаве, двадцат четвертого дня месяца мая року тисеча шест сотъ чотырнадцатого, панованъи королевствъ нашых полского 27, а шведского 21 року. Sigismundus Rex.

(Лит. метр., кн. записей корон. № 16, лл. 35—36).

XV.

Грамота короля Сигизмунда III объ обнародованіи вознымъ приговора къ банниціи княгини Раины Вишневецкой и наслѣдниковъ умершаго старосты Овручскаго кн. Михаила Вишневецкаго за неуплату въ казну „юркгелту" 600 золотыхъ польскихъ и такой же суммы убытковъ *(Публикация баницыеи на княжне Вишневецкои от Мышки)*. 11 іюня 1618 г.

„Жикгимонтъ третий, Бжою милостю корол полский...,— ознаймуемъ тым листомъ нашимъ всимъ вобец и каждому зособна, кому то ведати належитъ, иж, постановившисе очевисто, у книгъ канцеляриеи иашое коронное, возный енералъ двору нашого шляхетный Войтех Ярошевский, ку записаню до тых же книгъ, сознал тыми словы, ижъ он року теперешнего, тисеча шестсот осмнадцатого, мца июня девятого дня, будучи от насъ такъ декретомъ нашимъ в пятницу перед кветнею неделею межи сторонами нижей меноваными учиненымъ. яко и тепер знову дня вышей менованого, девятого июня, очевисто приданый, то до публикацией баницил на урожоной Раине Могилянъце, господаровне волоской, некгды Михайла княжати Вишневецкого, старосты овруцъкого, позосталой малжонъце, и потомъках его, декретомъ нашимъ вышей менованымъ, за нестанъемъ их, а за правнымъ попиранъемъ стороны поводовое—инстикгатора нашого з делящией скарбу и урожоного Станислава Мышки, старшого коморника нашого, в справе през поводовъ позваным, отживляючи справу по смертп пречечоного княжати Михала Вишневецкого о незаплачене юркгелту певного золотых полских шестисот помененому Станиславови Мышце, по золотых полских триста на кождый рокъ особным привилем ему даного, за две лете, то естъ за рокъ тисеча шестсотъ дванадцатый и тисеча шестсот тринадцатый, водлугъ конституции року тисеча шестсот семого, о процессе скарбовомъ уфаленое, так же и о незаплачене шкод таковое жъ сумы, на них декретомъ нашимъ наказаное, и о недосыт учинене тому декретови нашому инътентованой взсказаное, о чомъ тот декретъ ширей в собе обмовляетъ; з росказанъя и приданъя нашого и

с повинъности уряду своего тую банициго на помененых позваных голосом вынеслымъ тутъ, в Варшаве, на местцахъ звыклых, при згромаженъю велю людей зацныхъ, обволалъ и публиковалъ, и оных с панъствъ короны полское и великого князства литовского выволал, приводечи всим до ведомости, абы с пречоною кнежною Михайловою Вишневецкою, яко банитами и правомъ посполитымъ переконаными, жадного сполку и обцованя не мели, оных в домах и маетностяхъ своихъ не переховывали, рады и помочи имъ ни в чомъ не додавали, и овшем се з ними, яко банитами и права посполитого непослушными, во всемъ под винами, въ праве посполитомъ описаными, заховали; которое то очевистое сознанъе возного, до книгъ канъцелларии нашое принявши и вписавши оное, под печатю нашою коронною з тых же актъ выдати есмо росказали. Писан у Варшаве, року Божого нароженъя тисеча шестъсотъ осмнадцатого, мца июня одиннадцатого дня, панованя королевствъ наших полского тридцат первого, а шведского двадцатъ пятого року.

Andreas Lipski, Eps Luccorien' vicecancellarius Regni Poloniae. Справа того ж. Chr-oph-us Rakowiecki.

(Лит. метр., кн. зап. кор. № 19, лл. 19—20).

XVI.

Привилей короля Сигизмунда III князю Константину Вишневецкому на староство Черкасское, ставшее вакантнымъ по смерти кн. Януша Острожскаго (*Starostwo Czerkaskie xciu Constantemu Wiszniewieckiemu po xciu Ostrogskim*). 9 октябри 1620 года.

Zygmunt trzeci, z łaski Bożey krol Polski, etc.,—wszem w obec y kazdemu zosobna, komu to wiedzieć należy, oznaimuiemy: jako zacna miedzy przedniemi w Panstwie naszem rodowitemi domami familia xiąząth Wiszniewieckich, iako zacne z samey dawnosci czasu ma zalecenie, iako szerokim z dzielnych spraw y oddanych Rpltey posług sczyci się imienia swego rozsławieniem y iakimi tytulami w nagrodę wielkiey cnoty y wiary od Przodkow naszych uprzywileiowana, dawne przeszlych czasow opisane kroniki a następuiącemu wiekowi godne

przykłady iasny daią swiadectwa (stąd bowiem ludzie, iako z wybornego gniazda, Rptey potrzebny, Panom swym źyczliwi, oyczyzną sczyrze miluiący, czasu pokoiu w radzie rostropni, pod czas woiny nieprzyiaciołow iako moskwicinowi, tak wszystkiemu poganstwu, straszni, a dla dobrey swey y Rptey sławy zdrowie y dostatki wszytkie odwazaiący, wychodzili). Toż w urodzonyn Constantym Wiszniewieckim upatruiemy, ktory także spaniałemi serca y dowcipu przymiotami y dobrym ku oyczyznie affectom nie wydaie przodkow swych zacnych y owszem sławę w domu swym, od nich zostawioną, własnemi swemi zasługami, częscią na dworze naszym, częscią w expeditiach woiennych życzliwie y dogodnie z odwagą zdrowia y dostatkow swych oswiatczonemi pomnozył y teraz we wszytkich occasiach stateczną wiarą, dzielnoscią, skłonną do posług naszych ochotą y innemi prystoinemi stanowi swemu cnotami pomnażac nie przestaie, przyczyniaiąc ozdob zacnemi domowi swemu, a zasługuiące się nam y Rptey. Za co chcielismy mu w tey teraznieiszey occazyi łaskę naszą pokazac, dawszy mu prawem dozywotnym starostwo Czerkaskie, po zesciu s tego swiata jasnie wielmoznego Janusza z Ostroga, casztellana Krakowskiego, do podawania y do dispositiey naszey przypadłe, iakoż ninieyszym przywileiem naszym daiemy y w spokoine uzywanie podawamy tak, zeby przerzeczony Constanty Wiszniewiecki w zwyszmianowane starostwo Czerkaskie *z miasteczkami Borowicą, Artleiem, Ołtwą, Kropiwnem y z inszemi słobodami, futorami, siołami, przysiołkami,* karczmami, browarami, młynami, poddanemi, z ich czynszami, robotami y wszelakimi powinnosciami, pasiekami, stawami, jeziorami, sadzawkami, rzekami Psłem i Worskłem y inszemi, iakoż kolwiek nazwanemi, polami, lasami, mytami zwyczainemi y z inszemi wszystkiemi, do tego starostwa zdawna przynalezącymi, pozytkami. przenaleznosciami tak, iako antecessorowie iego trzymali, nic nam nie zostawuiąc, mocą tego przywileiu naszego będzie trzymal y spokoinie używał az do ostatniego kresu żywota swego, obiecuiemy mu tedy swym y następcow naszych imieniem, że przerzeczonego Constantego Wiszniewicckiego od wżywania pomienionego starostwa

Czerkaskiego nie oddalimy y oddalic go nikomu tey mocy nie damy, ale go przy prawie dożywotniem zachowamy; toz potomkowie y następey nasi uczynią. Względem ktorego dożywocia czwartą częsc prowentow do skarbu naszego co rok oddawac ordinatiey naszey, ktora około zamkow ukrainnych iest uczyniona, dosyc czynic taką summę na kazdy rok na poprawę zamku y na przyczynienie spize, prochow, kul y inszych do obrony zamkow należących potrzeb, iako skarb nasz opisze, odkładac będzie powinien; Cale nasze Rptey y Kosciola Katolickiego prawa zachowawsze. Czemu aby byla dana wiara dostateczna, ręką swą podpisawszy ten przewiley, pieczęc koronna do niego przytisnąc roskazalismy. Dan w Warszawie, dnia dziewiątego, miesiąca pazdziernika roku Panskiego tysiąc szesc seth dwudziestego, panowania krolewstw naszych Polskiego XXXIII, a szwedzkiego XXVII roku. Sigismundus Rex. Iacobus Zadzik.

(Лит. метр., кн. зап. кор. № 19, лл. 123—124).

XVII.

Грамота короля Сигизмунда III воеводѣ Волынскому, князю Янушу Заславскому на староство Переяславское съ мѣстечками Яготиномъ и Геломязовомъ, сдѣлавшееся вакантнымъ по смерти князя Януша Острожскаго *(Starostwo Pereiasławskie Ianuszowi Zasławskiemu, woiewodzie Wołynskiemu, po smierci xcia Janusza Ostrozskiego, kasztellana Krakowskiego)*. 9 декабря 1620 года.

Zygmunt III, z Bożey łaski krol Polski, etc.,—oznaymuiemy tym listem naszym wszystkim wobec y kazdemu zosobna, komu to wiedziec nalezy, iako wielką iest do cnot y rzecze pozwanych sprawowania pobudką zacnosc urodzenia w iasnie wielmoznem Januszu Zasławskim, woiewodzie wołynskim, znacznie upatruiemy. Ten abowiem, z zacnych xiąząt Zasławskich familiey urodziwszy się, s przodkow wziętą sławę pomnażaiąc, iako skoro go lata do spraw Rptey sposobnym uczynili zadney do przysługi nam y oyczyznie occaziey opuscic nie chciał, y na rycerskie zabawy zdawszy się, gdzie kolwiek dostatkow iego Rpta potrzebowała, zawsze gotowym y ochotnym sie stawił.

A nietylko dostatkow swoich odwagą, ale tez y zdrowie swoie, w niebezpieczenstwo wdawaiąc, Rptą wspierał. To abowiem, za wszelakim tatarow pogranicznych, tey corony nieprzyiacioł wtorgnieniem oswiadczał; to przez wszytek czas Moskiewskich, Multanskich, y Inflantskich expeditiey pokazował, to y teraz we wszytkich occazyach stateczną miarą, dzielnoscią, skłonną do poslug naszych ochotą, powazną y rostropną z dobrego ku oyczyznie affectu pochodzącą radą, y innemi przystoinemi stanowi swemu cnotami oswiadczac nieprzestaie, przyczyniaiąc ozdob zacnemu domowi swemu, a zasługuiąc się nam y Rptey. Przetoz, chcąc go, w takowych cnotach kwitnącego, do dalszych Rptey potrzeb łaską naszą podzwignąc y przychęcic, starostwo Pereisławskie, po zesciu z tego swiata iasnie wielmoznego Janusza Ostrozskiego casztelana Krakowskiego, do podawania y dyspositiey naszey przypadłe, onemu prawem dozywotnym dac y conferowac, umyslilismy, iakoz tym listem naszem daiemy y conferuiemy; takze przerzeczony iasnie wielmozny woiewoda Wołynski zwysz mianowany starostwo Pereiaslawskie z miasteczkami Jakotenem y Gelmazowem y z inszemi wszytkimi siołami, przysiołkawi, folwarkami, słobodami, futorami, karczmami, browarami, młynami, poddanęmi, z ich czynszami, robotami y wszelakimi powinnosciami, pasiekami, stawami, iezziorami, sadzawkami, rzekami, polami, lasami, mytami, zwyczaynemi y z inszemi wszystkimi, do tego starostwa zdawna przynalezącemi pozytkami y przynaleznosciami, mocą tego przywileiu, będzie dzierzał y spokoinie uzywał, az do ostatniego kresu zywota swego, oprocz słobod tych, ktoresmy w zawiadowanie słudze naszemu Janowi Czerniszewskiemu osobliwym przywileiem naszym dali, toiest miasteczek Berezani, Bykowa, Jabłonowa, Mirhoroda, do tego gruntow y lasow nad dawne uzywanie od xięstwa Siewierskiego, teraz od Moskwy swiezo recuperowanego, do tego starostwa y słobod w nym nowo osadzonych, az do skutecznego rozgraniczenia commisarzow naszych, na to naznaczonych, zaymowac y zaiezdzac niema. Saletry tez, poniewaz są nam y Rptey nalezące, pod tę daninę naszę podpadac nie maią, y gdy sie tak teraz,

iako y na potem w tam tem starostwie znaydowac będą, one wolnemu szafunkowi naszemu zostawuiemy; obecuiemy tedy swoim y nastempcow naszych imieniem, ze przerzeczonego iasniewielmoznego woiewody Wołynskiego od uzywania pomienionego starostwa Pereiasławskiego nie oddalemy y oddalic go nikomu mocy nie dany, ale go przy prawie dozywotnem zachowamy takze potomkowie y nastempcy nasi zachowaią; względem ktorego dozywocia czwartą częsc prowentow do skarbu naszego co rok oddawac, ordinaciey naszey, ktora około zamkow ukrainnych iest uczyniona, dosic czynic w starostwie pomienionem sam obecnie mieszkac albo w niebytnosci swey człowieka w rzeczach woiennych umieiętnego, ktory by potrzebom y powinnosciam zamkow ukrainnych dosic czynił, zawzdy tam miec powinien będzie. Na poprawę zamku y na przyczynienie spizy, prochow, kul y innych do obrony zamkow należących potrzeb taką summę na kazdy rok, iaką skarb nasz opisze, odkładac ma. A że iest pilna potrzeba ludzi na obronę przeciwsko nieprzyiacielowi Krzyza S. na panstwa coronne następuiącemu, tedy acz w kazdey Rptey potrzebie na ochocie iego do ratunku nieschodziło, ale daleko więcey pod ten czas tak wielkiego niebespieczenstwa, miłosc swoię ku oyczyznie oswiadczaiąc, dwiescie koni ludzi słuzałych swym kosztem przy woisku y hetmanie naszym na Ukraine stawic powinien będzie; popiołow tez z lasow pomienionego starostwa, bez osobliwego contentu naszego palic nie ma. To tez waruiemy y pomieniony starosta nasz przestregac ma, aby zydowie zadney władzy y iurisdictiey tak w sądziech, iako y w inszych rzeczach, ktoreby za sobą zwierzchnosc iaką kolwiek zaciągały, tak w miasteczkach, iako y w siołach starostwa pomienionego, nad miesczany y poddanemi naszemi niemieli. Do ktorego listu na większą wiarą ręką naszą podpisawszy się, pieczęc coronną przywiesic roskazalismy. Pisan w Warszawie, dnia dziewiątego miesiąca grudnia roku Panskiego tysiąc szescseth dwudziestego. Panowania krolewstw naszych Polskiego XXXIII a Szwedzkiego XXXVII roku. Sigismundus Rex. Chr-oph-us Bakowiecki.

(Литов. метр., кн. записей корон. № 19, лл. 149—151).

XVIII.

Рѣшеніе сеймоваго суда по дѣлу кн. Константина Вишневецкаго, старосты Черкасскаго относительно мѣстечекъ Яблонова и Миргорода (*Декретъ межы инстикгаторомъ зъ делящыи скарбовое, поводами, а кземъ Константым Вишъневецкимъ, старостою черкасъкимъ*). 20 августа 1621 года.

Жикгимонтъ третий, Божою млтю Король Польский etc...,—ознаймуемо тым листом декретом нашым кому то ведати належыть, иж приточыла се была перед нас и суд нашъ ассесоръский справа з реестру судового, за потрикротным через три дни возъного двору нашого Войтеха Ярошевского приволанемъ, межы инстикгаторомъ нашымъ коронным зъ деляцией скарбу нашого коронного и учтивого Яна Черънишевского, поводами, з одное, а урожонымъ Константымъ Вишъневецъкимъ, старостою нашымъ Черъкаскимъ, позванымъ, зъ другое стороны, за позвомъ нашымъ задворнымъ, передъ насъ и судъ нашъ отъ поводовъ по позваного выданымъ; о то, ижъ позъваный, не маючы жадное слушъности и права до слободъ або месточокъ нашыхъ Яблонова и Миръгорода, не ведати, для якой причыны. зараз по смеръти ясне велъможъного Януша кжти Острожского, каштеляна Краковъского, тамочнего Черъкаского и инъшыхъ старосты, звышъ описаные месточка нашые две, Яблоновъ и Миргородъ, а при томъ и салетръники на тыхъ кгрунтахъ будучые, моцъно и кгвалтомъ собе привлащылъ и дотоль оные трымаеть, доходы вси такъ зъ добръ преречоныхъ, яко и з салетръниковъ, береть и на свой пожытокъ оборочаеть и, ничого недъбаючи на листы и напоминане нашое, тых местечок и салетръниковъ, а ни скарбови нашому, а ни преречоному Черънишевскому, которому в администрацию тые добра подали есмо были, уступити не хочетъ, чынячы то ку великой шкоде поводовое стороны, што собе противко ему на петъдесятъ тисечей золотых польскихъ ошацовавъшы, инстикгаторъ нашъ позъваного, абы тые добра Яблоновъ и Миръгородъ, такъже и салетръники вси скарбови нашому або то-

му, кому з права належати будеть. пустилъ и вси пожытъки, презъ него по тот час зъ тых добр възятые, верънулъ и шъкоды вышей ошацованые нагородилъ, передъ насъ. и судъ нашъ задворъный запозъвал, о чом тотъ позовъ шырей в собе объмовъляеть. На року тогды 'з того позъву въ суде нашомъ ассесоръскомъ, дня двадцать второго мца мая, въ року теперешънемъ слушне припаломъ, стороны обедве поводовая—инстикгаторъ нашъ, также и названая—княжа Конъстантый Вишъновецъкий, сами очевисте становили се, и в той справе, межы собою контроверътуючы, позваный староста Черкаский форум той справе в суде нашом екъсцитовалъ, зъ тое причыны, же тые добра, о которые справа идеть, сутъ дедичъные потомков позосталыхъ *небощыка брата его княза Михайла Вишъневецъкого*, которых онъ есть опекуномъ; а инъстикгаторъ тежъ нашъ выводами своими указалъ, же форумъ ест передъ нами. Судъ нашъ ассесоръский, по контроверъсиях сторонъ обудвухъ, форумъ той справе в суде нашомъ узнавшы, позъваному поступовати наказалъ; одъ которого декрету позъваный до нас на реляцие нашые апъпелевалъ, По которой аппеляцыи выточеню, нижли тая справа передъ нами на реляциях нашых припала, преречоный Янъ Черънишевъский зъ того света смерътю зъшолъ. А кгды дня сегоднейшого, на дате нижей писаного, тая справа на реляциях нашых властных припала и передъ нами реферована была; стороны обедве, поводовая—инстикгаторъ нашъ самъ очевисто, а позваная презъ умоцованых своихъ Анъдрея Яноцъкого и Мартина Свежынъского становилисе и в той справе межы собою контроверътовали. Напередъ умоцованые позъваного теръминъ зъбияли, з тоей причыны, же Черънишевъский, который был за делятора въ позовъ вложоный, по выточеню отъ суду ассесоръского апъпеляцией, зъ того света смерътю зъшолъ; по которомъ, же сторона поводовая ревификаторие неприпозъвала, тогды до прозеквуцией тоей справы позъваный не естъ повиненъ; и просили, абы волным отъ року былъ учиненый; а инстикгатор нашъ, сполне зъ скарбомъ нашымъ короннымъ, поведилъ, же позъваный

до прозеквуции справы есть повиненъ, нон обстатъ тоже припозву жадъного, яко сторона ассерит ревификаторие по смеръти Черънишевъского не выдано, кгдыж Черънишевъский не был жаден деръжавъца дожывотъный тыхъ добръ, але слуга рукодайный нашъ и адъминистраторъ; а о таковую крывъду самъ бы был толко моглъ инстикгаторъ зъ скарбомъ позывати; и для того ж просилъ инстикгаторъ, абы ексцепъция тая, яко неправъная, была оттятая, а въ той справе, яко публичной и яко въ речы свежой и ясной, распирати се наказано было. Мы с паны радами нашыми, на тотъ час пры боку нашомъ седячыми, контроверъсие сторонъ обохъ выслухавъшы и добре вырозумевъшы, поневажъ принъципалитеръ отъ инстикгатора нашого з деляцией скаръбовой позовъ есть выданый, прото непотребный тутъ припозовъ быти найдуемо и для того жъ сторонам росперати се наказали есмо, А въ росператю умоцованые позъваного поведили, ижъ форумъ тая справа в суде нашомъ задворъномъ мети не можеть, кгдыж тые добра, о которые идеть, суть дедичные потомковъ кжти Михайла Вишъневецъкого, чого доводечы, показалъ привилей короля светое памети Стефана продка нашого, под датою въ Варшаве, на сойме, дня двадцать шостого мца стычня року Панского тисеча пятьсот семдесятъ осмого, которымъ пустыню, въ старостве Черъкаскимъ лежачую, назъваную реку Сулу, реку Удай и реку Солоницу, зъ речками и езерами и з уходомъ Лужокъ названымъ для осажаня людми шляхетъному Михалови Грибуновичови-Байбузе на вечъность дати рачылъ; от которого Байбузы урожоный некгды кжа Алексанъдеръ Вишъневецъкий, староста Черъкаский и Каневъский, за консенъсомъ нашымъ, тых добръ и пустыни набылъ. Што оному конституциею року тисеча пять сотъ деветъдесятого естъ апъпробовано и коммисары до ограниченя тыхъ пустын тою ж конституциею суть ухваленые, лечъ то ограничене еще скутъку своего не възяло. Поневажъ тогды суть тые добра дедичные, домавъляли се, абы водлугъ конъституцией року тисеча пятсотъ деветъдесятъ осмого (sic) инстикгаторъ и скарбъ наш, если што до нихъ мети розумееть,

не за дворомъ, але на сейме о то чынилъ; а на тотъ час, абысмо, декретъ суду нашого ассесоръского подънезшы, позваного отъ форум вольным учынили. Инстикгаторъ зас нашъ указалъ веллю раций, иж нигдей инъдей только передъ нами, за дворомъ, форумъ быти маеть, бо идеть о добра нашые и Рплтей, а где позъваная сторона инферуеть конституцию о позъвахъ задворъныхъ, противко тое ничого се не чынить, и овъшемъ не о позъваного жадные добра дедичъные, але о добра нашые, справа естъ; другая, в той же конституцией ясне то доложоно, же о такие добра волно чынити за двором нашымъ, которые бы были ин люстрационе. А тые добра были люстрованые, чого зараз инстикгаторъ нашъ люстрациею, которая была авторитате сейму въ року тисеча шесть сотъ петънадъцатомъ отправованая, ясне довелъ, и зъ нихъ кваръта водле ошацованя люстраторского идеть; а зас, што се ткнеть привилею вечности, збиялъ инъстикгаторъ нашъ тыми рацыями, же того, чого были въ поссесии к ужываню за тым привилеемъ, инъстикгаторъ а ни скарбъ не упоминаетъ се, але того тылъко, што самъ позовъ опеваеть, чого прошлый староста нашъ ясне вельможный кжа Янушъ Острозъский, кашътелянъ Краковский, былъ въ поссесией, который за правомъ нашымъ до смерти своей тые добра прималъ; а што болшая, тожъ се власне и въ самомъ позъве задаеть, же позваный, заразъ по смеръти преречоного ясневельможного каштеляна Краковского, Черкаского, Каневъского и Переяславъского старосты, нулъло юре то забралъ, и то припомънел, же еслибы хто уйму якую отъ нас албо скарбу нашого напотомъ мелъ, тогды то коммисары тые, которых конституция варовала, узънати мають; чого же албо позъваный албо тотъ, которому право вечыстое служыт, не учынил, а ни до того часу о выведене комъмисаров старалъ се, не можетъ а ни лятитудинем а ни лонгитудинем кгрунтовъ тыхъ собе привата авъторитате описовати. А за тым просилъ инстикгаторъ, абы есмо зъ тых причынъ и иншыхъ, декретъ ассесоръский апъпробовавъшы, форумъ передъ нами нашъли. Мы с тыми жъ паны радами нашыми, при боку нашомъ се-

дячыми, конътроверсие сторонъ обохъ выслухавъши и пилне у себе уважывши, декрет суду нашого ассесоръского, яко правный и слушъный, во всемъ утверъдили есмо и зъмоцънили и, форумъ передъ нами нашодшы, стороне позъваной въ той справе поступовати противко инстикгаторови самому скарбови наказали есмо. Поступуючы тогды далей, умоцованые позъваного задавали неналежность справы зъ тое причыны, же тые добра презъ коммисаровъ, конституциею року тисеча пятъсотъ деветъдесятого ухваленых, и дотоли не сутъ ограничоные, зачымъ трудъно ведати, кому тые добра, о которые справа идеть, належати мають. И любо оные позъваный кжа Конъстантый Вишъневецъкий, яко опекунъ потомковъ брата своего, которым тые добра правом вечыстым належуть, по смерти пана Краковъского, одобралъ, чынилъ то, почуваючы се въ праве своем, абы чого тым детем *сыновцомъ своимъ не стратилъ*, а доводечы того, же тыхъ добръ зошълый кжа Михайло Вишъневецъкий завъше боронилъ старосте Черъкаскому, показали протестацие засвежа о крывды тыхъ слободъ и кгрунътовъ на зошълого каштеляна Краковского, старосту тамочнего, учыненые, просечы притомъ, абы одъ тоей справы, яко неналежной, позваный волнымъ был учыненый, кгдыжъ тые добра за правомъ слушънымъ отрималъ. Инстикгаторъ, зъбиваючы ассерцие позваной стороны, вывелъ то, же справа естъ належная, кгдыжъ инстикгаторъ зъ скарбом, яко публици виндикаторес добръ нашыхъ и Речы Посполитой, о оные чынють; ничого не помогуть протестацие якиесь, которые отъ небощыка Михала Вишъневецъкого, яко бы о якиесь кривды суть почыненые, кгдыж не протестацыя право а ни вечъность творитъ; кажъдому протестовати се волно, але чынить вечность декретъ, диспозицие, донацие и иншые тымъ подобные, А если сторона тыми протестациями хочетъ право якоесь сыновцовъ своихъ укгрунтовать, нехай намнейшую акцию до тых протестаций з небощыкомъ паномъ Краковскимъ укажет, чого жадънымъ способомъ указати не можеть и не указуеть; зачымъ, ижъ сторона позъваная акгносцитъ фактумъ, и хоч то номине

туторали учыниты се менит, чого антецессор сыновцовъ позваного ин узу не был, просил, абы есмо належную справу узнали. Мы з тыми ж паны радами пашими, конътроверъсие сторонъ обудвухъ выслухавъшы и добре вырозумевши, поневаж справа естъ факти о отняте добр напых, палежную быть справу узнавшы, позваному одповедати наказали есмо. А в одповеданю умоцованые позваного брали се на ревизию албо на инквизицию, же тые добра и слободы суть засажоные в округу тое пустыни, которая естъ вечъностю Байбузе даная, не дерокгуючы ничого праву своему а ни далшымъ оборономъ. А инстикгаторъ нашъ указалъ, же позваная сторона на инквизицию жадъным способомъ брати се не можеть, бо бы шло затымъ, же место коммисаровъ, которые номине публико суть вже ухваленые, инквизиторове мели о тые добра кокгницию чынити и вже бы тамъ тая коммисия, назъначоная через декрет нашъ устати мусела. Але што болшая, што за скуток тое инквизициеи. Не тягнеть се сторона до таковое инквизицией, же не отънесла, а ни се притъ того, але толко хотечи ограниченя якогось черезъ нихъ; зачымъ, иж акгносцитъ все ани ноториис и свидентибус, яко тутъ естъ, дисквизицие жадъные быти не могуть; тогды инстикгаторъ просилъ, абы та инквизиция, яко не потребъная, оттятая была. Мы с тыми жъ паны радами нашыми, контроверъсие сторон обох выслухавъшы и добре вырозумевъшы, поневаж умоцованые позваного не пруть того, же зошлый кашътелян Краковъский аж до смеръти своей тыхъ добръ, посполу зъ староствомъ Черкаскимъ, былъ въ поссесии, а не показуютъ, якимъ правомъ по смерти его позваный албо потомъкове Михайла Вишъневецъкого до поссесии тыхъ добръ пришъли; а сторона поводовая ясне то показала протестациею, презъ Черънишевъского учыненою, же позваный тые добра по смеръти кашътеляня Краковъского кгвалътомъ забралъ, чого и умоцованые его не пруть; прото, поневажъ уставичной поссесии своей ничымъ позваная сторона не доводить, а уживане тыхъ добръ до староства Черъкаского отъ давного часу явъное и ясное быти показуеть се, тую инкви-

зицию непотребную быти узнавъшы, позваному скуточне отъповедат наказали есмо. А в скуточномъ отъповеданю умоцование позваного брали на присегу принципалови своему, же тые добра, яко в округу пустыни тое, которая Байбузе вечностю от короля светое памети Стефана естъ даная, лежатъ, так суть и былы помененого кжти Михайла Вишъневецъкого дедичные. Тутъ южъ инстикгаторъ нашъ достаточьне выводилъ, же по декрете скуточного отповеданя жадъных кградусовъ такъ з права, яко и звычаю, до чыненя декретовъ не машъ, только до наказаня самое речы головное, о которую идеть, а иж сторона позъваная по декрате скуточного отповеданя береть се на якуюсь присегу, которая естъ екстраординарна, тая позваного потъкати не можеть; иншая, кгды бы се брал на присегу такую, же тыя добра до поссесни своей не брал, ани ужывалъ и оныхъ заразъ отъступуетъ, штося бы было позорного; чого иж не чынить, тогды просилъ наперод инстикгаторъ, абы тая екстраоръдинария присега местъца не мела, але рачей абы сатисфакцня речы головной наказана была, то естъ деоккупация тыхъ добръ, досыть учынене за провента, през тотъ час забраные, и такса, которая естъ въ позве менованая. Мы с тыми жъ паны радами нашыми, при боку нашомъ седячыми, контроверъсне сторонъ обохъ выслухавшы и тую сираву пилне у себе уважывшы, поневажъ се сторона позваная не берет на таковую присегу, же тыхъ слободъ и месточок не одоймовала и ихъ не тримаеть, и овшемъ се показуеть ясне такъ зъ люстрации року тисеча шест сотъ осмнадцатого отъправованое, яко тежъ и с протестацый самыхъ же позваного, же тые добра до староства нашого Черъкаского належали, и остатъний староста наш Черъкаский зошълый ясне вельможный кже Янушъ Острозкий, каштелянъ Краковский, ажъ до смеръти своее оные до староства Черъкаского трималъ и кварърту, водлуг ошацованя люстраторов, з них платить былъ повиненъ; по которого смерти тые добра, отъ староства Черъкаского отълучывъшы, в диспозиции нашой зоставили есмо и в администрацию зошълому Якови Черънишевскому, поспол зъ салетрами украинными и з ин-

шыми слободами и месточками, до салетръ прилучоными, поручыли есмо были; тогды тая поссесия, которою се позваный щытит, яко тая, которая, за кгвалтовъным забранемъ тых добръ, по смеръти помененого каштеляна Краковского утвороная, позваного ничого въспомочы не можеть, кгдыж позваный, а ни възглядомъ привилею нашого, отъ нас ему на староство черкаское даного, бо в нимъ тых месточекъ Яблонова и Миргорода не спецификовано, а ни взглядом дедицтва (яко претенъдуеть) потомковъ княжти Михайла Вишъневецкого, которого поссесии ничымъ не доводить, справы на тые слободы и салетры привлащати и оных собе узурповати не могъ. Зачым, поневажъ ясъне се то показуеть, же тые добра въ диспозиции нашой и в ужываню деръжавъцов нашых отъ давного часу былы, а позваный оные, безъ въшелякое слушъности и права, посел и забралъ, тую присегу, до которое се позъваный береть, яко въ речы ясной, отътинаемо. А прыхиляючы се до уставичъное поссесии державъцовъ нашыхъ и до протестации о отъняте тыхъ добръ, на позваного учыненое, наказуемо, абы позваный тые добра Яблоновъ и Миргород, которые неслушъне и неправне забралъ, знову до поссесии и ужываня скарбови нашому албо тому, кому то отъ нас дано и поручоно будет, привернулъ и отъ даты того декрету нашого за недель осмъ скуточне и истотъне з нихъ уступилъ, зо въсими хуторами, селицами и селетрниками, которые при тыхъ добрах был забралъ и зо вшелякими иншыми пожитками и приналежностями, такъ яко пред тымъ в ужываню старосты нашого Черкаского тые добра былы. А по уступеню абы жадное перешкоды и перенагабаня в поссесии и ужываню тыхъ добръ так самъ презъ себе, яко черезъ слуги свое и презъ направъные якие ковлекъ особы, не чынилъ. До того провенъта, которые черее тотъ час держаня своего з тых добръ отъ салетръников побралъ, абы водлугъ того, яко се з реестров скарбу нашого и з иншыхъ доводовъ покажеть, отъдал и за оные досыт учинилъ скарбови нашому; которому декретови нашому такъ вовсемъ, яко и въ части его которой колвекъ, позваный досыть

учынити маеть и повинен будеть в тых осми неделях под таксою шкодъ, въ позве менованою, то есть, петидесятъ тысечей золотых полских, которую в недосыть учыненю в чомъ колвекъ тому декретови нашому на позваномъ и добрах его дедичныхъ и иншыхъ вшелякихъ лежачыхъ и рухомыхъ заразомъ тым же декретомъ нашымъ всказуемо и на отправу тое сумы до върядов кгродского Киевъского и кгродского Кремянецкого и инших, в которых бы добра позъваного знайдовали се, отъсылаемо; которую отправу судъ и врядъ кождый учынити и выконати маетъ и повинен будеть моцю того декрету нашого под винами, въ праве посполитомъ на недбалых урядъников описанными. А на одебране, увезане и подане тыхъ добръ въ поссесию скарбови нашому албо кому то от нас злецоно и отъдано будеть, дворенина нашого урожоного Станислава Викгуру и двох возных, которые способные быти могуть, тымъ же декретом нашымъ придаемо, до которого на болшую веру печат коронную приложыти росказали есмо. Писан у Варшаве, дня двадцатого мца авъгуста року тисеча шестсот двадцать первого, пановaня королевствъ нашых полского тридцат четвертого, а шведъского двадъцать осмого року. Andr. Lipski, Eps Luceoriens, Regni Cancellarius. Справа того жъ. Ch—oph—us Bakowiecki.

(Литов. метр., книга записей корон. № 19, лл. 233—238).

XIX.

Жалованная грамота кор. Сигизмунда III Бартоломею Обалковскому на управленіе всѣми казенными, находящимися на Украинѣ, селитренными промыслами и четырьмя новооснованными мѣстечками Березанью, Быковымъ, Яблоновомъ и Миргородомъ *(Danina Obałkowskiemu czterech słobod w ziemi Kiiowskiey y na administratią saletr ukrainnych).* 21 августа 1621 года.

Zygmund III z Bozey laski Krol Polski, etc..., oznaimuiemy tym listem naszym wszem wobec y kazdemu zosobna, komu to wiedzieć nalezy, yz my, doznawszy stateczney wiary y do posług naszych y Rptey chęci, takze w sprawowaniu rzeczy ros-

tropnośći y dzielnosci urodzonego Barthtomieia Obałkowskiego, komornika naszego, saletry wszytkie, w ziemi Kiiowskiey y po wszytkiey Ukrainie będące, ktore przed tym w administratią uczciwemu Janowi Czerniszewskiemu dalismy byli, po smierci tego to Czerniszewskiego, dla porządnieyszego ich robienia y szafowania w dozor, zawiadowanie y obmyszliwanie pomieniowemn urodzonemu Barthłomieiowi Obałkowskiemu tym listem naszym daiemy, pozwalaiąc mu y daiąc moc y władzą zupełną pomienione saletry we wszytkiey ziemi Kiiowskiey y po wszytkiey Ukrainie tamtey, w polach dzikich Białogrodskich, Oczakowskich, Putiwlskich, około Murawskich szlakow Tatarskich y około rzek Psła, Worskła, Oreli y we wszytkich dzikowiznach, gdźie by się iedno kolwiek sposobne horodiscza, mogiły y insze miesca, do robienia saletr znaidować mogły sposobni, iakie nailepsze on upatrzyć y obmyslić będzie mogł, robić y onemi zawiadywać y rządzic tak iakoby ku nailepszemu pozytkowi naszemu y Rptey to sie obracac mogło. A dochod z tych saletr, nam należący, na kozdy rok do skarbu naszego oddawać powinien będzie według postanowienia z wielmoznym podskarbim Coronnym. Do tego przerzeczonemu urodzonemu Barthłomiiowi Obałkowskiemu, aby tym porządniey y sposobniey tym wsyztkim rządzic, straz około saletr tych obmysliwac y onę na mieisce naznaczone sprowadzac mogł, dalismy y tymze listem naszym daiemy słobody, w ziemi Kiiowskiey za Dnieprem lezące, nowo osadzone, to iest miasteczka Berezań, Bykow, Jabłonow, Mirhorod, z chutorami y sieliszczami, do tych słobod należącymi, z iurisditią (sic) y powinnosciami wszelakimi, ludzi w tych słobodach osiadłych y s pozytkami ztamtąd przychodzącymi, ktore on słobody trzymac, osadzac, wsszyrzac y ku pozytkowi iako nailepszemu przywodzic ma y będzie mogł, mocą tego listu naszego, Do ktorego na większą wiarę, ręką naszą podpisawszy się, pieczęc coronną przyłozyc wskazalismy. Dan w Warszawie dnia dwudziestego pierwszego augusta, roku Panskiego MDCXXI, panowania krolewstw naszych Polskiego XXXIII, a Szwedskiego XXVIII roku. Sigismundus Rex. Chrophus Bakowiecki.

(Лит. метр., кн. зап. корон. № 19, лл. 238 и 239).

XX.

Рѣшеніе ассесорскаго суда по дѣлу о захватѣ кн. Константиномъ Вишневецкимъ казенныхъ хуторовъ Золотушина, Остапова и Хомутца ***(Декретъ межы инстикгаторомъ зъ делляцыи скарбу и урожоного Бартломея Обалковского, акторами, з урожонымъ Константым Вишневецъкимъ, старостою Черъкаским, позваным, за ремисиею о хуторы).*** **23 іюня 1622 года.**

Жикгимонтъ третий, Божею милостю король полскій, etc.,—ознаймуемо тымъ листомъ декрету нашого, кому то ведати належит, иж припала была передъ насъ и судъ нашъ ассесорский справа з реестру судового за по трикротнымъ презъ три дни возного двору нашого шляхетного Войтеха Ярошевского приволанемъ межы инстикгаторомъ нашымъ короннымъ зъ делляцыи скарбу нашого и урожоного Бартломея Обалковского, администратора салетръ нашыхъ, поводами, з одное, а урожонымъ Константомъ Корибутомъ Вишневецкимъ, старостою нашымъ Черкаскимъ, позванымъ, зъ другое стороны, за позвомъ нашымъ задворнымъ, от поводовъ по позваного выданымъ, о то, иж позваный, не дбаючи на декрет нашъ задворный, который есмо межы инстикгаторомъ и скарбомъ нашымъ коронnымъ, а позванымъ о кгвалтовное противко слушности и праву зараз по смерти ясневелможного Януша княжати Острожского, каштеляна Краковского, въ мѣстечка нашые Яблоновъ и Миргород въехане и салетръ нашихъ одняте учинили; которым декретом нашым росказали есмо, абы позваный добра Яблоновъ и Миргородъ знову до посесии и уживаня скарбу нашого албо кому бы то од нас поручоно было, зо всими хуторами, селищами, салетръниками, так яко в ужываню преречоного ясневелможного каштеляна Краковского былы, привернулъ; до того провента, которие през тотъ час держаня своего зъ тыхъ салетрниковъ побралъ, водлугъ реестровъ скарбу нашого и иншихъ доводовъ отдалъ, а по уступеню абы жадное перешкоды и перенагабаня въ поссессии и ужываню тыхъ добръ, такъ самъ през себе, яко през слуги свое и през направные якие колвекъ особы не чынилъ. Што все позваный повиненъ былъ учынити под

таксою, албо виною петидесятъ тисечей золотых монеты и личбы полское; которую вину в недосыт учынено тому декретови нашому на позваномъ и добрахъ его дедичныхъ и иншихъ вшеляких лежачих и рухомых въсказали есмо, и на оправу тое сумы до урядовъ приналежныхъ отослали есмо, яко тотъ декретъ нашъ ширей въ собе мает. Которому то декретови ачъ колвекъ позваный въ части досытъ учынил и тые местечка обедве Яблоновъ и Миргород, зъ некоторыми кгрунты и пожытками, урожоному Бартломееви Обалковскому, администраторови салетръ нашихъ, пустилъ; однакъ, по болшей части противляючисе декретови нашому, што се наперод ткнет местечка Яблонова, двох футоров до него належачых, то ест, Золотушына и Остапова, которые завше въ спокойномъ ужываню небозчика, ясневелможного каштеляна Краковского, бывалы, не пустилъ. А што се ткнет Миргорода, теды футора, Хомутец званого, и Майдановъ робеня салетръ, чынъшовъ и въсихъ повинности их, также всихъ уходовъ над реками Хоролем и Пслом по обудвох берегахъ въ поссесию тому жъ администраторови нашому не подалъ, и овшемъ заборонилъ; зачим в вину петидесят тисечей попалъ; на которое сумы отправу, кгды в року близко прошлом уряд кгродский Кременецкий до маетности позваного, месточка старого Вишневца, зъ возными енералами и шляхтою приехали и, абы позваный суму вышъ менованую заплатилъ, албо въвезаня в тую маетность в той суме допустилъ, упоминали се; теды позваный ани сумы скарбови нашому не отложылъ, ани въвезаня в добра свое допустилъ, и овшемъ презъ певные и направъные особы заборонилъ, през што, яко права непослушный, в вину баниции и выволаня зъ панствъ нашых попалъ; а иж уряд Кременецкий, противко праву посполитому и вшелякой слушности, на зволоку справъ наших скарбовых, неправне тую справу на далший поступокъ и узнане до суду головного трибуналу Любелского одослалъ, а жадное моцы яко суженя тое справы въ Вишъневцу, так и одосланя ее на трибунал, не мел. Про то инстикгаторъ нашъ, одъступуючи тое неправное на трибунал ремиссии, позваного за дворомъ нашимъ до

далшого тое справы поступъку и до всказаня и публикованя на нимъ, яко праву посполитому непослушномъ, вины баницией и выволаня зъ панствъ нашыхъ и того, што зъ права будет наказано, припозвалъ, а з урадомъ кгродскимъ: Ремяном Либишевским, подстаростимъ, Александромъ Ушаком-Куликовским, судьею, инстикгатор нашъ о таковий ихъ поступокъ и признане, якобы од администратора нашого на таковую ремиссию позволити мено, въцале собе акцию, такъ яко зъ права прийдет, зоставилъ, о чом тая ремиссия, припозов задворный и у вес тое справы поступокъ шырей въ собе объмавляет. На року тогды дня шостого мѣсяца июня въ суде нашомъ ассесорскомъ, слушъне в той справе припаломъ, стороны обедве поводовая—урожоный Петръ Козъминский, вице - инстикгаторъ, самъ очевисте, а позваная--урожоный Константый Вишневецъкий, староста нашъ черкаский, тежъ самъ очевисте у суду нашого становилисе и в той справе межы собою контровертовали, въносечы то позваный, ижъ форумъ в той справе перед судом нашым мети не может з тых причын: первъшая, же тая справа одослана ест през уряд кгродский Кременецкий ад баниендумъ на трибуналъ; мимо которую ремисию тутъ въ суде нашомъ позваный справовать се неповиненъ, докол бы актор, иллекгалитатемъ тое ремиссии переконавшы правомъ, урядъ тамъ тот не указалъ, кгдыж на тую ремиссию и сам похвалилъ; другая, же конституцие вси, о трибунале учыненые и о одправахъ речей осужоных, яко року 1578 и 1589 и тисеча пятсот деветдесятого которие позваный перед судомъ нашымъ выводилъ, показуючи то, же тая справа яко кавза гонорис трибуналови, а не судови нашому, належыт; третяя, иж тутъ ин дисквизиционем добра земские приходятъ, на которых взлядомъ таксы урядъ екзекуцию отправовалъ, которые, водлугъ конституцией року тисеча пятсотъ деветдесят осмого, нашему судови подлегати не маютъ; зъ тых прычын просилъ, абы а форо былъ волнымъ учыненый. А сторона поводовая—вицеинстикгатор нашъ форумъ той справе въ суде нашомъ слушъное быти выводилъ, кгдыж идет о добра нашые, которых позваный, спротивияючысе декретови нашому,

не уступилъ; до того же вже позваный тое ексцепции декретомъ нашихъ первъшымъ, о которого теразъ екзеквуцию идетъ, естъ отсужоный; а што се дотычет конституции о трибунале и о екзеквуцией речей осужоных, тые позваного въспомочы не могутъ; и кгды ж толко о доброх земских, а не нашых, и межы особами приватными, а не въ справахъ скарбу нашого, розуметисе маютъ, зачым просилъ, абы тую ремиссию, которую неправне на трибуналъ уряд Кременецкий учынил, на сторону отложывшы, тутъ в суде задворномъ, яко тои справе належномъ и въ которомъ естъ зачатая, за позвомъ нашымъ форумъ узнано и позваному поступоват наказано было. Судъ нашъ ассесорский, по контроверсияхъ сторонъ обохъ, бачачы, же се справа точытъ стороны добръ нашыхъ о спротивлене се декретови нашому, а тые конституцие, которые позваный о екзеквуцией речы осужоныхъ и о трибуналскихъ судахъ анекговалъ, на добра на тые не стегаютъ се и овшем толко о справахъ межы приватными особами о кривды и о добра шляхецкие, а не о добра нашые, которые жадному инъшому судови, опроч нашой зъверхности и въладзы, водълугъ права посполитого, подлегати не могуть, розуметъ се маютъ; тое одослане уряду Кременецкого на трибуналъ, яко неналежное и на затруднене справы и помешане процессу учыненое, на сторону отложывшы, въ суде нашомъ за позвомъ, отъ инстикгатора и диляторовъ выданымъ, форумъ тое спрвы узънал и позваному поступоват наказалъ, от которого декрету позваный до нас на реляцие нашые апъпеловал; которое аппеляции судъ нашъ оному допустилъ. А кгды дня двадцать второго мѣсяца июня зъ тое апъпеляции и з арешъту тая справа на реляцияхъ нашых властныхъ припала, и перед нами реферована была, стороны обедве поводовая—тотъ же урожоный вицеинстикгаторъ нашъ очевисте, а позваная—през умоцованыхъ своихъ шляхетныхъ Мартина Свежынского и Войтеха Станишевского передъ нами ставили се и о важности декрету суду нашого ассесорского, новтараючы контроверсие свое помененые, мовили. Мы с наны радами нашими, на тот час при боку

нашомъ седячыми, контроверсие сторонъ обохъ выслухавшы и пилне у себе уважывшы, декрет суду нашого ассесорского, яко правный и слушный, во всемъ утвердили есмо и змоцнили, и тымъ декретомъ нашымъ утвержаемо и змоцняемо; а иж тая справа на той сессии скончона быти не могла, оную до дня сегоднейшого, на дате нижей писаного, отложыли есмо; дня тогды сегоднейшого, кгды тые ж стороны вышей менованые обедве перед нами до далшого въ той справе поступку становилисе; умоцованые позваного, поступуючы далей въ той справе, показавши реляцие возных и коморниковъ наших, до деокупацией Яблонова и Миръгорода, зъ декрету нашого приданыхъ, выводили то, иж се декретови нашому во въсем досыт стала; а што се тычетъ хуторов тых Хомутъца, Золотушина и Остапова, тые поведели быти добры дедичными потомковъ урожоного Михала Вишневецкого, до пустыни Сулы належачими; на которую Сулу право вечистое выводечы, показали привилей короля светое памети Стефана шляхетному Михайлови Грибуновичови-Байбузе на пустыни, то ест реку Сулу, реку Удай и Соломицу з речками и озерами, почавши от Снятына, границы Московское, аж до устя реки Днепру, и теж на уходъ, Лужокъ названый, въ року тисеча пятсот семдесят осмомъ даный. Показали потомъ консенсъ нашъ тому Байбузе на уступене того права урожоному негды Александрови Вишневецъкому, въ року тисеча пятсотъ осмъдесятъ девятомъ даный, показали предажу, през того Байбузу въ року тисеча пятъсот девстдесятомъ учыненую, и аппробацию нашу на то, въ року том же тисеча пятсот деветдесятомъ даную; а потомъ показали конституцию року тисеча пятсот деветдесятого, которою тая данина ест апъпробована. А иж в томъ привилею и в конституции той сеймовой доложоно того, же мели быти коммисаре, на ограничене тое пустыне зесланые, которые и до того часу тамъ не зежъдзали и не ограничыли, теды позваного умоцованые просили суспенсии, дотол аж бы зъ сейму комисаре на тую пустыню Сулу досланы были; а сторона поводовая — вицеинстикгатор нашъ, показавши декрет нашъ, которыи тые добра Миргородъ и Яб-

лоновъ зо всими приналежностями, хуторами, селищами, салетръниками до заведованя и державя администратора нашого уступити и чынъшы възятые вернути наказали есмо, доводил того деляциею возных автентыце зъ книгъ кгродских нашому и досыт во въсем не учынил, кгды же хуторовъ до тых месточекъ належачых, Хомутъца, Остапова и Золотушына, которые въ державю ясневелможного Януша княжати Острозского, кашътеляна Краковъскаго, прошлого старосты нашого Черъкаского, посполу зъ тыми местечъками Яблоновомъ и Миргородомъ, былы, не уступилъ, майдановъ салетрных не пустилъ, чынъшовъ не верънулъ. А што се тычетъ права дедичъного на пустыню Сулу, тым позваный не можетъ затегати тых хуторов въ дедицъство, кгды не посполу зъ старовствомъ черкаскимъ правомъ нашымъ королевъским антецессор позваного оные держалъ; а до того же конституция року тисеча пятсот деветдесятого, от позваного продукована, мает то въ собе, же коммисаре зъ сойму назначоные мели тую то там пустыню ограничыт, а иж то се не стало, теды тежъ певъности жадное не маш, на што се тое право маетъ стегати, и што за ним подъ право дедичъное маетъ подпадати, и въшемъ значытъ се то, же подъ претекстом того недосконалого права, много барзо неслушъне и неналежне добръ и кгрунтов нашых и речы посполитое забрано, зачимъ и тот привилей на своем пляцу зостати бы се не моглъ, бо снать тот Байбуза который былъ боярын черкаский, не водлугъ своей кондицией много за мало ад мале наррата упросилъ, и на колко десят мил кгрунъту нашого и речы посполитое забрал, и посел привата авторитате без означеня коммисаровъ, которых и конституцнею сеймовою объваровано, же зослани быти мели, але же теразъ о томъ не машъ термину жадного, толко о недосыт учинене рѣчы осужоных, просил вицеинстикгатор нашъ, абы тая суспенса, которое на зволоку зажывает, на сес час ему позволоная не была. Мы с паны радами нашыми на тот час при боку нашомъ седячыми, контроверсие и доводы сторон обох выслухавшы и тую справу пилне у себе уважывшы, а бачечы, иж сторона поводовая—вицеинстикгатор

нашъ довел того, же позваный не во въсем досыт учынил декретови нашому, кгдыж зъ делляцин возных и дворанина нашого на одберане тых месточекъ Яблонова и Миргорода и майдановъ салетрныхъ и теж чыншовъ неслушъне от салерниковъ възятых, декретомъ нашымъ прыданых, показует се то, же хуторов двох Золотушына и Остапова до местечка Яблонова, а одного хутора Хомутца называного, до Миргорода належачых, певных майдановъ салетрныхъ, позваный не уступилъ и до держаня администратора нашого подал, таже чыншовъ салетрных не вернулъ; теды узнали есмо и тымъ декретомъ нашымъ узнаваемо, же позваный маетъ и естъ повинен первшому декретови нашому во всем досыт учынити под тою ж таксою, в том же декрете нашомъ заложоною, петидесят тисечей золотых польских и подъ виною баницией; которую то таксу и баницию въ не досыт учыненю декретови нашому за разом теперешъним декретом нашымъ на позваномъ и добрах его въшеляких лежачых и рухомых въсказуемо и на отправу тое сумы до урядовъ, добрам позваного належных, отъсылаемо, а до публикацией баницыи возного, которого собе сторона способити будетъ могъла, тымъ же декретомъ нашымъ придаемо. А же бы се тымъ достаточней и ясней показат могъло, што до тых добр нашых Яблонова и Миргорода належыт, назначаемо тымъ декретомъ нашым инквизиторов нашыхъ, то естъ велебъного въ Пану Христусе кеендза Богуслава Радошевского, бискупа Киевского, и урожоных Теодора Елъца, хоружого, Захарияша Еловицкого, секретара нашого, столника Киевских, и Миколая Корицкого секретаря нашого, которие, час способныи на то упатрившы и стороны обедве иннотестенциями своими двема неделми перед терминомъ объвестившы, до тых там месточек Яблонова и Миргорода зехати и о томъ се достатечне виведати се маютъ. Напередъ, если тые хуторы Золотушынъ и Остаповъ до Яблонова а хутор Хомутецъ названый до Миргорода належалы, албо не, и если тых хуторовъ антецесор позваного ясне велможный Янушъ княжа Острозское, каштелян Краковский, староста Черкаский, посполу зъ староствомъ и з тыми месточками Яблоновомъ и Миргоро-

домъ, былъ въ держеню албо не. А кгды се то за таковою инквизициею покажет, же тые хуторы до тых месточек належалы; теды наказуемо теперешнимъ декретомъ нашымъ, абы позваный тые хуторы, также и майданы салетрные, которых передъ тымъ был не уступилъ, и вси уходы надъ реками Хороломъ и Псломъ по обудвухъ берегах, што колвекъ до добръ Яблонова и Миргорода належачого з инквизицией се покажет, заразом при тых инквизиторах нашых до держаня и администрацией урожоного Бартломея Обалковъского урядовне подал и уступил и по уступеню жадное перешкоды не чынилъ; до того наказуемо, абы провента и чынше, которые позваный, по смерти помененого ясневелможного кашътеляна Краковъского, от салетрников побрал, яко се з реестровъ и з иншых доводовъ скарбу нашого покажет; заразом тамже, при тых же инквизиторах нашых, до рукъ теж администратора нашого, отдал и отложыл, под тою ж таксою вышменованою и виною баницией, а въ недосыт учыненю през позваного въ чом колвек тому декретови нашому термин сторонамъ обема въ суде нашом задворномъ, по отправеню тое инкизицией, за недел осмъ, без припозву до далшое тое справы поступъку заховуемо моцъю того декрету нашого, до которого на большую веру печат коронную приложыти росказали есмо. Писан у Варшаве дня двадцать третего месяца июня року панского тисеча шестсот двадцать второго, пan ованя королевствъ нашых полского тридцать пятого, а шведского двадцать девятого. Andreas Lipski eps Luceoriens, Regni cancellarius. Справа того жъ.

(Литов. метр., кн. записей корон. № 19, л. 252 об.—255 об.).

XXI.

Рѣшеніе суда ассесорскаго въ Варшавѣ по дѣлу о захватѣ кн. Константиномъ Вишневецкимъ „салетръ“ коронныхъ по рр. Хоролю и Пслу, у четырехъ границъ, по рр. Ворсклѣ, Орели, Мерчыку, Орчику, Голтвѣ и Сулѣ, у городища Белского, на поляхъ Путивльскихъ и Бѣлгородскихъ, по „шляхамъ Муравскимъ“ и „по всихъ диковизнахъ“ (*Декретъ межы инстикгатором зъ делляции скарбу и урожоного Бартломея Обалковскаго, адъминистратора салетр украинных, акторами, а урожонымъ Константым Вишневецким, старостою черкаским, о салетры).* 2 іюля 1622 года.

Жикгимонъть третий, Божю милостю корол полский, etc.,—ознаймуемо тымъ листомъ декрету нашого, кому то ведати належить, ижъ приточиласе была перед нас и суд нашъ ассесорский справа з реестру судового, за потрыкратным през три дни возъного двору нашого шляхетного Войтеха Ярошевского приволанемъ, межы инстикгаторомъ нашымъ коронъным з деляции скарбу нашого коронъного и урожоного Бартломея Обалковского, администратора салетръ нашихъ украинъныхъ, поводомъ, з одное, а урожонымъ Конъстантымъ Корыбутом-Вишневецкимъ, старосътою нашымъ черкаскимъ, позъваным, з другое стороны, за позвомъ нашимъ задворным, не маючи жадное слушности и права до салетръ нашихъ украинъныхъ, которые есмо на пожитокъ нашъ обернули и в администрацию первей зошълому Янови Чернишевскому, а потомъ вышъменованому поводови, урожоному Бартломееви Обалковскому, подали, не ведати, для якое прычины, вышъпомененые салетры около рекъ Хороля, Псла, грани великое и другое грани черкаское, и третее грани ташевское, и грани сухое, и теж около городишча Белского, и около рекъ Ворсъкла, Орели, Мерчика, Орчака и около рекъ Голтвъ, реки Сулы, и по инъшихъ всихъ диковиснахъ и поляхъ путывлскихъ, Белогородскихъ, около шляков муравскихъ и на иншихъ местъцахъ по всей Украине там то будучые моцъно и кгвалтомъ собе привлащил и до тыхъ часовъ тримаетъ, доходы вси з тыхъ салетръ, то есть чиньше од салетръниковъ беретъ и на свой пожитокъ оборочает, перевозовъ на

рекахъ вышъменованыхъ, и тежъ лесовъ, до робенья салетръ потребныхъ, заборонаетъ и, ничого не дбаючи на листы наши напоминалные, тыхъ салетръ наших ани скарбови нашому, ани помененому администраторови уступити не хотелъ, чинечи то ку великой шкоде скарбу нашого; которое шкоды шацовала собе сторона поводовая на сто тисечей золотыхъ полскихъ, а такъ инъстикгатор нашъ и деляторове вышъменованые скарбови нашому, албо тому, кому з права належати будетъ, уступил, до заведованъя администратора нашого вышъменованого пустил, перевозов и лесов не боронил, пожитки вси, презъ тот часъ взятые, вернул, шкоды выш менованые нагородил, ино все скутечъне се справил, позвом нашимъ запозвали, о чом тот позов ширей в собе обмовляет. На року теды в суде нашом асесорскомъ, з того позву слушне припалом, стороны обедве, поводовая—урожоный Петр Козминский, вице-инстикгатор нашъ, очевисто, а позваная—урожоный Констанътый Вишневецкий, староста черкаский, тежъ самъ очевисто у суду нашого становилися и в той справе межи собою конътровертовали, где позваный неналежностъ акторатъ с тое причины, же першый привилей на староство черкаское зо всими належностями от насъ собе маетъ даный, нижли помененый урожоный Обалковский на администрацию тыхъ салетръ, которого, станъте привилею, вже отрымывати немоглъ, бо тые салетры до староства тежъ з нынъшними пожитками, належатъ, задавал. Суд нашъ асесорский, не чинечи жадное децизыи, поневажъ шло межи сторонами о привилеи, которые розъсудкови и уваженъю нашому належатъ, взял тую справу до узнанъя нашого на реляции нашие; а кгды дня двадцать третего месяца июня тая справа на реляцияхъ нашихъ властныхъ припала и перед нами реферована была, стороны обедве, поводовая—тотъ же вицеинстикгаторъ нашъ, а позваная през умоцованыхъ своихъ шляхетныхъ Мартина Свежинъского и Войтеха Станишевского конътроверсые свои тые жъ, што и в суде асесорскомъ вносыли и повтаряли; наперед позваного умоцованые, перестерегаючи индемнитатемъ справы своее поведили, иж инъстикгаторъ нашъ и

деляторъ належными поводами не сутъ, першая, ижъ в позве добръ и кгрунътовъ дедичъныхъ потомков урожоного Михайла Вишневецкого и инъшихъ шляхецкихъ, о которые литисъпенъденъция в судѣ земскомъ и трибуналскомъ з тыма ж потомками зашъла, не мало ест спецификованый, которые перед нами диспозиције дедичъные шляхецъкие показовали; другая, иж то власъне старостин, а не администраторски пожитокъ, бо вшеляких причиняти пожитков право старостам позволило, абы тежъ авъкция кваръты подълугъ люсътрации до скарбу речи посполитое могъла быти; наконецъ, иж първъшый привилей позваного ниж администратора нашого, што конфирмовал конституциею року тисеча шестсот тринадцатого, которая забороняет привилею на привилей упрашати; зъ тых прычын просили от неналежных поводовъ волности. А помененый вице-инстикгаторъ нашъ выводил на перед велю правных доводов, же салетры и провентъ зъ них в добрах нашых и на кгрунътах нашых никому иншому толко намъ и скарбови нашому, яко и иншые пожытки столу нашого сол крушъце etc. належать, которых позваный урожоный Константый Вишъневецъкий въ привилею, на староство черкаское собе от нас данымъ, хотяй тот привилей първъшый естъ, нижели администратора нашого, не иметъ выражоныхъ, ани ему сут от нас конферованые; зачимъ, поневаж мимо слушъност въшелякую, не маючы данины нашое, то собе привлащает, слушъне и належне ест отъ инстикгатора и деляторовъ запозваный, просечы, абысмо ему процедере наказали. Мы с паны радами нашыми, на тот часъ при боку нашомъ седячыми, конътроверсие сторон обох выслухавшы и добре вырозумевшы, належных поводов узънали есмо декретомъ нашымъ и стороне позваной далей поступовати наказали есмо. А справу, иж на той сесии скончана быти не могъла, на иншый час отъложыли есмо; дня теды второго месяца липъца, стороны обедве станувъшы въ далшомъ поступъку тое справы умоцованые позваные неналежност самое справы задавали зъ тых прычын, ижъ привилей, на староство Черкасъкое позваному отъ насъ зо всими пожытками и реками Пслем и Ворслемъ, о которые

тераз справа идет, ничого на нас незоставуючы, даный естъ, которое енералитати привилей особный, на салетры администраторови нашому даный, дерокговат не может; венцъ же и антецессор позваного, прошлый староста черкаский ясневелможный Янушъ княжа·Острозское, кашътелян Краковский, был въ ужываню тых пожытковъ салетраных которых также усус позваному теразнейшому с привилею его належит и ест оного въ поссесией през лет две; што показавши, продуковали конституциею року тисеча пятсот деветдесятого де рационибус столу нашого, доводечы оною, иж тые провента до скарбу нашого не належат; потом показали привилей на староство переяславское, зъ екцепъциею салетръ велможному Янушови з Острога Жаславскому, воеводе волынскому, од нас даны, и слушне там до скарбу нашого належати тые селитри поведили; але же в старостве черкаскомъ тое ексцепъции в привилею позваного не выражоно, теды слушне позваному, яко старосте, належати мают; што зас тычет Сулы реки, теды показовали позваного умоцованые дедичные диспозиције и литиспенденцие потомкомъ Княж Михаила Вишневецкого Проскуровъ, Бабузы, Чеховича и инших, за которые, яко и за всю Украину, водлугъ позву, поневаж толко самое староство Черкаское держитъ, одповедати позваный не повиненъ. Прото такое право позваного и посессию на староство вывевши, а до помененых дицствъ неналежным его быти показавши, од неналежное справы просили волности. А пречоный урожоный вице-инстикгатор нашъ выводил справу быти належную с тых причинъ, же салитри, которыес в добрах наших найдут, водлугъ правъ вшеляких и самое слушности, некому иншому толко намъ и до столу нашого, яко и иншие крушце и пожитки, правом обварованые, належат, которых позваны ани правом дедичным ани привилеем на староство черкаское, собе од нас даным, привласчати не может, бо вси иншие пожитки и доходы до того староства належачие, сут в том привилею позваного выроженые, и заживаетъ их спокойне водлугъ данины нашое, але салетрь и провентовъ з них, в привилею своем од нас выражоных, не мает и жадным правом затягнути того на себе не может якож и

в инших староствах Украины там тое не старостове, але администратор нашъ за разом, по смерти остатнего посессора там тых староствъ ясневелможного каштеляна Краковского, пожитки тые до скарбу нашого выберает и тыми салетрами заведует, што и сама сторона признавает, а предце упорне оных в том самом старостве Черкаскомъ боронит, и в робенъю их администраторови ест перешкодою, лесовъ и перевозовъ не допусъчаючи; што се зас тычет дедицства инъших особъ, которым се позваная сторона считит, теды то позваному не належит боронити кого; нехай онъ уступит и не боронит браня салитри; о кривду свою кождому целое право зостанет; с тых теды и зъ инъших причинъ просилъ, абысмо, належную справу узнавши, позваному одповедати наказали. Мы с тыми паны радами нашими, контроверсие сторон обох выслухавши и добре вырозумявши, поневаж инстикгатор з деляцие скарбовое и администратора нашого чинит о салитры, которые, водлугъ правъ вшеляких и самое слушности, сут до пожитку нашого королевскаго належачие, а позваныи, не маючи жадного права, оные собе неслушне по смерти ясневелможного княжа Януша Острозского, каштеляна Краковского, привласчилъ, теды належную акцию узнавши, позваному одповедати наказали есмо и тым декретом нашим наказуемо. А в одповеданю брали позваного умоцованые на инъквизицию, же не кгвалтомъ, але за правомъ и привилеем нашимъ тых салетръ позваный уживает через поданую интромиссию, так яко и антецессоръ его уживалъ; а сторона поводовая, помененый вице-инстикгаторъ нашъ, тое инквизиции боронилъ с тое причины, же то справа не ест о выбите, але о неслушное забранъе пожитку нашого, просечи, абы позваному скутечне одповедат наказано было. Мы с тыми ж паны радами, бачечи то, же справа теперешняя ест о безправное посягненъе пожитковъ, скарбови нашому належачихъ, до чого позваная сторона се признавает, же оные на себе привласчила, теды, инквизицию непотребную быт узнавши, позваному скутечне одповедати наказали есмо и тым декретомъ нашимъ. наказуемо. А в скутечном одповеданъю умоцованые позваного брали поз-

ваному на присягу, же не кгвалтом, але за привилеемъ нашим до посессие тых салетръ пришол и над привилей и уживане антецессора своего ничого собе болше не привласчал; за которою присегою и одверненя провентовъ, через час деръжаня своего взятых, просил, абы волным зоставал; а пречечоный вице-инстикгаторъ нашъ, именемъ администратора и скарбу нашого, тую присегу непотребную быти выводилъ. Кгды ж тоею присягою свой выступок, же неналежне тот пожиток нашъ собе присласчил, борзе хочет обяснити, а нижелис на позов справует, просечи при том, абысмо по декрете скутечного одповеданя то, о што ест позваный, скарбови нашому присудили, и так де окупацио тых салетръ, яко абы лесов и перевозовъ до того потребных, не заборонял, и теж приверненъе провентовъ, презъ час держанъя своего взятых, и нагорожене шкод на позваном наказали. Мы с паны радами нашими, при боку нашом седячими, контроверсие сторон обох прослухавши и тую справу достаточне уваживши, поневаж салитры на кгрунтах добръ наших, водлугъ прав вшеляких и водлугъ права коронъного, которое тым подобные пожитки (яко крущце вшелякие и иншие речи) до пожитку столу нашого обваровало, никому иншому толко нам и скарбови нашому власне належат, а позваный теперешный ани взглядом привилею своего, на староство Черкаское од нас даного, кгдыж в нем салитри не сут выражоные, ани для жадных инъших претенсый, пожитку того собе привласчати не моглъ; теды тую присегу, до которое позваная сторона берет, непотребную быт узнавши, наказали есмо и тым декретом нашимъ наказуемо, абы позваный урожоный Константый Вишневецкий, староста черкаский, тые салетри, на всих местцах, полях и кгрунтах вышей выражоных будучые, и вшелякие з них пожитки доходы и што колвек одно до их справованя и робленя ест потребного и належачого, од даты того декрету нашого за недел десет, при коморнику нашомъ урожономъ Счасномъ Пачановском, которого тым же декретом нашимъ для ввезаня и одобъранъя придаемо, скарбови нашому, яко власный нашъ пожиток кралевский, привернулъ и до заведованя, ряженя и справованя помененому урожоному Барт-

ломееви Обалковскому, администраторови од нас на то поданому, скутечне и истотне отдал и з них уступил, в робеню и браню салетръ жадною перешкодою не был; перевозов на реках помененых, также лесов добръ нашихъ, без которых тые салитри робленые быть не могут, фактором и салетръником нашимъ не заборонял и овшем допустилъ, в тые салетры и доходы з них болшей ни чим се не вступовал, и овшем доходы и пожитки вси от дня нинешнего и даты того декрету нашого скарбови нашому належати мают, которые без жадного од позваного самого и яких колвекъ субординованых особъ перешкоды и вступу до рук помененого администратора нашого, оддаваные быти мают, што все позваный учинити мает и повинен будет под таксою ста тисечей золотых полских, в позве стороны поводовое заложоиою, которую в недосыт учиненю такъ во всем, яко и в якой колвекъ части, тому декретови нашому заразом тепер на позваном и добрах его вшеляких лежачих и рухомых стороне поводовой росказуемо и на екзекуцию до уряду кгродского киевского и вряду кгродского кремянецкого, яко добрамъ позваного власным належачих, также и до инших урядов, под которых бы юрисдициею добра позваного знайдовалис, одсылаемо. А кгды бы позваный в чом колвекъ тому декретови нашому се спротивилъ и досыт такъ во всем, яко и в части, не учинил, и екзекуцией на добрах своих за таксу вышей всказаную чинити урядови которому колвекъ не допустил, теды сторонам обема, так поводовой, яко и позваной, терминъ в суде нашомъ задворномъ, за отосланъем урядовым, в шест недел по одосланъю, до далшого поступку в той справе заховуемо, без припозву; а што се тычет пожитковъ и доходовъ, которые позваный през тот часъ посессии своее с тых салетръ взялъ, о тых на тот час жадное децизие не чинечи, на инший час одложили есмо. До которого декрету нашого на болшую веру печат коронную приложит росказали есмо. Писан в Варшаве, дня второго месяца июля, року панского тисеча шестсот двадцетъ второго, панованя кролевствъ наших полского тридцет пятого а шведского двадцет девятого року.

Andreas Lipski, eps Luceoriens, Regni cancellarius.—Справа того жъ—Chrophus Bakowiecki.

(Литов. метр., книга записей корон. № 19, л. 255 об.—259).

XXII.

Постановленіе сеймового суда о разсмотрѣніи, вслѣдствіе пріостановки дѣла со стороны истцовъ, тяжбы кн. Іереміи и его опекуна Константина Вишневецкихъ съ кн. Александромъ и Юріемъ Заславскими и друг. относительно духовнаго завѣщанія кн Юрія Вишневецкаго, на слѣдующемъ (за сеймомъ 1629 г.) сеймѣ *(Арештъ межи кнжатем Вишневецкимъ а кнжати Жаславскими и Тишкевичами).* 25 января 1629 года.

Жикгимонт третий, Бжою мл-ю корол польский etc...,—ознаймуемо симъ листомъ ншимъ, кому о том ведати належить, ижъ кгды приточиласе перед насъ и суд нашъ сеймовый справа межи урожонымъ кнжтемъ Еремияшомъ Корыбутомъ-Вишневецкимъ, потомъкомъ и сукъцесором добръ по зошломъ велможномъ кнжатемъ Еримъ Корибуте-Вишневецкимъ, каштеляне киевскомъ, позосталымъ, и велможнымъ кнжатемъ Константимъ Корыбутомъ-Вишневецкимъ, старостою черкаскимъ, яко стрыемъ и опекуномъ, поводами, а велебнымъ в Бозе ксендзомъ Еримъ Тишкевичомъ, суфракганомъ виленскимъ, велможными кнжты Александромъ, воеводою на он час браславскимъ, а теперешнимъ киевскимъ, и Еримъ з Острога Жаславскими и пнею Галшкою Тишкевичовною Завишиною, каштелянкою витебскою, и Костанцыею Тишкевичовною, воеводянкою брестскою, велможнымъ Остафианомъ Тишкевичомъ, воеводою брестскимъ, и иншими, до тестаменту зошлого кнжти, пна киевского, належачими, позваными, за декретомъ суду головного трибуналу любелского, на консерватахъ, по отсуженъю воеводства волынского, в року тисеча шест сотъ двадцат осмомъ суженых и ремисою от суду того трибуналского на суд нашъ сеймовый в справе нижей менованой межи сторонами поменеными, яко компетиторами, до тестаменту зошлого кнжти каштеляна киевского належачими, отосланой, а то в справе през поводов позванымъ всимъ комъпетиторомъ тестаменъту

перед суд трибуналский до положеня орыиналу того тестаменту, албо ординацыи, зошлого княжти пна киевского и учиненя експерименту и розсудку скутечного з обецности его и роспартю правному о важности его, тудежъ до скасованъя того тестаменту и отсуженя добръ и сумъ пнжных, тымъ мниманым тестаментомъ неправне позванымъ записаныхъ, и до уступеня того всего в посесию и право прирожоное поводомъ интентованой; в которой справе суд головный трибуналу любелского на термине с припозву по помененых комъпетиторовъ выданого декретом своимъ, што се ткнуло пунктовъ певныхъ в тестаменъте зошлого княжати Ерого Вишневецкого, каштеляна киевского, которыми певные лекгата кляшторомъ, костеломъ, шпиталюмъ и розным особомъ зараз де презенти, не реферуючи се на смерть княжны Галшки, вечне лекговал, тые вси, яко слушне моцы тестаментовой подлегаючие, о тые, которые южъ декретами трибуналскими децидованые апробовал; а што се дотычет лекгат диспозыцыи, которые се мели по зойстю зъ света помененое княжны Галшки Вишневецкое, цорки его, отверати, тые маютъ ли се за тестамент, чили за ординацыю розумети, суд трибуналский на узнане важности тых диспозыцыи, смертю княжны Галшки отвераючих се, справу тую на сеймъ валный до суду нщого отослал и рокъ сторонамъ обомъ до далшого в той справе поступку перед судомъ нщимъ заховал, яко на томъ декрете трибуналскомъ ширей ест описано. На року теды нинешнемъ, з ремисы того декрету трибуналского, слушне в той справе припаломъ от позваных, умоцованый их шляхетный Михал Везловский, очевисто постановивши се перед нами, сторону поводовую княжат Вишневецких в отбытю речи, в томъ декрете описаное, зъ апробованъемъ тестаменту, о который речь ест, и с присуженем лекгат позванымъ, з допущеня нщого судового, з волнымъ тое справы арештомъ, до звыклое години дня двадцат пятого генвара вздал; которое вздане и всю тую справу того жъ дня, кгды справъ до арешту през возного приволано, от стороны поводовое, умоцованый ее шляхетный Павелъ Кулеша арештовал; которая справа ку суженю нашому с того арешту на том

сейме не припала и в лимитацыи спрвъ сеймовых до пришлого сейму зостала; што все для памети до актъ канцелярыи ншое вписати и под печатю коронною выдати росказалисмо. Писан у Варшаве, на сейме валном, дня двадцат пятого мца генвара, року тисеча шестсотъ двадцат девятого, пановання королевствъ нших полского—сорокъ второго, а шведского—тридцат шостого року.

Справа ясне велебного его млти ксендза Якуба Жадзика, бискупа Хелминского и Помезанского, найвышъшого канцлера коронного.

(Лит. метр., кн. записей корон. № 20, лл. 91—92).

XXIII.

Постановленіе сеймового суда о назначеніи коммиссаровъ для обмѣра и разграниченія находящихся въ спорѣ между княземъ Іереміею Вишневецкимъ и сыномъ Русскаго воеводы Станиславомъ Даниловичемъ земель по р. Сулѣ (*Декретъ межи п. воеводичом Руским а кнежати Еремиашомъ Вишъневецъким о кгрунты заднепрские*). 9 марта 1635 года.

Владиславъ четвертый, з ласки Божое корол полский, etc...., — ознаймуемо etc., иж приточилас перед нас и суд наш сеймовый справа з реестру судового межы урожоным Станиславомъ Даниловичемъ, воеводичомъ рускимъ, некгды велможное Зоѳии Даниловичовое, воеводиное руское, сыном, поводомъ, а урожонымъ Еремияшом Корибутовичем—Вишневецъкимъ зо всих добръ его, позваным, о забране, посягнене и привласчене собе над данину Байбузиную на реце Суле кгрунтовъ, за Днепром лежачих, привилеем року тисеча пят сот деветдесят семого на сойме Варшавскомъ некгды урожоному Станиславови Жолкевъскому, дедови его, конъѳерованых, а теперешънему поводови, по смерти деда и помененое матки его, правомъ вечным належачих, яко о том процес справы тое и припозов теперешный ширей сведчитъ. На термине теды нинешънемъ слушне за тым мандатом припозвовым, на сеймъ теперешный по позваного выданым, припа-

даючим, кгды сторона поводовая през шляхетного Влацлава Говоша, а позваная през шляхетного Валентого Буского, умоцованых своих, абы тые добра поводови теперешнему, през позваного обсягненые, присужоные и шъкоды в том же позве менованые, на десет тисечей копъ грошей литовъских шацованые, нагорожоные былы, просил. Позваный засже над данину Байбузиную ничого болшъ не тримает, одповедаючи росперались и шероце в той справе перед судом нашим контровертовали. Мы с паны радами нашими, на сеймъ теперешный згромажоными и при боку нашом будучими, контроверъсыи сторонъ с обудву выслухавши, поневаж коммиссыя прошлих сеймовъ декретами светое памети короля его милости пана отца нашого сеймовыми в той справе была наказана и дотол конца свого не възяла; теды, заховавшы стороны обедве, водле першихъ декретовъ, при правах, привилеях и урочисках, в них менованыхъ, повагою сейму теперешнего тым же сторонам обемъ знову комиссаров наших назначаемо, то ест, велебного в Бозе ксендза Александра Соколовского, номината Киевъского, такъже велъможных, урожоныхъ и велебного Адама—Александра Санъгушъка, воеводу Волынского, Максимилияна зъ Преремба Преремъбского, каштеляна Сирадзъского, Монцицъкого, Литинъского etc. старосту, Кгабриеля Стемъпъковъского, брацлавского, Миколая Косаковского, Черниговского старосту, Виского кашътелянов, Ѳилона Вороница, Киевского, Адама Киселя, черниговского подкоморих, Теодора Елъца, хоружого, Ѳедора Воронича, подчашого, Киевскихъ, Войцеха Милачевъского, Плоцкого и Луцкого каноника и секретаря нашого, и Андрея Загоровского, дворанина нашого, назначаемо. Котории то помененыи комиссаре наши, упатривши час до одправеня тоее ж комиссыи яко на способнейши и сторону позваную впрод листомъ инънотестенции своее, водлугъ права, объвестивъши, на кгрунъты помененые зъежати, оным ся припатрити и положенъе местцъ и урочискъ тых яко довъго и шероко наданъе стороны позваное, то ест урожоного Еремиаша Вишневецъкого, ростегатис мает, уважыти, кгрунтъ тот объехати и оцерковати зъ кгрунтом

стороны поводовое, водлугъ надания ей служачимъ розграничити и каждой стороне властной и держене показати и означити (не потягаючи однак тыхъ кгрунтовъ на одписанъе и урочисча в привилееях менованые) повинъни будут; которая комиссия если быс одного дня скончити не могла, теды и инших, по собе идучих од зачатя свого, аж ся скончит, одправоватис может. В чом небытност одного, двох и трох з тыхъ же комиссаровъ наших (быле тыи, которыи водлугъ права до тое справы належат, были) перешкожати не будет. А еслибы тым декретом комиссарскимъ сторона которая колвек не контентовалас, справу тую зо всим тое комиссыи актомъ, до розсудку и скутечного през нас узнаня тые же комиссаре наши одошлют; которым сторонам обема на близко да Панъ Богъ пришлым сейме валном, кгды тая справа од коммиссаровъ нашихъ до насъ одослана будетъ, з реестру сеймового до суженя припадетъ, рокъ завитый назначаемо и заховуемо, волное однак справ всих попарте позваному, од поводовое стороны до суду земского Киевского инътентованых, зоставуючи моцъю нинешнего декрету нашого, на што для лепщое веры печат нащу коронную притиснути росказали есмо. Данъ въ Варщаве, на сейме валномъ коронномъ, дня девятого месяца марца, року Панского тисеча шестсот тридцат пятого, панованя королествъ нащих полского третего а шведского четвертого року.

За справою велебного в Бозе его милости ксендза Якуба Жадзика.

Jacobus Zadzik, episcopus Culmen. et Pomesaniae, nominat Cracou. R. P. Cancellarius. Joannes Bederman.

(Лит. метр., книга записей корон. № 24, лл. 79 об.—81).

XXIV.

Рѣшеніе сеймоваго суда по дѣлу о духовномъ завѣщаніи умершаго кн. Юрія Вишневецкаго, каштеляна Кіевскаго *(Декрет межи кнеж. Еремиашом Вишневецким, а ксендзомъ бискупомъ Жмудзъкимъ).* 13 марта 1635 г.

Владиславъ четвертый, з ласки Божое король полский etc...., — ознаймуемо etc.. иж приточилас перед нас и судъ нашъ сеймовый справа зъ реестру судового, за одосланемъ одъ суду головного трибуналу Любелского до тогож суду нашого, межы урожоным Еремияшомъ Корыбутом-Вышневецким, сукцессоромъ власным урожоное некгды кнежны Галшки Вишъневецкое, велможного некгды кнежати Ерог(о) Вышневецкого, каштеляна Киевского, цорки и добр всих по нем позосталыхъ дедичъки, стороною поводовою, а велебным в Богу кзенъдъзом Ерим Тишкевичом, на онъ час суфракганом Виленъским, а тепер бискуном Жмудзъким, одным зъ лекгатариушовъ тестаменту тогож речоного велможного некгды кнежати Вишневецкого, каштеляна Киевского, позванем, а то в справе о роспарте ся правъное о тестаментъ въ способъ ординацыи през помененого велможного некгды кнежати Ерог Вишневецкого, каштеляна Киевского, противъ праву учиненый, и о неважност его, тудеж о скассоване оного и одсуженъе добръ и суммъ пинезных, тым мнеманымъ тестатентем неправне помененым лекгатариушом, въ ординацыи спецыѳикованым, записаных, и о уступенъе през них того всего в поссесию и право поводовое прироженое под таксою пятидесят тисечей копъ грошей литовскихъ, такъ възъглядом теперешнего позваного, яко инъшихъ лекгатариушовъ каждого зъособна заложоную, повторе южъ перед судом головным трыбуналу Любельского точачоес; где на термине правным, зъ конътроверсыи в той справе сторонъ обудву суд головный трыбуналу Любелского што стороны пунктовъ певныхъ, в тестаменте тым же выраженых, которым певные лекгата кляштором, костеломъ, шпиталомъ и розным особом де презента, не реѳеруючие на смертъ урожоное некгды кнежны Галшки

цорки своее, лекговали оные за слушные и тестаментови подлегаючие быти, также и тые, которые перъшимъ декретомъ тогож трибуналу децидованые сут; апробовал и за важные быти узнал; а што ся дотычет лекгатъ и диспозицыи которыес мели по зостю зъ свята помененое кнежны Галъшки Вишневецкое, цорки его, отверати, тые еслиби за тестамент чили ординацию розумены быти мелы, тот же суд головъного трыбуналу Любелского на узнане до суду нашого сеймового одослал. На термине теды нинешнемъ, слушне за тым одосланем зъ головного трыбуналу Любелского припадаючим, кгды стороны обедве перед нас и суд нашъ сеймовый персоналитер становилис и шероце межы собою през умоцованых своих контровертовали, Мы с паны радами сенаторами нащеми, на сейм валный коронный згромажоными, на тот час при боку нащимъ будучими, зъ обудву сторонъ, очевисте стоячихъ, контроверсыи выслухавшы и уважывши, поневаж велможный некгды кнежа Ерий Вишневецкий дизпозицию добр лежачих и сумъ пенежных не зараз по смерти своей, але аж по смерти кнежны Галъшки, цорки своее, которая его пережыла и добра вси по нем позосталые правом прирожоное сукцессии, по которой акторъ теперешний леитиме сукцедует, объняла противъ праву посполитому, инъ енервационем леитиме сукцессионис чинит, июж подавъши за смертю своею добр всихъ онымъ правомъ прирожонымъ дедицътво, еслибы умерла въ нихъ дедичовъ и лекгатариос назначает, венцъ теж право статуту середнее (которым ся воеводства Волынское, Киевское и Браславское судят) литовского любо волный шаѳунокъ добр набытыхъ позволяет, такъ однакъ абы заразъ по смерти своей каждый лековал и на смертъ особы иншое не реферовался, Тую диспозицию пана Киевского (не тестаментомъ, але ординацию, правом посполитым забороненую, быти узнаваемо, лекгатумъ тое, о которое велебный ксендзъ бискупъ Жмудзъкий чинит, яко по смерти кнежны Галъшки Вышневецкое отвераючуюс, кассуемо и в нивеч оборочаемо часы вечными, иже жадное ваги мети не мает, и до плаченя его актор теперешный неповиненъ, деклареумо

моцю теперешнего декрету нашого, до которого для лепшое веры и печат коронная ест притиснена. Данъ въ Варшаве, на сеймѣ валным короннымъ, дня тринадцатого месяца марца року панского тисеча шестсот тридцат пятого, панованя нашого полского третего, а шведского четвертого року.

За преложенемъ велебного в бозе его милости ксендза Якуба Жадзика, бискупа Хелминского, Помезанского, номината Краковского, навышъщого канцълера коронного.

Jacobus Zadzik, eps Culmens. et Pomesan. Nominat Cracov. R. P. cancellar.—Joannes Bederman.

(Лит. метр., кн. зап. кор., № 24. л. 83—84).

XXV.

Заочный приговоръ сеймового суда по жалобѣ короннаго стражника Самуила Лаща-Тучапскаго объ ограбленіи его мм. Домонтова, Песчанаго и Золотоноши, убійствѣ однихъ его слугъ и причиненіи тяжкихъ ранъ другимъ при вооруженномъ наѣздѣ п. Александромъ Олекшичемъ-Героновскимъ и многими другими его соучастниками, въ числѣ которыхъ былъ и кн. Іеремія Вишневецкій; въ силу этого приговора за обвиняемыми признана вина неявки въ судъ (*Контумация на Олекшицах, княжати Еремияшу Вишневецким и инъших велю отъ пана стражника коронъного*). 9 ноября 1639 года.

Владыславъ четвертый, з ласки Божое корол полский etc....,—ознаймуемо etc., etc., иж перед суд нашъ сеймовый приточилася справа з реестру судового, за приволанемъ возного енерала земъского шляхетного Марцияна Рытелского, межи инъстикгатором нашим короннымъ и его деляторомъ урожонымъ Самуелемъ Ласчомъ-Тучапъским, стражником коронным, Овруцкимъ, Каневскимъ старостою нашимъ, поводомъ, а Алексанъдром Олекшичомъ Кгерановским, Полониею Домонтовою, малжонкою зошлого некгды урожоного Грегора князя Домонта позосталою, Богуфалом Олекшичомъ Кгерановским, Анъдреемъ Халаимомъ, яко прынъцыпалами, урожонымъ княжатем Еремияшом Корибутовичом-Вышневецким, шляхетными Кследою, Войною, Кгошковъскимъ, Турским,

Домарацкимъ ротмистромъ нашимъ, Сендзицкимъ, Вышневскимъ, Белским, Пирским, Павловскимъ, комъпринцыпалами учинъку нижей менованого, позваными, за позвомъ албо мандатом нашим, од поводовое стороны по позваных на сеймъ теперешный выданымъ о то, иж позваные, сполную раду и намову межи собою учинивши а час способный до выпелненя учинъку нижей менованого под одездъ на трыбунал поводовъ (упатривши?), не огледаючись на повагу права посполитого и звирхности нашое, покой посполитый кгвалтечи, способомъ неприятелским людей до тисячи чоловика зобравши, зъ знаками военными и ротмистрами над хоронгвями роспорядивши, дня чотырнадцатого мца сентября в року прошлом, тисеча шестъсот тридцат пятомъ, з стрелбою огнистою, кгвалтовне на добра наше и державы преречоного актора местечка Домонтовъ, Песчаное и Злотоношъ наехали и оные добра и села, до нихъ належачие, опановали; также слугъ поводовых позабияли, постреляли, потопили, а особливе урожоных Яна Ястрембского през оба уха, Петра Домашевского в тыл головы аж до мозку, Романа Окрынъского в тваръ с правого боку, Марцина Кремиского в левую руку, Петра Совинъского през шию пострелили; речи при том же наезде побрали; урожоных Адама Кгенского тыранъско забили, в дол вкинули, псом, свинюм на покармъ тело его оддали; Каспра Матушинского, Криштофа Домбровского забивши и тела их в пустки заволокши попалили; Яна Ясинского поймавши в везеню приватном тримали; также гайдуковъ, янъчаровъ поводовых, одных на смертъ позабияли, других постреляли и поранили; оруже все и кони позабирали и вси спряты домовые в способъ лупу побрали; преречоные добра спустошили; белые головы покгвалтили, яко о том протестация и мандатъ щирей в собе опевают. Зачимъ таковымъ непристойнымъ поступкомъ въ вины суровые, в праве посполитом описаные, попали и заслужили, до которых вскazаня менованая сторона поводовая, позваных всих запозвавши, оных всих, за потрикротным по три дни возного вышъменованого приволыванемъ, до права не одзываючися, през умоцованого своего шля-

хетного Адама Калуского за першимъ позвомъ въ вине контумации на термине нинешнемъ вздала; которое вздане для памети до книгъ канъцелярии нашое естъ записано. Деялось въ Варшаве, на сейме, дня девятого мца ноября, року панского тисеча шестъсотъ тридцатъ девятого, пановання, яко и вышей, Справа того ж etc. Jan Bederman.

(Лит. метр., кн. зап. кор. 30-я, лл. 108—110).

XXVI.

Отсрочка дѣла въ сеймовомъ судѣ по жалобѣ монаховъ Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря на кн. Іеремію Вишневецкаго о насильственномъ захватѣ послѣднимъ принадлежащаго монастырю урочища Климятичъ и основаніи на немъ города Жолнина *(Арештъ межи отцами Микулъскими а кнеж. Вишневецъкимъ Еремияшомъ").* 10 ноября 1639 г.

„Владыславъ четвертый, з ласки Божое король полский etc. ознаймуемо etc. иж передъ нас и судъ нашъ сеймовый приточилася справа была з реестру судового, за приволанем возного енерала земъского и двору нашого шляхетного Станислава Сошинъского, межи велебнымъ отцемъ Изаияшомъ Трохимовичомъ, игуменомъ, и всею капитулою монастыра святого Миколы Пустинского Киевъского, а урожонымъ Еремияшомъ Корыбутомъ-Вишневецъкимъ, позваным, за позвомъ албо манъдатомъ нашимъ ду (sic) готового декрету суду головного трыбуналу Любелъского ремиссионис по прополъзлых терминах, если бы якие в той справе розмяные были, одъ поводовое стороны по позваного на сеймъ теперешный выданымъ, в справе о взяте кгвалтовное добръ монастира Микулъского Пустинского Климатичъ, въ воеводъстве Киевъскомъ надъ рекою Сулою лежачих, и о посажене кгвалтовное места Жолнина на преречонымъ кгрунте Климатицъкимъ власнымъ монастыра Микулъского Пустинъского, до суду головного трибуналу коронъного въ року тисеча шестъсот двадцат четвертом мца августа девятого дня интенътованое. В которой справе судъ головный трыбуналский коронный любелский, по розных очевистых конътроверсиях, тую справу, зо всеми ее поступками, до суду на-

шого сеймового одослалъ, яко о томъ помененый декретъ суду головного трыбуналу Любелъского, в той справе ферованый, ширей в собе опевает; а иж тая справа до тых часъ есть интермиттована и трансъляпсована, для того преречоные поводове, хотечи тую справу до ефекту привести, до готовое ремиссыи и декрету трыбуналу Любелъского и всего поступку, в той справе будучого, позваных поводове тым позвомъ позвали и припозвали, о чомъ помененый припозовъ теперешный ширей в собе опеваетъ. На термине теды нинешънемъ, с помененого припозву слушне в той справе припаломъ, постановившися очевисто, оденъ зъ акторовъ отецъ Симеон Каменецкий, именемъ всих акторовъ, позваного иж се, за потрикротнымъ по три дни возного вышъ менованого приволыванем до права не становилъ и ведомости жадное о нестаню своем намъ судови и стороне поводовой не далъ, взыскъ апробацыи привилеиювъ и правъ, на добра, о которые речъ естъ, служачих, с присуженемъ тых же добръ стороне поводовой з наказанемъ реинтромиссиеи в шестъ неделъ подъ такъсою в позве вложоною, с присуженемъ тое таксы в недосыт учиненю декретови поводовое стороне, с приданемъ возного и одосланем оного на интромиссию, з допусченя нашого судового, з волным однакъ тое справы арештомъ, до звыклое годины вздалъ былъ; лечъ тое вздане, кгды о годипе звыклой, до арешту межи иншими справами и тую справу приволано. Теды од позваного очевисто одезвавшись шляхетный *) Домъбровский, умоцованый его, арештовалъ; который арештъ, иж тая справа теперешнего сейму до суженя не припала, для памети до книгъ канъцелярии нашое естъ записаный. Деялось въ Варшаве, на сейме, дня десятого мца ноября, року панъского тисеча шестъсот тридъцат девятого, панованя нашого яко и выжей. Реляция того ж. Petrus Gembicky Epus Praemisliensis, Regni Poloniae Cancellarius. Jan Bederman“.

(Литовс. метр., Кн. зап. кор. № 30, лл. 113—114).

---

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

XXVII.

Рѣшеніе суда сеймоваго (объ отсрочкѣ) по дѣлу о захватѣ кн. Іеремiей Вишневецкимъ у стражника короннаго Самуила Лаща-Тучапскаго мѣстечекъ Домонтова, Песчанаго и Золотоноши *(Декретъ межы урож. стражникомъ коронным а кнежатем Вишнецъким Олекшычами и иншыми позваными аддиции зъ сусъпенъсою).* 30 сентября 1641 года.

Владыславъ четвертый, з ласки Божое.....,—ознаймуемо тымъ листомъ нашым, ижъ прыточиласе перед насъ и судъ нашъ сеймовый валный коронный справа з реестру судового за прыволанемъ возного енерала земскаго и двору нашего шляхетного Станислава Сошынъского межы инстикгаторомъ нашомъ и его деляторами урожонымъ Самуелемъ Ласчемъ-Тучапским, стражникомъ коронным, Овруцкимъ, Каневскимъ старостою нашымъ, поводомъ, а шляхетнымъ Александромъ Олекшычомъ Кгерановскимъ, Богуѳаломъ Олекшычомъ, Марушою Олекшычовъною, первъшого малъженства Анъдреевою Халаимовою, а тепер второго Тобияшовою Халаимовою, з притомностю малжонка ее, прынъципалами; также урожонымъ кнежатемъ Еремияшомъ Вишневецъкимъ и шляхетными Колендою, Войною, Клешковским, Турскимъ, Домарацким, ротмистромъ пешымъ Сондзицким, Вишневскимъ, Билишкою, Пирскимъ, Павловскимъ, компрынципалами, за позвомъ албо мандатомъ нашымъ вторым, по отрыманой впрод контумации од поводовое стороны, по позваных на сеймъ теперешный выданым о то, ижъ позваные, сполную раду и намову межы собою учинившы, а час способный до выполненя учынъку нижей описаного подъ одяздъ на трыбуналъ Любелъский повода упатрывшы, где тежъ и позваные одни, то естъ Александер Олекшычъ и зошлый Анъдрей Халаимъ были (лечъ сына и швакгра своего на выконане за взятого замыслу южъ на то дома пры зошлой кнегини Домонтовой зоставили), не оглядаючысе на зверхностъ нашу, на повагу права посполитого, на целостъ добръ речы посполитое, и овщем то все зневажывъшы, покой посполитый зкгвалтивъшы, за которымъ ачъ, завше але особливе на трыбунал одежчаючымъ такъ в

особахъ своихъ, яко в добрахъ и державахъ, тудже слудзы, подданые и челяд ихъ вшелякая позостала в безпеченстве, зоставати мают, способомъ неприятелскимъ, люде помененого урожоного кнежати Вишневецкого, умыслне на то назычоные, под тисечю або болъшей чоловека, на роты розделившы ротмистры и поручники нижей описаные подавъшы, оныхъ под хоругве изъ знаками военъными шыкомъ постановивъшы, где тежъ шляхетный Богуѳалъ Олекшычъ певъными купы реиментовалъ, дня чотырнадцатого месяца сенътебра, в року тисеча шестъсотъ трыдцатъ осмом, с пятници на суботу, важылисе и смели през тые ж люде моцно, кгвалтомъ, зъ гаковницами и шмикговницами, оркганъками и иншою стрылбою огнистою на добра нашые и речи посполитое державы поводовое, то естъ на Домонтъ, Песчаную и Золотоношую и иншые до них належачие одну по другихъ людми около обточывшы, потомъ окрыкъ учынившы, стрелбу зовсюдъ огнистую выпустившы, способомъ неприятелскимъ на нее ударыти и през моцъ, арматно в нее впадшы были и высекъшы оное опановали, на которыхъ люде свои розложывшы доперо тых, што челяди и слугъ поводовыхъ недобитковъ, зоставало, секли, били, стреляли, топили, а меновите слугъ поводовыхъ шляхтичовъ добрыхъ Яна Ястремского през оба уха пострелено, Петра Домашинского в тылъ головы аж до мозъку пострелено, в месте Песчаной; Романа Сокчинъского в твар с правого боку, почавшы од варкгъ ажъ до уха пострелено, Марцина Кревъского в левую руку, почавши од запястя аж до локтя вдолжъ, в месте Домонтове; Петра Сочынского през шыю на вылет пострелено в месте Золотоношы; которыхъ пострелявшы, речы, кони и охендозтво все позабирали; гайдуковъ, янъчаровъ поводовыхъ пострeляли, поранили и окрутне а немилостиве окалечыли, а менивите, Марцина Смеховича янъчарына в раме правое пострелено, Васка Клименка янъчарына в тваръ с правое стороны пострелено и зубовъ четыры выстрелено, Иоахима Гузоровича янъчарына в ногу правую пострелено нижей колена; в месте Песчаной янъчаровъ дванадцети, менoвите Ивана Юскевича, Ивана Голеню, Деска Воренъка, Грыцъка Стопаченъка,

Ивана Локосенъка, Кирыла Грывача, Шымона Зоропца, Кузму Семашченя, Кирика Голода, Стеѳана Кума, Яска Зуба, Крыштоѳа Коновича; в месте Домонтове: Яска Мелесченю, янъчарына, в губу з левое стороны пострелено и зубовъ два сподънихъ выстрелено, Себестиянови Трохименъкови руку правую, почавши од раменя всего и палцы столкли, кости в немъ покгрухотали, Дахнови Косченкови также в руку правую во двухъ местцах костъ пробито, Ивана Дуденя вверхъ головы през чупрыну пострелено; тамъ же забито гайдуковъ и янъчаровъ десятъ, а меновите Петра Стражку гайдука, Крыштоѳа Сокола гайдука, Андреяша Вроновскаго гайдука, Данила Цетревя янъчарына, Томаша Коваленка янъчарына, Куша Полапенка янъчарына, Михала Дзичка янъчарына и Стояна Жокгера гайдука и брата его Янъчого; а в месте Золотоношы янчаровъ и гайдуковъ пострелено и поранено чотырохъ, а меновите, Тимоша Перебеского янчарына в лобъ с правое стороны два разы раз подле раза шкодливе затято, Гарасима Торопя в локотъ самое руки левое, зачымъ каликою на руку зосталъ, Кузму Крывошыйку въ ягоду лѣвую и въ ухо левое пострелено, тамъ же забито гайдуковъ янчаровъ десети, а меновите: Процика Стеѳаненъка янчарына, Смока Клокача, Петра Коробку, Ивана Кгошловского, Петра Куклю, Тереха Зимченка, Кирыка Карменка, Петра Сулгу, Тымоша гайдука, Крыштоѳа Носовского, а тела позабияныхъ такъ в томъ месте Злотоношы и иншыхъ вышъ менованыхъ одны потопили, а другие, до пустокъ зъвлекъшы, спалили коня спряты и все, што одно колвек такъ поводового, яко слугъ, янчаровъ, гайдуковъ было, которые вси речы сутъ в протестации ексъпрессе выражоные, в способъ лупу на килка десятъ тисечей забрали; добра нашые а державу поводовую спустошыли, белы головы кгвалтили, добра пречоные, поводови служачые, кгвалтовне в посессию свою завзяли, яко о томъ всемъ протестацие, возного реляция шырей в собе опеваютъ; про то, до всказаня винъ правныхъ, за тотъ учынокъ попалых, вышъ менованые особы запозваные сутъ. На термине теды теперешнемъ, с помененого позву мандату на-

[illegible] и
[illegible] Богуславъ
[illegible] именемъ
[illegible] при-
[illegible] проста-
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] сторонникъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] права [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Казимира Бемен-
[illegible] справы
[illegible] въ тойже справе

вшелякие диляции правные, заховавшы прытомъ сторонамъ обема терминъ на прышлом да Панъ Богъ, сейме валномъ коронномъ, а то безъ вшелякого прыпозву, завитый, а з другими позваными, выжей меноваными, тую жъ справу, яко сполную, до прыпадненя справы тое жъ суспендуемо и завешаемо; што все для памети до актъ канцелярыи нашое естъ записано. Деялосе в Варшаве, на сейме валномъ коронномъ, дня трыдцатого месяца сентебра, року панского тисеча шестъсотъ чотырдесятъ первого, панованя нашого полского девятого, а шведского десятого року. За преложенем, яко и выжей. Petrus Gembicky, episcopus Praemisliensis, Regni Poloniae cancellarius.—Jan Bederman.

(Литов. метр., кн. записей корон. № 30, л. 263 об.—266).

XXVIII.

Постановленіе сеймоваго суда о признаніи за кн. Іереміею Вишневецкимъ вины неявки къ разбору жалобы на него Городельскаго старосты Криштофа Харленскаго о захватѣ городища Грайворона съ прилежащими къ нему слободами *(Контумацыя на кнежати Вишъневецкимъ от урожоного старосты Городелъского)*. 28 февраля 1643 года.

Владислав четвертый, з ласки Божое корол полский....,—ознаймуемо, etc., ижъ перед судъ нашъ теперешний сеймовый приточилас справа з реестру судового, за приволанем возного енерала земского и двору нашего шляхетного Марцияна Рытелского, межи инстикгаторомъ нашимъ короннымъ и его деляторомъ урожонымъ Крыштоѳом Харлезким, старостою Городелскимъ, покоевымъ дворянином нашим, поводомъ, а урожонымъ Іеремияшомъ - Михалом Корыбутомъ - Вишневецкимъ, позваным, за позвом, албо мандатомъ, нашим першимъ, от поводовое стороны по позваного на сеймъ теперешний в справе нижей менованой выданым, о то, ижъ позваный претекстомъ права якогос, которого поводъ позваному за правдивое не признавает и овшем жадного права важного не маючи, важилъ се данины певные поводови от светое памети короля его милости, пана отца нашого, беникгне

конѳерованые и привилеемъ специальнымъ потвержоные и през их милость пановъ комисаровъ до реалное посессии поданые, то естъ, городисче Грайворонъ и слободы, до Грайворона належачие, меновите: Дмитровку, Липово, Почепковъ, кгвалтовне посегнути; которых данинъ презъ летъ килканадцат поводъ спокойне уживалъ, якожъ де факто обнялъ, посегнул и оселъ и до того часу тые добра виолентер трымает и поседаетъ, о чомъ тот мандатъ ширей в собе мает. Поневаж теды судови нашому кокгницио привилегиорумъ инкумбитъ до показаня права, ежели якое мети собе претендует, до уступеня добръ помененых, собе конѳерованых, до заплаченя и нагороженя шкодъ, з неуживаня тых добръ поднятыхъ, которых собе шацует на тридцат тисечей золотыхъ полских, кгрунту в то не инъкиюдуючи, и до наказаня того всего презъ декретъ нашъ, повод позваного запозвавши, ижъ се, за потрикротнымъ през три дни возного вышеменованого приволыванъемъ, до права не становил и ведомости жадное о нестаню своем судови и стороне не далъ, през умоцованого свого Станислава Крыжана, очевисто у суду стоячого, в вине першое контумацыи, водле поступку правного, вздалъ; которое вcomponents вданъе для памети до книгъ канцелярии нашое естъ записано. Деяло се в Варшаве, дня двадцатъ осмого месяца лютого, року тисеча шестъсотъ чотыръдесятъ третего, панованя кролевъствъ нашихъ полского десятого а шведского одинадъцатого року.

За преложенъемъ ясневелможного его милости пана Єрого с Тенчина Осолинского, навышшого канцлера коронного, Быдкгоского, Рыдского, Дзелского, Любачовского, Любомъского, etc. старосты.

(Литов. метр., кн. записей корон. № 24, лл. 183 об.—184 об.).

XXIX.

Постановленіе сеймоваго суда объ отсрочкѣ до слѣдующаго сейма разбора дѣла между братіей Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря и кн. Іереміей Вишневецкимъ о захватѣ послѣднимъ монастырскаго имѣнія Климятичъ по р. Сулѣ, заселеніи его и основаніи тамъ г. Жолнина. (*Реекта межи чернъцами Миколъскими Киевъ, а кнеже: Еремияшом Вишневецъким*). 26 марта 1643 года.

Владислав четвертый, з ласки Божое корол полский..,— ознаймуемо etc... ижъ передъ нас и суд нашъ сеймовый приточилас была справа з реестру судового, за приволанъем возного енерала земского шляхетного Марцияна Рытелского, межи велебнымъ отцемъ Изаиашомъ Троѳимовичом, игуменом и всею капитулою монастыра светого Миколы Пустынскаго Киевскаго, поводами, а урожоным Еремиашом Корыбутом-Вишневецким позванымъ, за позвомъ албо мандатомъ нашимъ до готового декрету суду головного трибуналу Любелского ремиссионис по прополалых терминах, еслибы якие в той справе розумены были, от поводовое стороны по позваного на сеймъ прошлый в року тисеча шестсотъ тридцат девятомъ выданым в справе о взяте кгвалтовное добръ монастыра Микулского Пустынского Климатич, в воеводстве Киевскомъ надъ рекою Сулою лежачих, и о посаженъе кгвалтовное мѣста Жолнина на пречечономъ кгрунте Климатицкимъ власным монастера Миколъского Пустынъского, до суду головного трибуналу коронного в року тисеча шестсот двадцатъ четвертомъ месяца Августа девятого дня инътентованой; в которой справе суд головный трибуналъский коронный Любелский, по розныхъ очевистых контроверсияхъ, тую справу зо всими ее поступками до суду нашого сеймового отослал, яко о том помененый декретъ суду головного трибуналу Любелского, в той справе ѳерованый, ширей в собе опевает; а ижъ тая справа до тыхъ час была интеръмиттована и трансляпсѳвана, для того пречечоные поводове, хотечи тую справу до ефекту привести, позваного до готовое ремиссы декрету трибуналского Любелского и всего поступку, в той

справе будучого, позвали и припозвали были, о чем помененый припозов ширей в собе мает; с которого кгды терминъ на сейме менованом року тисеча шистсот тридцат девятого десятого новембра пред нами и паны радами сенаторами нашими припал, теды, постановившис очевисто, оденъ з акторов отец Симеон Каменецкий, именемъ всихъ акторовъ, позваного ижъ се за по трикротнымъ през три дни возного вышменованого до права приволыванъемъ не становил и жадное ведомости судови и стороне не дал яко несталого и права непослушного, в зыску апробации привилеевъ и правъ, на добра, о которые справа точила служачих с присуженъемъ тых же добръ поводовой стороне, з наказанъем реинтромиссии в шест недел под таксою, в позве вложоною, и присуженъемъ тое таксы в недосытъ учиненю декретови поводовое стороны, с приданъем возного и отосланъем оного на интромиссию, з допусченя нашого судового, з волнымъ однакъ тое справы арештом, до звыклое годины вздал был; леч тое вздане, кгды о године звыклой арештовой до арешту межи иншим приволывано, теды от позваного шляхетный Домбровский, умоцованый его, арештовал, которая сейму прошлого иж до осуженя не припала, теды на року нинешнемъ с поменого мандату ремиссы трибуналское, по прополэлых терминыхъ выданого, и з арешту, на термине прошломъ занесеного, слушне в той справе припалымъ Мы с паны радами и сенаторами нашими, на сеймъ теперешний згромажоными, при боку нашомъ будучими, не припусчаючи сторонъ обохъ до росправы правное, а то для короткости часу припадаючое лимитации судов сеймовых и для поважных справ речи посполитое, тую справу до пришлого даст Бог шестинеделного сейму, зо всим тое справы ефектомъ, такъ яко на тот час припадати мела, отложилисмы, якож и на тот час откладаемо и термин сторонам обомъ на том же, даст Богъ, пришлом шестинеделным сейме без припозву заховуемо, завитый нинешнее реекты нашое моцю, до которое для лепшое веры печат коронную притиснути росказалисмо. Дан в Варшаве дня двадцат шостого месяца марца, року панского тисеча

шестсот четырдесят третего, панованя нашого полского и шведского одинадцатого року.

За преложенем его милости пана канцлера.

(Литов. метр., кн. записей корон. № 24, л. 238 об.—239 об.)

XXX.

Постановленіе сеймоваго суда о признаніи за кн. Іереміею Вишневецкимъ вины неявки его въ судъ къ разбору жалобы на него надворнаго маршалка Адама Казановскаго о захватѣ г. Роменъ со всей его волностью при вооруженномъ наѣздѣ на этотъ городъ (*Контумация отъ вел. его млти пана маршалка надворного коронного на княжати его млти Еримъ* (sic) *Вишневецкимъ о Румно).* 1645 года.

Владиславъ четвертый, з ласки Божое король Польский etc...,—ознаймуемо тымъ листомъ нашим въсим вобецъ и кождому зоособна, кому то ведати належитъ, ижъ запозваный былъ позвомъ мандатомъ нащымъ сеймовымъ передъ насъ и паны рады наши на сеймъ валный, в року теперешнимъ отъправуючийся, урожоный Еремия Корыбутъ-Вишневецъкий, яко принципалъ, на инстанъцию инстикгатора нашого коронного и его делятора велможного Адама с Казанова Казановского, маршалка надворного, борысовского, солецъкого, козиницкого, билского старосты, о то, ижъ онъ, не обавляючись ничого на остростъ права посполитого, которое станъ шляхецкий поровнанъемъ одинаковымъ в волностяхъ и свободахъ цале затрымываетъ, тудежъ ничого не дбаючи на вины и караня, противко всимъ, добра наши королевъские кгвалтовне и безправне заеждажаючимъ и през моцъ и кгвалтъ поседаючимъ и покой посполитый взрушаючимъ, правом описаные, а ни респектуючи на зверхность нащу королевскую, часу недавно прошлого, то естъ дня чотырнадъцатого мая в року прошломъ, тисеча шестъсотъ чотырдесятъ четверътом, важил се шляхетъныхъ Миколая Длотовъского, Алексанъдра Замойского, Лукаша Хмелецъкого, Станислава Борковского, Станислава Понъчинъского, Яна Закревъского, Андрея Силича, Станислава Понятовского, Яна Стрывязъкого, Яна Яницкого, Яна Быдлинского, Федора Ся-

ноженского, Яна Жвана, Яна Конаревского. Яна Свяцького, Яна Волъського, Себестияна Маховъского, Вилима Сендзицького, Войцеха Войну, Кондрата Кгречина, комъпринципаловъ и помоцниковъ, и иншихъ на то добре способленыхъ людей, которыхъ онъ имена и прозвиска лепеи ведаетъ, яко на неприятеля коронъного, арматъне и збройне, в личбе великои людей, розно узброеныхъ, з дракганами и хорогвями и бубнами (што и самой Москве, яко в пограничу тамошнимъ не безъ подивеня и подойзреня зостало, откол се трвожитъ, а затымъ и до розорваня пактъ поприсежоныхъ заледвей имъ оказией не дало), до преречоныхъ добръ вашихъ кролевскихъ Румна, на замки, места и волости, до него належачие, в державе и в уживаню спокойномъ, водлугъ привилею нашого, звышменованого велможного маршалка будучихъ, кгвалтовне наслатъ и презъ тыхъ людей на то зосланыхъ урожоного Крыштофа Сяноженъского, хоружого черниговского, подстаростего тамошнего руменского, кгвалтомъ з нихъ выгнавши, послушенъсътво подъданыхъ всее волости руменъское на себе обняти и тую жъ державу Руменъ, зо всею волостю, яко добра наши королевскые з спокойного держаня делятора теперешняго презъ моцъ и силу однятъ, з нее кгвалтовне оного выгнати и выбити и собе тые добра зо всими фолварками, гумнами и збожами, оборами, будами, и их шафарами, товарами лесными южъ выроблеными, с пинезми готовыми, с чинъшовъ и провенътовъ, также и за тые лесные товары выбраными, и зо всимъ домовымъ спрятомъ, который се в той державе руменъской в фолваркахъ и селахъ, до нее належачыхъ, знайдовалъ, позваный собе кгвалтовне привласъчити и моцъю тое все посести. Которую то державу руменъскую зо всимъ яко з нее тот же деляторъ без вшелякое причины отъ помененыхъ людей презъ позваного зосланыхъ кгвалътовне выгнаный естъ и дотолъ безправне позваный трымаетъ и въ уживанъю своем яко свое власное маетъ з великимъ тыхъ добръ спустошенъемъ и з неошацованою шкодою звыш менованого делятора и скарбу коронного, яко о томъ ширей протестация учиненая в собе опе-

вает, которыхъ шкодъ на сто пятдесятъ тысечей золотых польских поводове менуютъ. Зоставивши теды делятор с тым же позванымъ за дворомъ нашимъ особную о выбитъе и отнятъе добръ менованых акцию, тепер толко до вказаня и ростягненя на позваномъ вин правныхъ за нарушенъе покою посполитого вышменованымъ мандатомъ нашимъ на сеймъ теперешний запозвалъ, о чомъ тотъ же мандатъ нашъ ширей в себе сведчитъ. На року теды нинешнем, с помененого мандату в той справе припаломъ, шляхетный Вавринецъ Рычевский пленипотентъ стороны поводовое у суду нинешнего очевисто ставовши, позваного, ижъ се за приволанъем возного енерала земъского шляхетъного Маръцияна Рышелъского до права не становилъ, а ни се отзывал, за чим оного, яко не сталого и права посполитого не послушного з допусченя суду теперешнего сеймового в вине першое контумации водле описаня права посполитого вздалъ, которое взданъе до книг канцелярии нашое для памети естъ записано. Дан в Варшаве на сейме валномъ шестънеделномъ короннымъ в понеделок на завтрее по недели мясопустный року панъского тисеча шестъ сот чотырдесят пятого, панованя кролевствъ нашихъ полского и шведского трынадцатого року.

За преложенъем ясневелможного его мл. пна Ерого с Тенчина Осолинского, найвышого канъцлера коронного, быдкгоского, любомского, любачовского, рыдзкого, адзелского etc. старосты, Jan Bederman.

Примѣчаніе. За настоящимъ постановленіемъ сеймоваго суда долженъ былъ бы слѣдовать рядъ другихъ такихъ же и подъ той же датой постановленій относительно каждаго лица, участвовавшаго въ наѣздѣ и неявившагося къ суду; королевская же „канцелярия русская“ для сохраненія времени и мѣста поступила такъ: она кратко, опустивъ, напр., подробность о недоумѣніи, вызванномъ за Московской границей этимъ вооруженнымъ наѣздомъ, изложила „контумацию от того ж маршалка надворного коронного на пану Пончинскимъ“ и затѣмъ пояснила: „такихъ контумаций слово въ слово на особахъ розныхъ от того ж ста нуло кг, меновите: на Александре Замойском, Яне Закревском, Яне Волском, Себестияне Маховском, Ярошу Шварчовском, Станиславе Борковском, Яне Молском, Кондрату Гречине, Андрею Силичу, Яне Яницком. Федоре Сяноженском, Яне Кглюзицком, Александре Кгарлинскомъ, Яне Выдлинском, Вилиме Сендзицком, Яне Стрывязком, Войцеху Войне, Яне Конаревском, Яну Жване. Марцине Вишневскомъ, Станиславе Понятовском, Миколаю Длотовском и Лукашу Хмелецкомъ“.

(Лит. метр., книга записей корон. № 24, лл. 290—291).

XXXI.

Рѣшеніе сеймоваго суда, въ силу котораго князь Іеремія Вишневецкій, со всѣми своими сообщниками, обвиняемый коронным надворнымъ маршалкомъ Адамомъ Калиновскимъ въ вооруженномъ наѣздѣ и захватѣ г. Румна, съ прилежащей къ нему волностью, признанъ невиновнымъ, за доказательствомъ права собственности на этотъ городъ и волость, которые ему должны быть возвращены и на будущее время обмежеваны назначенными для того коммиссарами; обвинителю же судъ предписываетъ незаконно присвоенный себѣ городъ и волость возвратить князю Вишневецкому (*Декрет меж вел. маршалком коронъным надворнымъ а кнеж. Вишневецкимъ*). 23 марта 1645 г.

Владиславъ четвертый etc...,—ознаймуемо тым листом нашим всим вобецъ и каждому etc., ижъ перед нас и судъ нашъ сеймовый валный коронный шестънеделный варшавъский приточилас была справа з реестру судового, за приволанъемъ возного енерала земъского и двору нашого шляхетного Маръцияна Рытелского межи урож. инстикгаторомъ нашимъ коронnымъ и его деляторомъ велможнымъ Адамомъ с Казанова Казановскимъ, маршалъкомъ надворънымъ коронънымъ, Борысовскимъ, Солецъкимъ, Козиницкимъ, Билскимъ старостою, поводомъ, а урожоным кнжатем Еремияшомъ Корыбутомъ-Вишневецъкимъ, яко принъципаломъ, позванымъ, за позвомъ мандатомъ нашимъ вторымъ, по отрыманю на позваномъ в суде сейму теперешнего вины першое контумации выданымъ, о то, ижъ позваный, не обавлячись ничого на острость права посполитого, которое станъ шляхецъкий поровнанъемъ однако всихъ в волностяхъ и свободах цале затрымываетъ, тудежъ ничого не дбаючи на вины и караня противко всимъ, добра наши королевъсъкие кгвалътовне и безъправне заезджаючимъ и презъ моцъ и кгвалътъ поседаючимъ и покой посполитый взрушаючимъ, правомъ описаные, а ни респектуючи на зверъхъность нашу кролевскую, часу недавно прошлого, то естъ, дня чотырнадъцатого мая в року прошлом, тисеча шестъсотъ чотырдесятъ четверътомъ важилъ се шляхетъных Миколая Длотовского, Ярошa Шваръчевъского, Яна Молъского, Яна Кглюзицкого, Алекъ-

сандра Кгарлинского, Марцина Вишневъского, Алекъсандра Замойского, Лукаша Хмелецъкого, Станислава Борковского, Станислава Понъчинъского, Яна Закревъского, Андрея Силича, Станислава Понятовъского, Яна Стрывязкого, Яна Яницъкого, Яна Быдлинъского, Федора Сяноженского, Яна Жвана, Яна Конаревъского, Яна Волъсъкого, Себестияна Маховъского, Вилима Сенъдзицъкого, Войцеха Война, Кондрата Кгречина, комъпринципалов и ихъ помочниковъ, и инъших на то добре способленыхъ людей, которыхъ онъ имена и прозвисъка лепей ведаетъ, яко на неприятеля коронъного, арматне и збройно в личбе великой людей, розъно узброеныхъ, в даракганами, с хорогвями и бубнами (што и самой Москве, яко в пограничъю тамошнимъ не безъ подивеня ихъ и подейзреня зоставало, сконтъ се трвожити а за тымъ и до розорваня поприсежоныхъ пактъ заледвей имъ оказии не дало:) до преречоныхъ добръ нашихъ кролевъскихъ Румна, на замъки, места и волости до него належачие, въ державе и уживаню спокойном, водлуг привилею нашого, звышъменованого велможного маршалъка будучихъ, и кгвалтовне наслатъ и презъ тыхъ людей, на то зосланыхъ, урожоного Крыштофа Сяноженъского, хоружого черниговъского, подстаростего тамошнего Руменъского, кгвалтомъ з нихъ выгнавши, послушенство подданых всее волости Руменъское на себе обняти и тую жъ державу Руменъ зо всею волостю, яко добра наши королевские, з спокойного держеня делятора теперешънего през моцъ и силу отъняти, з нее кгвалтовне оного выгнат и выбитъ, и собе тые добра зо всими фолваръками, гумнами и збожами, оборами, будами и их шафарами, товарами лесными южъ выроблеными, с пинезъми готовыми, с чинъшовъ и провенътовъ, также и за тые лесные товары выбраными, и зо всимъ домовымъ спрятомъ, который ся в той державе Руменъской и фолваркахъ и селахъ, до нее належачих, знайдовалъ, позваный собе кгвалтовне привласчити и моцю тое все посести; которую то державу Руменскую зо всим, яко з нее деляторъ безъ вшелякое причины от помененыхъ людей, през позваного зосланыхъ, кгвалтовне выгна-

ный есть и дотолъ безправне позваный трымаеть и в уживаню своемъ, яко свое власное, маеть, з великимъ тыхъ добръ спустошенъемъ и з неошацованою шкодою звышменованого делятора и скарбу коронного, яко о томъ ширей есть протестация учиненая; которых шкодъ на сто пятдесятъ тисечей золотыхъ полских поводове собе менують; зоставивши теды делятор с тым же позванымъ за дворомъ нашимъ особную о выбите и отнятъе добръ менованыхъ акъцию, тепер толко до всказаня и ростягненя на позваномъ винъ правнихъ за взрушенъе покою посполитого вышъ менованымъ мандатомъ иашимъ вторымъ на сейму теперешним запозвалъ былъ; с которого то позву мандату нашого второго, кгды теръминъ в суде нашимъ дня пятнадцатого мца и року нижей менованомъ припалъ, теды постановивъшис очевисто у суду инстигаторъ самъ позваного, ижъ се за приволанъемъ возного вышменованого до права не становилъ и не отзывалъ, яко несталого и права непослушного, з допусченя суду нинешънего, в зыску винъ правъныхъ, то есть инфамии, которая ся заразъ вскazуетъ, с приданъемъ возного на публикацию и на екгзекуцию до суду належного отосланъемъ, з отданъем одтолъ за неделъ шестъ скарбови Речи Посполитое добръ, в позве менованых, и наказанъемъ шкодъ, а то подъ виною инфамии, которая ся, в недосытъ учиненъю тому декретови, на позваном вскazуетъ и на публикацию в судах маршалъковскихъ коронныхъ стороне поводовой терминъ завитый захoвуетъся, з волным однак тое справы арештом до звыклое годины, вздалъ былъ; лечъ кгды о године арештовой межи инъшими и тая справа до арешту приволана была, тыды от позваного шляхетъный Станислав Ронжевский справу тую и вздание се арештовалъ; с которого потомъ арешту, кгды тая жъ справа в суде сейму теперешнего припала, теды мы с паны радами сенаторами нашими, при боку нашим будучими, на тот час оную до пришлое сесии отложилисмы были, о чомъ тотъ мандатъ, арештъ и реекта ширей в собе мают. На року теды нинешнемъ с помененого мандату, арешту и реекты, слушне в той справе

припалымъ, стороны обедве, поводовая и позваная, сами очевисто у суду нинешнего становились и в той справе, правную межи собою росправу маючи, контроверътовали; которых контроверсий мы с паны радами сенаторами нашими, при боку нашимъ на сеймъ теперешний згромажоными, выслухавши и оные уваживши, поневажъ справа тая, водле описаня права посполитого, судови сеймовому до розсудку належитъ, для того форумъ той справе узнаваемо и позваному поступовать наказуемо; и в поступованю суспенъса кокгниционе кавзе факти о лепшости права обоей стороне експериментъ межи собою чинити наказуемо. Въ експерименте контроверсии обое стороны обширне такъ през урож. инстикгатора нашого и делятора, яко и през позваного привилея также и опозиции правъ и диспозиции обоей стороны, взглядомъ тыхъ добръ пер утрамкве партем широце внесеные, добре розумевши, поневаж а парте цитата доведено естъ, ижъ пустыня река Сула целая, почавши от початку, яко ся тая река починаетъ от Снятина лесу, рубежа давного московского, также река Удай, Солоница, уходъ Лужокъ в той циркумъференъции, яко естъ в привилею выражоно, ажъ до устя тое реки Сулы в Днипръ, в року тисеча пятъсот семъдесятъ осмомъ зошломy Михайлови Байбузе-Грибуновичови естъ конферованая; которое потомъ право свое помененый Байбуза в року тисеча пятсотъ деветдесятомъ на особу урожоного княжати Алекъсандра Вишневецъкого влилъ и оные правне резикгновалъ, а потомъ в том же року тисеча пятсот деветдесятом, за позволенъем вшех становъ коронных и великого князства Литовского, не толко тот привилий ориналъный, Байбузе конферованый, и продажа, през Байбузу урожоному кнеж. Алекъсандрови Вишневецкому учиненая на тую реку Сулу, апробованая естъ, але теж денова привилей, кнеж. Александрови Вишневецкому конферованый, тою жъ конституциею естъ утвержоный; которым привилеем позваный теперешний доводит, ижъ, при Суле штобы колвек кгрунтов, от Москвы рекуперованых, найдоватся мело, Реч Посполитая ничого собе претенсии не зоставила и тотум

юсъ суум кнеж. Александрови Вишневецъкому в способ права неотзовного уступила; с которых прав ясно то ликветъ, ижъ Руменъ, о который реч ест, зъ его прилеглостями, засел на власном кгрунте дедичном позваного, и достаточне доведено ест диспозициями и документами земскими, же не през донатариушовъ наших, але през урожон. княжат Вишневецких тот Руменъ на кгрунте земском княжат Вишневецких дедичным, а не на ншимъ кролевъским ест осажоный. С тых теды таковых диспозиций, широце перед нами индукованых, найдуемо, иж привилий, на Сулу целую реку конферованый. правом посполитымъ укгрунтованый, инъ дубиум вокованый быт не може, и при ним позваного ин перпетуум, ничого еа ин парте на Реч Посполитую не ексципуючи, заховуемо; а иж тот Руменъ ин лятифундиис, которые с тых привилеев позваному належат, засел, для того ж и тот Румен позваному юре гередитарио присужаемо; инсупер привилей велможного маршалка ншого, яко нуллитер противко першим привилеем ет контра конституционем анни тисеча шестсот трынадцатого, суб минореннитате позваного, упрошеный, тудеж вси процессии правные, през инстикгатора ншого и велможного маршалка за двором нашим о тые добра отрыманые, кассуемо и, же тые добра обстантибусъ юрибусъ ет привилеиис позваное стороны ординации добръ, от Москвы рекуперованых, подлегат не могли, найдуемо, а яко до виндикованя тых добръ инстигаторови ншому дорогу ин перпетуумъ загорожаемо, так актора вел. маршалка нашого респекту реституционис кворумвис провентуум с тых добръ, през весъ часъ посесии перцепъторум, поневаж оные, за привилеемъ нашим, презумендо бона ессе рекгалия, перципиебатъ, аб омни ет квавис импетиционе волным чинимо, стосуючис однак до конституции року тисеча пятсот деветдесятого, которою комисаре до ограниченя реки Сулы и иншых з их прилеглостями мели быт назначоные. Теды комиссаровъ наших велебного Александра Соколовского бискупа киевского, велможныхъ Януша з Логойска Тишкевича киевского, житомирского, Марцина на Гусятине Калиновского

черниговского воеводъ, Александра Пясечинского киевского, Михала з Станиславиго Станиславского каменецкого, Андрея з Домбровицы Фирлея белского, Адама з Брусилова Киселя черниговского, носовского каштелянов и старостовъ; урожоных Петра з Журова Даниловича крайчого коронного, кременецького, парцевского старосту, Ерого Немирича киевского, Миколая Броневского черниговского, Яна Пясечинского новокгродского подкоморихъ; Теодора Елца киевского, Миколая Киселя новокгродского хоружих; Адама Коморовского белского, Максимилияна Очесалского браславского, Станислава Пончинского черниговского судевъ; Яна Барановского, столника браславского; Лукаша Мясковского, подстолого подолского; Казимира Косаковского, браславского подсудка; Станислава Ревуского браславского, *) Борейского черниговского подстолихъ; Марцина Кронковскаго, чешника браславского, Ерого Понятовского—придаемо и назначаемо, которие комисари, водлугъ опису привилеевъ позваного, добра вси оного зъехавшись прод**) анни презентис тисеча шестсот четырдесятъ пятого, униус, алтериусве вел иллорум абсенция нон обстанте, так од добръ наших и обывателов воеводствъ киевского и черниговского, водлугъ поссесии теперешнее позваного, мают ограничити и тое ограничене до метрики коронное и актъ городских киевских подати. Што ся зас тичет вин правних, о которые инстикгаторъ нашъ, взглядомъ неправного заеханя, привата авторитате в тые добра на позваном виндикует, теды тые пены през позваного комеритас мы, крол, на инстанцию панов рад наших и послов земскихъ, з доброчинности нашое, патречи на заслуги позваного, каждое оказии Речи Посполитой, коштом и отвагою своею осведчоные, кондонуемо, а на тое месце, абы делятор вел. маршалок наш в речах и субстанции своей, в Румне позосталой, не шкодовал, наказуемо, абы помененый позваный добра тые румейские от акту нинешнего за недел шест в поссесию акторову пустил и ретелне интромиттовал; на которую интромиссию и

*) **) Пропуски въ подлинникѣ.

секретаров нших урожоных Людвика Кривковского и Яроша Дунина назначаемо, абы с тых добр вел. маршалок наш, без вшелякое позваного препедиции, румацию свою континуовал, а то под виною инфамии, которая се екс нункъ вскazует и на публикацию ее, в неучиненю досыт, до уряду маршалковского отсылается а то суб рикгоре коммициали; а по выйстю часу румации, которая ся водлугъ уподобаня ншого континуовати мает, тым же секретаром ншим добра руменские, зо всими приналежностями, в дедицтво отъ инстикгатора нашого, яко и делятора, обвиненых, от тое справы часы вечными волных чинимо моцю декрету нашого, до которого печат коронная ест притиснена.

Дан в Варшаве, дня двадцат третего мца марца року Панского, яко и вышей, Реляция тая ж etc.—Jerzy Ossolinsky, kanclerz wielky koronny, m. p.—Jan Bederman."

(Лит. метр., кн. зап. кор. № 24, лл. 349—353).

XXXII.

Соглашеніе отъ имени жены Русскаго воеводы Теофилы Собѣской и князя Іеремія Вишневецкаго объ отсрочкѣ разбора между ними тяжбы о захватѣ послѣднимъ урочищъ Горошина и Слѣпорода у Собѣской до будущаго ближайшаго сейма (*Росписъ межи княж. Вишневецкимъ а воеводиною русскою*). 24 марта 1645 г.

Владиславъ четвертый etc., ознаймуемо etc, ижъ, постановивъшысь очевисто перед актами канъцелярии нашое болшое руское коронъное, шляхетъный Вацлавъ Явошъ, именемъ велможное Теофили зъ Журова Собеское, воеводиное Руское, Красноставъское, Яворовъское старостиное, и велъможъного Якуба Собеского, воеводы руского, яко малъжонка ее, стороны поводовое, з одное, а шляхетъный Лукашъ Высоцъкий, именемъ урожоного кнежати Еремиаша Корыбута-Вишъневецъкого, позъваного, зъ другое стороны, пленипотенътове ихъ, за пленипотенъциями ихъ зуполными, обе од принъцыпаловъ своихъ до справы нижей менованое даными, ку записаню до книгъ нинешънихъ явне, устне и доброволне сознали тыми словы, ижъ што на сейме теперешънемъ валнымъ шестъне-

делнымъ варшавъскимъ припадал термин принъцыпалом ихъ зъ роспису, албо инстанъцыи, зъ сейму прошълого, въ року тисеча шестъсотъ чотырдесятъ третим одъправованого, учыненое и з року тымъ росписомъ захованого, а то в справе о забране и посягнене над данину Байбузину на реце Суле кгрунтовъ, за Днепромъ будучыхъ, и привласченя собе кгрунътовъ за данину нашу дедови поводовое стороны, а половицу оное, яко власному потомкови деда, матки и брата акторъки теперешънее належачыхъ, урочысчъ Горошына и Слепорода, на которых места и села положеные сутъ; въ которой справе мы на сейме валънымъ коронънымъ комиссаровъ нашыхъ певныхъ, в декрете менованых, которых на там тые кгрунты выежати и припатритъ се мели, яко долго и шыроко данина продка позваныхъ ростягатись маетъ, и тотъ кгрунтъ з данинoю, оному служачый, обехати и оцеръклевати зъ кгрунтомъ поводовъ, за данинoю нашою служачымъ, розъграничытъ и обомъ сторонам дерене показати и означыти мели, назначылисмы были, што комиссаре тые жъ, през насъ назначоные, намъ однести и мы затымъ однесенемъ ихъ кгрунты, кому што зъ нихъ належыт, при суде за дворомъ нашимъ албо на сейме мелисмы, о чомъ тотъ декрет нашъ шырей в собе опевает; до которого декрету и иншых зъ антецессорами своими, последей ферованыхъ, сторона поводовая, прихиляючысь позъваного, до того теръмину и пункту правного, на которым тая справа недоконъчона зостала, и до далшого в той справе поступку правъного, до присуженя собе тых кгрунтовъ на помененый сеймъ пришлый позъвала и припозвала, о чомъ в собе тотъ припозовъ и роспис шырей опевает; теды они обое сторона, не припусчаючы тое сnравы на тотъ час до розъсудъку правного и далшое децызии нашое на сейме теперешънимъ, оную до сейму близко прышълого шестънеделного коронъного, по теперешъним сейме въ Варшаве, албо где зложеный будетъ, найпервей припадаючого, розняли и росписали и термин принцыпаломъ своимъ на обедве стороны, оборонам правъным ничого недерекгуючы, завитый, кромъ припозву, зложыли и заховали, што все для памети и веры

до тых же книгъ канъцелярии нашое ест записано, и тотъ екстрактъ лимитацыи под печатю коронъною стороне потребуючой естъ выданый. Деялосе въ Варшаве, на сейме валъным шестънеделным коронънымъ дня двадцат четвертого мца марца року Панского тисеча шестсотъ чотыръдесятъ пятого. Пнованя королевствъ нашихъ полского тринадцатого, шведского четырнадцатого року. Реляция, яко и вышей.

Jerzy Ossolinsky, kanclerz Wielki koronny.—Jan Bederman.

Примѣчаніе. Такое же соглашеніе объ отсрочкѣ между этими же тяжущимися сторонами записано въ ноябрѣ 1639 года (кн. записей корон. № 25, лл. 51 и 52), 20 сентября 1641 года (та же книга, лл. 119 и 120) и 12 ноября 1646 года (кн. записей корон. № 24, лл. 465 и 466).

(Литов. метр., книга зап. кор. № 24, лл. 386—388).

XXXIII.

Рѣшеніе сеймового суда по дѣлу коронваго хорунжаго Александра Конецпольскаго съ Русскимъ воеводой, князенъ Іереміею Вишневецкимъ, въ силу котораго послѣдній обязывается возвратить первому самовольно присвоенныя имъ себѣ земли по рр. Хоролю и Ржицѣ, а назначенные сеймомъ коммиссары должны обмежевать эти земли и описать ихъ границу. *(Декретъ межи пном хоружим корон. а княжтем Вишневецким воеводою руским о Хорол).* 3 января 1646 г.

Владиславъ четвертый etc...,—ознаймуемо тым листомъ декретом нашим всим вобецъ и кождому зособна, кому то ведатъ належыт, ижъ передъ нас и судъ нашъ сеймовый, валный, шестнеделный коронный, Варъшавъский приточилась справа з реестру судового, за приволанем возъного енерала шляхетного Станислава Сошинъского, межи инстикгаторомъ коронным и его делятором урожонымъ Александром Конецъполъскимъ, хоружимъ коронным, старостою Переяславским и Корсунъским, поводами, а велможнымъ Еремияшемъ-Михаломъ Корыбутом княжатем Вишневецъким, воеводою рускимъ, позваным, за позвом, албо мандатом нашимъ, от повода по позваного, прихиляючись до конституций коронных и декрету нашого сеймового, въ справе нижей менованой ферованого, выданым, о то, ижъ позваный, противляючись тым же кон-

ституциям и праву посполитому, а на болшую уйму и знесенье добръ наших и провентов з них походячихъ, великую часть добръ и кгрунтовъ нашихъ власных и Речи Посполитое, намней на тридъцатъ милъ, надъ реками Хоролемъ и Ржицею и кгрунтами ихъ, в воеводстве Киевъском лежачих и до староства Переаславъского и администрации добръ нашихъ салетрныхъ здавна завше належачих, зо въсими ихъ приналежностями, мимо вшелякую слушность, безправне и кгвалтовне розными часы посягнулъ, забралъ и за власные дедичные собе привласчилъ; на которых кгрунтах и добрах нашихъ кролевъских, не маючи намней жадного права, место Хорол и инших местечокъ и селъ, слободъ и осадъ новых килкадесят выбудовалъ и осадилъ, выставилъ и добра Речи Посполитое безъправне и през моцъ посел, чинечи то все ку значной шкоде Речи Посполитое, ку мнейшему пожитковъ и провенътовъ скарбови коронному, с кварты належачих, што собе пречоный инстикгатор з деляторомъ противъко позваному (речи самое не кладучи) на сто тисечей червоных золотых шацуютъ; про то до прислуханя ся отсуженя през декретъ нашъ сеймовый добръ позваного вышменованыхъ, уступеня оных и в спокойное держанъе и уживанъе тому жъ деляторови старосте ншому Переяславскому до поданя запозваный ест; с которого то позву мандату нашого, кгды терминъ той справе дня двадцат шестого мца ноябра в суде сейму теперешнего припал, теды очевисто, у суду стоячи, тот же урожоный инстикгатор нашъ позваного презъ возного судового до права по три кротъ приволыватъ давал; который, ижъ се не становилъ и не отзывалъ, яко не сталого и праву не послушного, з допусченя суду сеймового, на упад взыску заплаченя ин инстанти таксы, в позве положоное, также уступеня добръ Речи Посполитой, о которые справа ся точитъ, и оных деляторови од акту нинешнего за неделъ шестъ пусченя, а то под виною вечное баниции, которая ся в недосыт учиненю на позваномъ всказуетъ, с приданемъ возного на публикацию и отосланемъ до судовъ належных на екзекуцию, з волнымъ однакъ тое справы арештомъ,

до звыклое годины вздалъ былъ: лечъ тую справу и взданъе ее от позваного шляхетный Войцехъ Милевъский арештовал; с которой потым арешъту, кеды тая жъ справа в суде сейму теперешънего дня першого декабра припала, теды за приволанемъ оное презъ того жъ возного тот же помененый шляхетный Войцехъ Милевъский дилляции на прокуратора просил; на которого афекътацию мы с паны радами сенаторами нашими, прихиляючись до права посполитого, оному дилляции тое позволилисмы, якож и урожоного Яна Заваду за оборонъцу тое справы придалисмы, о чом тот мандатъ, арештъ и аддиция ширей в собе маютъ. На термине теды нинешнимъ, с помененого мандату, арешту и аддиции в той справе припалым, стороны обедъве, поводовая сама очевисто, а позваный, велможный воевода руский, презъ пленинотента свого, актами кгродскими Кременецъкими записаного, урожоного Станислава Косцелъского и урожоного Яна Заваду, патрона от нас до справы тое приданого, пред нами и паны радами нашими становились и в той справе, росправу правъную межи собою маючи, контроверътовали; с которых контроверсий мы с паны радами сенаторами ншими, при боку нашим на сеймъ теперешний згромажоными, и с послами земъскими, до тое справы з избы поселское высажоными, выслухавъши, иж идетъ о добра Речи Посполитое, форумъ слушное в той справе узнавши, позваному поступоват в поступованю актора и акцию належную осудивъши позваному отъповедатъ, и на далшии сторонъ контроверсии, отнявъши суспенсу, до комиссии неправне афектовануюу, скутечне отъповедат наказуем. По скутечным зас оповеданю, мы с тыми ж паны радами нашими и послами земскими, контроверсий, выводовъ и документовъ сторонъ обох, передъ нами широце вношоных, выслухавъши и оные добре уважившъи, поневаж се то явне з доводовъ стороны поводовое и декретовъ светое памети крол: его мл: пана отца нашого межи инстикгатором короннымъ а администраторами тамошних добръ, поводами, а позъванымъ урожонымъ Костантымъ Вишневецъким, на он часъ старостою черкаскимъ, стрыем и опекуномъ

позваного, екъсъ серии с парциумъ контроверсиис ферованыхъ показуетъ, ижъ тые реки Хорол и Ржица, з ихъ приналежностями сутъ в кгрунтах власных Речи Посполитое, а ни в реку Сулу не въпадают, и же их администраторове салетрни и старостове переяславские презъ робенъе салетръ и осаженъе на них слободъ в уживаню были, в данине зас Байбузиной, конституциею потвержоной, жадное о тых реках взмянъки не маш, для того, отътявши инквизицию, презъ позваного афектованую, наказуемо, абы тот же позваный тыи реки Хорол и Ржицу, зо всими ихъ приналежностями, осадами, поддаными и прилеглостями обох сторонъ реки, яко власные добра Речи Посполитое, урожоному хоружому коронному, старосте нашому переяславскому, цале, безъ вшелякого добръ тых нарушеня и уймы, през писара скарбового, от велможного подскарбего коронного зосланого, при комисарах наших, моцю сейму теперешнего от нас на то депутованых, то ест велебного Станислава Петроконского, бискупа хелмского, опата бынецъкого, ясневелможного Миколая Потоцкого, каштеляна краковского, гетмана великого коронного, каменецкого, лятичовъского старосты; также велможных, велебныхъ и урожоных Владислава-Доминика кжати на Острогу, воеводу Сендомирского, луцъкого, Кгабриеля Стемпъковъского, браславского, Збикгнева Кгорайского, хелмъского, Яна Одрыволского, черниговского, виницъкого каштеляновъ и старостъ, Алекъсандра Неборовъского, архидиякона ловицъкого, каноника Кгнезненъского, Яхима Парневъского, дзекана сендомирского, секретара нашого, Ерого Немирича, Киевского, Стефана Четвертинъского, браславского, Яна Пясечинъского, новокгродъского подкоморих, албо их коморники граничъные; Ерого Любомирского, краковского, спиского, добчицкого, Константого Любомирского, сондецъкого, белоцеръковъского старостовъ, Іеронима на Брежанахъ Сенявского, Алекъсандра Селъского, подстолего познанъского, Даниеля Житкевича, инстикгатора коронного, Лукаша Мясковского, подсудъка подолского, Максимилияна Брозовъского, подъстолего киевского, и Павла Борецъкого, войского киевъского, которых килка небытъност

(быле ихъ пять, з однымъ принамней с которым колвек з вышей менованныхъ, подъ которимъ, албо которого колвекъ з них, коморникомъ граничным, быт могло) тому актови перешкожати не будетъ, року близко пришлого дня двадцатого мца лютого и иншихъ по собе наступуючихъ ажъ до зупольного кгрунтов и добръ помененыхъ отобраня и поводови отданя, безъ вшелякихъ отвлокъ, трудностий и препедиций, ретельне и цале Речи Посполитой уступилъ, а то под виною вечное баниции, а взглядомъ делятора подъ таксою в позве менованою; которую таксу инъ казу контравенционис ин тото вел инъ парте тому декретови на добрах позваного власных, той суме корреспондуючихъ, екс нунькъ всказуемъ и на ексзекуцию до суду належного отсылаемъ; терминъ зас публикации баниции на сейме пришломъ завитый безъ припозву заховуемо. По которомъ то пусченю и скутечъномъ отданю Речи Посполитой и деляторови теперешнему презъ позваного кгрунтовъ и добръ помененых; повинны будутъ тые ж комисаре наши вышменованые крунты и добра наши и Речи Посполитое над реками тыми жъ Хоролемъ и Ржицею, з обохъ сторонъ лежачие, от добръ помененого позваного над рекою Сулою, Удаемъ, Солоницою и уходом Лужъком, также болотами и речъками, в Сулу, Солоницу, Удай и Лужок впадаючими, подлугъ привилею его оному служачих, обехавъши и достатечне се припатривши кгрунтомъ и положеню мейсцъ тамтых, оное розграничити, копцами и инъшими знаками граничными означити, такъ якобы южъ жадная на потомъ межи тыми ж позваного добрами а нашими кролевскими, деляторови ад презенсъ присужоными, не зоставала диференъция, в чомъ всимъ веру и сумненъе тых же комисаровъ наших обовязуем; которое розграниченъе, еслибы се за еднымъ в тамтые крае комисаровъ наших помененых заездомъ для небезпеченства коронъного, алъбо головных причинъ якихъ, доити не могло, теды тым же комисаром нашимъ, моцъю сейму и декрету теперешнего, даемо владзу, абы и на потом, обвестивши стороны обедве иннотесценъциями своими, тыле разы зъежджали на тое розграниченъе, ажбы его ску-

течне отправили, копцами и иншими граничными знаками означили и достаточне ихъ описали; которое границъ тыхъ описанъе тые ж комисаре наши до метрикъ нашихъ обохъ коронныхъ подати маютъ моцъю декрету теперешнего сеймового, до которого, для лепъшое веры и ваги, и печат коронную притиснути росказалисмы. Данъ в Варшаве, на сейме валном коронном, дня третего мца декабря року Панского, яко вышей. Реляция того ж.

(Литов. метр., кн. зап. кор. № 24. лл. 496—499).

XXXIV.

Постановленіе сеймоваго суда объ отсрочкѣ, по случаю болѣзни Русскаго воеводы князя Іереміи Вишневецкаго, разбора жалобы на него короннаго хорунжаго Александра Конецпольскаго о вооруженномъ наѣздѣ и захватѣ слободъ Гадяча, Полтавы, Кременчуга и многихъ другихъ *(Декретъ межи пн: Хоружимъ коронным а княжат. Вишневецким)* 5 декабря 1646 года.

Владиславъ четвертый etc...,—ознаймуемо тым листом декретом нашим, etc. etc., ижъ перед нас и судъ нашъ сеймовый валный шестънеделъный коронный варшавъский приточилася справа з рессстру судового, за приволанем возного енерала земъского и двору нашого шляхетного Станислава Сошинъского, межи инъстикгатором короннымъ, добръ и целости Речи Посполитое перестерегаючим, и его деляторомъ урожоным Алекъсандром Конецъполъскимъ, хоружим короннымъ, переяславским, корсунъскимъ, плоскижовъскимъ старостою, яко укривжонымъ, поводами, а велможнымъ Іеремияшомъ-Михалом Корыбутом кн. Вишневецъкимъ, воеводою рускимъ, яко принъципалом, за которого ведомостю, росказанем и умыслъным насланем нижей описаные кгвалты пополненые сутъ, позванымъ, за позвомъ мандатом нашимъ, от поводовъ по позваного на сеймъ теперешний, по отрыманю на ним вины першое контумации, выданымъ, о то, ижъ позваный, не контентуючись правомъ посполитымъ, которое кождого обывателя до спокойного жития обовезало и кривдъ, кгвалтов, громад незвычайных сурове боронит, и овшемъ, не обавляючись острости его а ни помнечи на станъ свой, в

волностях и свободахъ з станомъ шляхецъким поровнаный и заровно з другими обывателями коронными зодночоный, не паметаючи и на то, ижъ на перестерегане целости правъ и покою посполитого на столку сенаторскомъ, а не на утяженъе стану рыцерского, от нас посажоный естъ, а ни на зверхностъ стану и поваги маестату нашого респектуючи, а затымъ жадного на вины и караня противъко всимъ, добра наши кролевские и Речи Посполитое през моцъ и кгвалтъ способом военным заеждяжаючимъ и поседаючимъ, взгляду не маючи на зневагу права посполитого а лекъкую увагу делятора, часу недавъно прошълого, то естъ дня деветнадцатого липъца в року теперешним, тисеча шестъсот чотырдесятъ шостом, в ночи и инъших наступуючих дней, скупивъши купу немалую людей збройных, почъты войсковые, до громады и шику розных людей своих и на то засягненых спровадивъши, которых личъба сем тисечей людей выносила, арматы и въси апараты военные, до буреня оборонъ вшеляких належачие, способивши, яко противъко неприятелеви коронному, способом военным, под местечъко наше Гадячъ, впрод за годные заслуги в поссесии годное памети ясневелможного каштеляна краковского, а потомъ зас теперешнего делятора будучое, люд свой тихо през свое директоры, волю и росказанъе позваного полнячие, подсадивъши, през той насланый люд страж, которая для неприятеля коронъного на певные местца заведеная была, убегши, поймавъши и затрымавши, а потомъ под место подступивъши и обозомъ ся положивъши, людом збройнымъ в шику военнымъ з розвинеными хоргвями оточил, армату, дела и гаковници на розных местцахъ розсадивъши, стрелбу огнистую выпустивши, штурмъ припустилъ и, страшным стрелянемъ з делъ и гаковницъ места добываючи, браму месткую кгвалътомъ высекъли и выломали; а там тот же насланый люд позваного, импетом до места впавши, розные кгвалты и усилъства над обывателями тамошними доказуючи, а праве всих потугою потлумивши, до замъку тамъ будучого кинулись и тамъ, браму кгвалтовне выбивши и южъ все место и замокъ зо въсими достатъками

опановавши, розделивши люд на части таковым же способомъ кгвалтовнымъ и военъным, слободы названые Гадячъ, Пултава, Зикгмунтовъ, Соколя гора, Кременчукъ, Подолки, Добрыкъ, Краснополе, Крукъполе, Лукашовъское, Борокъ, Опочинъское, Глинъскъ, Лютенъка, Зинъковъ, Олесное, Ахтыр, неведоме напавши, опановали, речи вси инъ супелекътили доместика, кресценъциях, также меды в бочкахъ готовые, яко в пасеках, побрали, а на остатокъ, кгды урожоный Станиславъ Кгулжевский, слуга деляторовъ, видечи такое усилство, кгды ся в местечку Рухавци замъкнулъ и там се про поссе на несподиваный инсулътъ оборонити усиловалъ, теды модо кгверико, арматно громажоного люду военного, на местечъко Рухавку наступивъши, през штурмъ оного добыли и того Кгулчевского, такъ на гоноре и на теле уконтемъптовавши, стамтул выпхнули, супеллектилемъ доместикамъ забрали, местечъка инные, праву доживотному урожоного хоружого коронного подлеглые, опановали, до шкод и спустошеня великого добра наши, которые собе на пяткротъ сто тисечей золотыхъ, добръ самых не кладучи, рахуетъ деляторъ, привели, которым поступком, правом вшеляким заказаным, покой посполитый взрушили, добра наши незвычайным способом опановали, оные дотол пустошат и способом якимсъ войсковым, а рачей своволне и безправъне, пожитки собе з них привласчаючи, виктуалия обывателюмъ и супелекътилемъ забираючи, трымают и пустошатъ. Зоставивщи теды собе делятор справом к ним(sic), до судовъ их належачимъ, особное правом дохоженъе, тепер толко до всказаня на позваномъ винъ правъныхъ, таковому учинкови годных, также до нагороженя шкод, през учинок вышменованый починеных, и до освобоженя тыхже маетностей заеханых, посполу з ынъстикгаторомъ нашимъ, иле на част которого з них належитъ, на сеймъ теперешний запозвали, о чом тот позовъ ширей в собе маетъ; за которым то позвомъ, кгды терминъ в суде сейму теперешнего дня першого декабра припал былъ, теды, очевисто у суду стоячи, тот же урожоный инстикгатор нашъ, з деляции того ж урожоного хоружого коронного, поз-

ваного презъ возного до права приволыватъ по три кротъ давалъ; который, ижъ се не становилъ и не отзывал, оного, яко не сталого и права непослушного, з допусченя суду сеймового на упад взыску приверненя добръ, кгверико модо посегненых, инъ сексъ септиманий(?), также провентовъ з них забраных приверненя и шкод на пят крот сто тисечей, в позве положоных, нагороженя ин инстанти под виною инфамии, которая се, в недосыт учиненъю, на позваном зараз вскazуетъ с приданем возного до публикованя оное и на екгзекуцию до суду належного отосланем, з волным однакъ той справы арештом до звыклое годины вздал был; леч тую справу и зданъе ее шляхетный Войцехъ Милевъский отъ позваного арештовалъ; на року теды нинешним, с помененого мандату и арешъту в той справе припалым, очевисто у суду стоячи, урожоный Станиславъ Косцелский, пленипотентъ позваного, актами кгродскими кременецъкими записаный, а не вдаючись в жадные з стороною поводовою в той справе контроверсие, яко нунъциушъ диляции хоробы позваному, абы му водлугъ права позволена была, просилъ. Мы с паны радами сенаторами нашими, на сейме теперешнимъ при боку нашим згромажоными, велможному воеводе рускому позваному диляции вере инфирмитатис до неделъ двох ад репозиционем того ж урожоного Станислава Косъцелъского, поневаж урожоный Янъ Барановъский, столникъ браславский, репонентъ тое хоробы од позваного назначоный, ретелное свое в воеводстве киевъском не доводит поссесии, позволяемо; по которых неделях двох выйстю рок завитый перед нами на сейме, даст Бог, пришлом, гдеколвекъ ся счасъливе отправовати будетъ, заховуемо; на котором термине помененый позваный, велможный воевода руский, позволеную собе на сейме теперешнимъ диляцию хоробы поприсягнути в тые слова, ижъ под тот час правъдиве хоровал и для тое хоробы на сеймъ теперешний до справы тое очевисто перед нами станути не моглъ, повиненъ будетъ; который то листъ хоробы, на афекътацию того ж урожоного инстикгатора нашого, в тот же декретъ вписатъ росказалисмы, и такъ ся в собе маетъ: Ja, Jeremi Mi-

chał Korybut xiąże na Wiszniowcu y Łubniach, w-da ziem Ruskich, oznąjmuię, iz na seymie walnym Warszawskim teraznieyszym, roku vigesima quinta octob. odprawowac' się zaczentym gwoli sprawie przez instigatora koronnego y wielmoznego J. M. pana Alexandra na Koniecpolu Koniecpolskiego, chorązego koronnego, mnie y sługom moim na tenze walny Warszawski seym o zaiechanie iakoby gwałtownie dobr Hadiacza y przynaleznosci, o czym w mandatach szerzy iest opisano, zadanei, dla choroby, ktorą od Boga wszechmogącego iestem nawedzony, stanąc nie mogę; zaczym unizenie J. K. M. pana mego młsciwego upraszam, aby J. K. M., Pan Moy Młsciwy, zachowawszy mie przy beneficiis prawa pospolitego, dillacij choroby mi pozwolic raczył; o ktorey moiey chorobie jak J. K. M. Panu, Memu Mlstiwemu, iak tez y stronie powodowey oznaymiwszy zleciłem facultatem plenariam do podaniatego listu mego urod. J. M. Panu Janowi Baranowskiemu, stolnikowi Bracławskiemu, plenipotentowi memu. W Wiszniòwcu, dnia szesnastego nowembra tysiąc szescset czterdziestego szostego. Jeremi Michał Korybut X. na Wiszniowcu y Lubniach. Который то лист хоробный для памети до книг канцелярии нашое руское коронное, посполу з декретом тым ест вписаный, на што, для лепъшое веры, и печат коронную притиснути росказалисмы. Дан в Варшаве, на сейме валном коронном, дня пятого мца декабра року etc. etc. Реляция того жъ.

(Литов. метр. кн. зап. кор. № 24, лл. 512—515).

XXXV.

Внесенная въ актовыя книги Русской коронной канцеляріи выпись изъ Кременецкихъ гродскихъ актовыхъ книгъ, отъ 22 марта 1646 года, довѣренности Русскаго воеводы князя Іереміи и другихъ Вишневецкихъ дворянамъ Адаму Жидовскому и многимъ другимъ на веденіе дѣлъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ *(Пленипотенция от того ж княжати п. воеводы руского розным особомъ даная, до справ его служачая)*. 5 декабря 1646 года.

Владиславъ четвертый etc...,—ознаймуемо etc., ижъ, при отправованю справы в суде сейму теперешнего межи урожо-

ным Алекъсандром Конецполскимъ, хоружимъ коронымъ, переяславъскимъ, корсунским, плоскировъским старостою, а велможным Еремияшем Корыбутом княжатемъ Вишневецъкимъ, воеводою рускимъ, о добра Гадячъ и инъшие принале жности, урожоный Даниелъ Жидневичъ, инстикгаторъ коронный, очевисто стоячи, пленипотенъцию през позваного, розным особомъ до справъ его служачую, с книг кгродских Кременецъких автенътице выданую, пер облятам подалъ и абы до книг канцеляри нашое русъкое коронное вписана была просил, которая так ся в собе мае: Выпис с книгъ кгродскихъ Кременецкихъ року Панъского тисеча шестъсот чотырдесят шостого мца марца двадцатъ второго дня. В рочки кгродские кременецъкие, от дня осмого мца и року, вышей на акте менованых, припалые и судовые отправоватся зачатые, перед нами Алекъсандромъ Белецъкимъ, подстаростим, Теодором Грицъковичом Домашевским, судею, урядниками судовыми кгродскими кременецъкими, постановивъшись очевисто, ясне освецоный кнжа его мл Еремия Михал Корибут на Вишневцу и Лубнях Вишневецъкий устне и доброволне созналъ, ижъ кжа его мл. во всих и вшелякихъ енералитеръ справахъ своих, яко и ясне освецоных княжатъ ихъ мл. Ерого, Димитра и Констанътого Корыбутовъ, Анны и Барбари-Костанъции Вишневецъких, потомъковъ зошлого светое памети княжати его млти Януша Корыбута на Збаражу Вишневецкого, пана конюшого коронного, яко и ясне освецоное княжны ее мл. Костанъции, цорки зошлого ясне освецоного княжати его млти Ерого Корыбута Вышневецъкого, старосты Камонацкого (sic), будучи опекуном княжатъ их млстей прирожоным, такъ з акторату своего и помененых княжатъ их мл., яко тежъ и реату, так тежъ и по справах подданных своих и помененых княжат их млтей, с кимъ колвекъ и о што колвекъ в судах голов ных трибуналских коронных, Любелъскимъ и Петръковъским, также в суде трибуналъскимъ Радомъскимъ, в трибуналах великого князства литовского, в воеводствах Киевъскимъ, Волынъским, Браславъскимъ и Черниговъскимъ, и в земствах и кгродахъ помененых воеводствъ, и поветах оных, также во всихъ воевод-

ствах и поветах короны полское, и на консерватахъ и воеводствахъ в помененых трибуналах, тудежъ в судахъ задворныхъ асессорскихъ, сеймовыхъ, комисаръскихъ, подкоморскихъ, до суженя припадаючих, которая бы ся колвекъ справа перед поменеными судами такъ княжати его млти сознаваючого, яко и с помененых княжат их мл и подданых княжат их млтей актовала и до суженя припала, дае моц и зуполную пленипотенъцию их мл паном Адамови Жидовъскому, Юзефови Фрыкачови, Станиславови-Казимирови Беневъскому, писарови кгродскому Луцъкому, Якови Машковъскому, Якови Заваде, Станиславови Косцелскому, Андрееви Мнишъкови, Михалови Шалайскому, Лукашови Высоцъкому, Андрееви-Казимирови Бедонскому, Андрееви Росохацъкому, Станиславови Домарацкому, Якови Думангаличови, Якови Дембскому, Криштофови Пясецъкому, Марцинови Пехоцъкому, Бартломееви Залескому, Алекъсандрови Олшамовъскому, Павлови Росовъскому, Войцехови-Михалови Исеганъскому, Стефанови Зимницъкому, Матеушови Чаплицъкому, Ерому Лобосови, Цириякови Калишевъскому, Якубови Квасневскому, Алекъсандрови Криковскому, Малхрови Песелскому, Томашови Піонтецъкому, Адамови Дворанъскому, Якови Белъскому, Ерому Божиевичови, Циприянови Минковъскому, Якови Суслови и иншимъ всимъ, кого бы помененые их млтъ панове приятели и умоцованые до справъ княжатъ их млтей и подданых их мл. приспособити могли и на местцу своимъ поставит, даю моцъ и зуполъную пленипотенъцию такъ всимъ посполу, яко и каждому по особну, во всих справах стават, контровертоватъ, от обтяжливых декретов апеляцин выточати, прозеквуцин интеръпоновати, дилляции вшелякие хоробъ простыхъ и правдивыхъ заживатъ и диляции маіорис интромиссии в добра допусчатъ, сумы декретами всказаные отбирати и зъ одобраных квитоватъ, сумы якимъ колвекъ правомъ любъ прирожонымъ, любъ сукцессиею на княжатъ их мл. спадаючие, отбирати, з отобраных квитоватъ, вливки на оные презъ особы в нихъ будучие о отданъе чинит и вшеляких инъ мере етъ специе оборонъ и добродействъ правных, в конституциях

и статутах описаных, иле которая справа чого подлугъ права потребоват будет, заживати и в оных стават; а што колвекъ помененые их мл. панове приятели и умоцованые, яко и от них субституованые, водлугъ права постановят, все кнжа е. мл. такъ зыскъ, яко и страту, про фирмо, рато етъ кграто приймуетъ, хочетъ и декляруетъ тую плениппотенцию свою кнжа его мл. мети за важную и моцъную до лет трох выйстя абъ акту презенти, якобы пред поменеными вышей судами кнжа его мл. самъ персоналитеръ ставил; што сознавши, абы до книг принято и записано было, просилъ—и отрымалъ; с которых книгъ и тот выпис под печатю кгродскою крememeцъкою ест выданый. Писанъ в Кременцу. У того екстракту, при печати, подпис руки писарское и коррекга тыми словы: Андрей Внучокъ-Передилский, писар кгродский кременецъкий. Корыкговал Стевинъский. Которую то пленипотенъцию, такъ яко ся в собе мает, до книгъ канцелярии нашое руское коронъное, на афектацию помененого урожоного инстикгатора нашого, вписати и стороне потребуючой екстрактомъ выдат росказалисмы. Данъ в Варшаве, на сейме валном коронномъ шестънедельнымъ, дня пятого мца декабра року, яко вышей. Реляция того ж.

(Литов. метр., кн. зап. кор. № 24, лл. 515—517).

XXXVI.

Постановленіе сеймоваго суда о признаніи за Русскимъ воеводой Іереміей Вишневецкимъ вины неявки въ судъ къ разбору жалобы на него вдовы Черниговскаго каштеляна Софіи Косаковской о вооруженномъ наѣздѣ, захватѣ и разореніи села Владиславовки за р. Удаемъ (*Kontumacia od urodz. Kosakowskiey na wielmoznym woiewodzie Ruskim*). 23 мая 1647 года.

Wladysław czwarty etc...,—oznaymuiemy etc....,—iz przed nas y sąd nasz seymowy trzyniedzielny Warszawski przytoczyła się z reiestru sądowego, za potrzykrotnym przez trzy dni woznego generala slachetnego Marciana Rutla przywoływaniem, miedzy urodzonym instigatorem naszym koronnym, z delacioy urodzoney Sofiey Mikołaiowey Kosakowskiey,

kasztellanki Czerniechowskiey, powodami, z iedney, a wielmoznym Jeremiem Korybutem, xięzęciem Wisniowieckim, woiewodą ruskim, pozwanym, z drugiey strony, za pozwem albo mandatem naszym, od powodow po pozwanego na seym teraznieyszy wydanym, o to, iz wielmozny woiewoda ruski, niedbaiąc nic na ostrosc prawa pospolitego y winy w nim opisane, tudziesz nie respektuiąc nic na zwierzchnosc naszą krolewską, czasow nie dawno przeszłych, roznych dniow y miesięcy, to iest od roku przeszłego, tysiąc szescset czterdziestego piątego, y po nim następuiącego tysiąc szescset czterdziestego szostego miesięca Juny, pierwszego dnia, smiał y wazył się urodzonych Jakuba Kolendę, Jana Wolskiego, Jana Strywiaskiego, Macieiowskiego y inszych w pozwie mianowanych sług swoich, dragunow y kozakow na własny grunt Dorohinski delatorki teraznieyszey (ktorego gruntu od lat dwudziestu siedmiu z zeszłym urodz. małzonkiem swym Mikolaiem Kosakowskim, kasztellanem Czerniehowskim, za prawem sobie służącym, była in pacifica possessione), z strezlbą ognistą, z chorągwiami, bębnami, do woyny nalezącymi, do siola Władyslawowki, za rzeczką Udaiem lezącey, vi et violento modo nasyłac y gwałtem go odbierac, y inszych krzywd y szkod roznych w niemałey kupie ludzi służących, to iest dwunastu set człowieka nasłanych, poczynic, ostrozek na pomienionym gruncie postanowic, y grobłe zasypac kazał, względem czego delatorka wolną drogę sobie czynienia prawem zostawiwszy, teraz do przysłuchania się wskazania win prawnych za wzruszenie pokoiu pospolitego, za takim naiachaniem pozwanego teraznieyszego zapozwała, o czym ten mandat szerzey w sobie ma. Na terminie tedy ninieyszym, z pomienionego mandatu w tey sprawie przypadłym, postanowiwszy się oczywiscie slachetny Mikołay Bielowski, tegosz wielmoznego woiewodę Ruskiego, pozwanego, yz się za przywołaniem woznego wyz mianowanego do prawa niestawył, iako niestałego y prawa pospolitego nieposłusznego, z dopusczenia sądu naszego seymowego, w winie pierwszey contumaciey wedle prawa wzdał. Ktore wzdanie do xiąg kancellariey naszey Ruskiey iest zapisane, y ten extrakt, pod pieczęcią większą koronną, na affektatią strony potrzebuiącey, iest wydany.

Dan w Warszawie, na seymie trzyniedzielnym, dnia dwudziestego trzeciego miesiąca maia roku Panskiego tysiąc szescset czterdziestego siodmego, panowania krolestw naszych polskiego y szwedzkiego XV roku.

Za przełozeniem iasnie wielmoznego jego mosci pana kanclerza koronnego.

(Литов. метр., книга записей корон. № 24, лл. 572 об. и 573).

XXXVII.

Постановленіе сеймоваго суда объ отсрочкѣ разбора жалобы Русскаго воеводы, князя Іереміи Вишневецкаго на Переяславскую іезуитскую коллегію о присвоеніи себѣ этой коллегіей села Прохоровки, принадлежащаго къ Каневскому староству (*Miedzy xiążęciem p. woiewodą Ruskim y oycami jezuitami collegium Pereasławskiego*) 23 мая 1647 г.

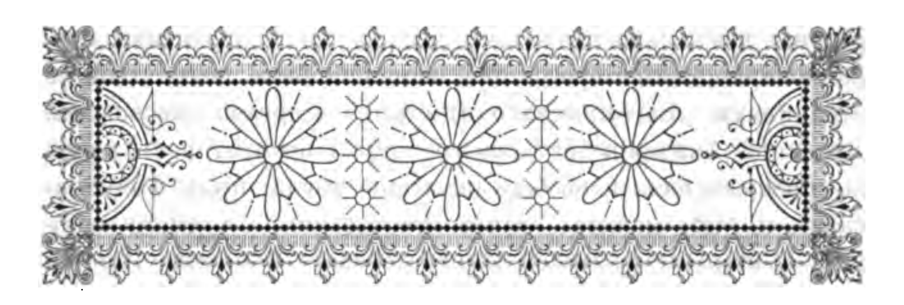
Władysław czwarty etc...,—oznaymuiemy etc..., - iz przed nas y sąd nasz seymowy trzyniedzielny koronny Warszawsky przytoczyła się sprawa z regestru sądowego, za potrzykrotnym przez trzy dni woznego generała ziemskiego y dworu naszego slachetnego Kaspara Gołkowskiego powołaniem, miedzy urodz. instigatorem naszym koronnym y iego delatorem wielmoznym xiazęciem Jeremiem-Michalem Korybutem Wisniowieckim, woiewodą Ruskim, starostą naszym Kaniowskim, powodami, a wielebnym xiędzem Michalem Dobrowolskim, rektorem kollegium Pereasławskiego societatis Jesu y wtzystką bracią kollegium tegosz, pozwanymi, za pozwem, albo mandatem naszym, od powodow po pozwanych na seym teraznieyszy wydanym, o to, iz pozwani, dobra wies Prochorowkę, z dawna w dzierzawie starostow Kaniowskich będącą y na gruntach, do starostwa Kaniowskiego nalezących, osadzoną, ku uymie prouentow y pozytkow Rzeczy Pospolitey y zatłumieniu płacenia quarty, nie wiedziec, za iakim prawem y tytułem, osiągnąwszy, trzymaią y pozytkow z niey zazywaią ku wielkiey szkodzie Rzeczy pospolitey, ktorey sobie szacuią na dziesięc tysięcy złotych polskich, dobr samych w to nie includuiąc, o czym ten mandat szerzey w sobie ma. Na terminie tedy dzisieyszym dnia dziewiątego

miesiąca maia roku na dacie nizey mianowanego, z pomienionego mandatu w tey sprawie przypadłym, postanowiwszy się oczywiscie, szlachetny Woyciech Milewski, plenipotent powodow, pozwaną stronę w winie pierwszey contumaciey wzdawac chciał na pozew nizey inserowany, ktory tak się w sobie ma: Władysław czwarty, z łaski Bozey krol polski, wielki xiąze Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie etc.....,—tobie, wielmoznemu w Bogu xiędzu Michałowi Dobrowolskiemu, rektorowi collegium Societatis Jesu Pereasławskiego, y wszytkiey braci collegium tegosz roskazuiemy, abyscie wier. ww. przed nami y pp. radami naszymi, przy boku naszym będącymi, na seymie walnym koronnym Warszawskim zgromadzonymi, w roku ninieyszym, tysiąc szescset czterdziestym siodmym, po połozeniu mandatu za niedziel szesc, ieden tydzien wyiąwszy, naypierwiey przypadaiącymi, oblicznie y zawicie stali na załobę y prawny postępek instigatora naszego koronnego y iego delatora wielmoznego xcią Jeremia-Michała Korybuta Wisniowieckiego, woiewody ziem ruskich, Kaniowskiego naszego starosci, ktory instigator y iego delator, wielebny xiąze Rektorze, samego przez się, a bracią z bytnoscią pomienionego xiędza Rektora, iako starszego kollegium tegosz Pereasławskiego, pozywa o to, iz wielebnosc wasza dobra wies Prochorowkę, z dawna w dzierzawie starostow Kaniowskich będącą y na gruntach, do starostwa Kaniowskiego należytych, osadzoną, ku uymie prouentow y pozytkow Rzeczy pospolitey y zatłumieniu płacenia quarty, niewiedziec, za iakim prawem y tytulem, osiągnąwszy, trzymacie y pozytkow z niey zazywacie ku szkodzie Rzeczy Pospolitey, ktorzy sobie szacuią szkody na złotych polskich dziesięc tysięcy; przeto instigator koronny y iego delator, iako starosta nasz y dzierzawca Kaniowsky, chcąc, aby mianowana wies Prochorowka, niedawno od starostwa Kaniowskiego oderwana ze wszystkimi gruntami y okolicznosciami, z dawna nalezącymi, przesz wielebnosc waszę, przyworocona była, do ustąpienia tey wsi Prochorowki, a w nieustąpieniu zapłacenia szkod dziesięc tysięcy złotych polskich, dobr samych w to nie inkluduiąc, wielebnosc waszę pozywaią. Przeto, abyscie wielebnosc wasza, na terminie przysz-

łym stanąwszy, nakazania ustąpienia wsi Prochorowki, a w nieustąpieniu, przysądzenia szkod przysłuchali się y na wszystko prawnie odpowiadali. Pisan w Warszawie, roku tysiąc szescset czterdziestego siodmego, dnia tszydziestego miesiąca stycznia. Lecz tamze in instanti, w sądu tegosz będąc personaliter, tenze wielebny xiądz Michał Dobrowolski, rektor collegium Pereasławskiego, sam przez się y przez plenipotenta swego szlachetnego Piotra Zaleskiego prawnie w tey sprawie experiri ofiarowali się; ktora sprawa, gdy potym dnia trzynastego miesiąca maia roku tegosz, przed tymze sądem naszym seymowym trzyniedzielnym z experimentu przypadła była, tedy my z pp. radami naszymi, na seym tenze zgromodzonymi, przy boku naszym będącymi, na affektatią tegosz wielebnego xiędza Rektora collegium societatis Jesu Pereasławskiego, onemu za obroncę sprawy tey urodzonego Andrzeia Mniszka przydalismy. A potym, gdy tasz sprawa z pomienionego experimentu y additiey patrona do tey sprawy znowu dnia dwudziestego trzeciego roku y miesiąca tegosz przed nas y tenze sąd seymowy przypadła, tedy my, z tymysz pp. radami y senatorami naszymi, na seym tenze trzyniedzielny zgromadzonymi, przy boku naszym będącymi, sprawy tey, dla następuiącey prętkiey seymowey limitatiey, do sądu tegosz seymowego nie przypuszczaiąc, one do blisko przyszłego, da Pan Bog, seymu sądowego, po teraznieyszym przypadaiącego, odłozyc y reektę w niey uczynic umyslilismy, iakosz ią na ten czas odkładamy, na ktory y termin stronom obiema taki, iaki na ten czas przypadał, bez wszelkiego przypozwu, zawity składamy y zachowuiemy mocą tey seymowey reekty naszey, do ktorey, dla lepszey wiary, pieczęc koronną przycisnąc roskazalismy. Dan w Warszawie, na seymie walnym trzyniedzielnym koronnym, dnia dwudziestego trzeciego miesiąca maia roku Panskiego tysiąc szescset czterdziestego siodmego, panowania krolestw naszych polskiego XV, a szwedzkiego XVI roku.

Za przełozeniem iasnie wielmoznego j. m. p. kanclerza wielkiego koronnego.

(Литов. метр., кн. записей корон. № 24, лл. 568 и 569).



Новый трудъ по исторіи русской церкви.

Исторія русской церкви. Періодъ второй, московскій. Т. II, отъ нашествія монголовъ до митрополита Макарія включительно. Первая половина тома. Бывшаго профессора Моск. Дух. Академіи Е. Голубинскаго. Изданіе Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Унив. 1+VIII+I+920 „(Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив.“ 1900 г. кн. 1-я) М. 1900 г.

Систематическая научная разработка исторіи русской церкви въ самое послѣднее время обогатилась весьма цѣннымъ, можно сказать, даже драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Разумѣемъ выходъ въ свѣтъ первой половины второго тома исторіи русской церкви сочиненія бывшаго проф. Моск. Дух. Академіи Е. Е. Голубинскаго. Извѣстныя всѣмъ научныя достоинства, какими отличаются два выпуска перваго тома историческаго труда проф. Голубинскаго, давно уже заставляли любителей науки исторіи русской церкви и еще болѣе спеціалистовъ желать скорѣйшаго появленія въ печати продолженія этого труда. Среди лицъ, занимающихся исторіею русской церкви, давно уже было извѣстно, впрочемъ, болѣе въ видѣ слуха, чѣмъ совершенно достовѣрнаго свѣдѣнія, что нашъ новый церковный историкъ дѣятельно занятъ продолженіемъ своего труда и что этотъ послѣдній уже доведенъ авторомъ до конца второго періода исторіи русской церкви съ точки зрѣнія раздѣленія послѣдней, какое устанавливаетъ самъ проф. Голубинскій. Съ живѣйшимъ инте-

ресомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ были прочитаны первые очерки этого второгот ома, начавшіе-было появляться на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“—органа Московской Духовной Академіи Но скоро эти очерки прекратились, а равно прекратилось и вообще печатаніе труда проф. Голубинскаго, и, быть можетъ, еслибы не содѣйствіе ученому историку со стороны дѣятелей Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, то мы и теперь не видѣли бы продолженія исторіи проф. Голубинскаго, ставшей во многихъ отношеніяхъ замѣчательною.

Новый, явившійся въ печати, полу-томъ исторіи русской церкви проф. Голубинского представляетъ плодъ глубокаго изученія предмета, обширной эрудиціи, сильнѣйшаго напряженія мысли и многолѣтнихъ занятій автора. Поэтому, можно быть увѣреннымъ, что этотъ полу-томъ, какъ и первые два, долго будетъ предметомъ изученія со стороны спеціалистовъ и надолго останется книгою, къ которой всѣ будутъ обращаться, какъ къ послѣднему слову науки по предмету его содержанія. Задача настоящаго доклада состоитъ въ томъ, чтобы познакомить членовъ нашего Общества съ содержаніемъ замѣчательной книги и высказать свое посильное сужденіе объ особенностяхъ ея.

Проф. Голубинскій, какъ извѣстно, не соглашается ни съ однимъ изъ тѣхъ дѣленій науки исторіи русской церкви, какія были извѣстны до него; въ частности, онъ безусловно отрицаетъ тѣ принципы, на основаніи которыхъ дѣлили на періоды исторію русской церкви, а также и самыя дѣленія ея, принятыя у Филарета Гумилевскаго и Макарія Булгакова. Проф. Голубинскій „наиболѣе удовлетворительнымъ раздѣленіемъ исторіи русской церкви на періоды“ считаетъ раздѣленіе, которое, по его словамъ, „въ послѣднее время принято для гражданской русской исторіи, именно топографическое раздѣленіе на три періода: кіевскій, московскій и петербургскій. Топографическое раздѣленіе исторіи на періоды,—говоритъ при этомъ проф. Голубинскій,—можетъ показаться

для иныхъ нѣсколько страннымъ. Но значеніе топографіи въ исторіи, какъ одного изъ ея факторовъ, общепризнанно, и если періоды какой-нибудь церковной или гражданской исторіи суть такіе отдѣлы времени, которые болѣе или менѣе отличаются отъ предшествующихъ и отъ послѣдующихъ отдѣловъ времени характеромъ жизни даннаго гражданскаго или церковнаго общества: то несомнѣнно, что отдѣлъ времени кіевскій, отдѣлъ времени московскій и текущій отдѣлъ времени петербургскій представляютъ собою именно такіе періоды нашей церковной (равно какъ и гражданской) исторіи. Топографія проявляетъ свое вліяніе въ исторіи, когда играетъ роль одного изъ дѣлителей послѣдней на періоды, двоякимъ образомъ—или такъ, что новая мѣстность условливаетъ новую противъ предшествующей жизнь; или наоборотъ такъ, что новая жизнь требуетъ новой мѣстности. У насъ было и то и другое: съ перенесеніемъ центра жизни съ юга на сѣверъ, изъ Кіева во Владиміръ—Москву, начался новый противъ предшествующаго, условливаемый мѣстностію (подразумѣвается -не исключительно ею одною), періодъ жизни государственной и церковной; начатый Петромъ Великимъ новый періодъ той и другой жизни потребовалъ перенесенія центра жизни на новое мѣсто, изъ Москвы въ Петербургъ.“ (стр. VI—VII).

На указанномъ сейчасъ основаніи, проф. Голубинскій дѣлитъ исторію русской церкви на три періода: кіевскій—988—1240 г., московскій 1240—1721 и петербургскій—1721 до настоящаго времени. Не останавливаясь пока на вопросѣ о томъ, насколько основательно и удобно и вообще возможно подобное дѣленіе, но находя необходимымъ нѣсколько позже сказать объ этомъ болѣе подробно, мы пока замѣтимъ, что второй періодъ, или московскій, т. е. тотъ, который служитъ теперь предметомъ изученія проф. Голубинскаго, этотъ послѣдній, въ свою очередь, раздѣляетъ на двѣ половины: отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія съ его Стоглавымъ соборомъ, на которомъ былъ подведенъ, т. ск., итогъ всей предшествующей жизни русской церкви, и отъ митр. Макарія до учрежденія

св. Синода. Первую половину этого московскаго періода, въ свою очередь, проф. Голубинскій раздѣляетъ на свои двѣ половины, именно, время нахожденія нашихъ митрополитовъ подъ властію константинопольскаго патріарха и время послѣ отложенія ихъ отъ этой власти, что совпадаетъ съ раздѣленіемъ митрополіи и съ переименованіемъ митрополитовъ всея Россіи, жившихъ въ Москвѣ, изъ кіевскихъ и всея Россіи въ московскихъ и всея Россіи, а также *съ образованіемъ у насъ новыхъ взглядовъ на Грековъ* (нашъ курсивъ; стр. VII).

Такимъ образомъ, повидимому, самое простое и естественное раздѣленіе исторіи вышло у почтеннаго историка весьма сложнымъ, а насколько оно, кромѣ того, удобно въ практическомъ отношеніи, это увидимъ впослѣдствіи....

Собственно второй томъ исторіи проф. Голубинскаго долженъ, по его предположенію, обнять первую половину періода московскаго, или время отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія включительно, причемъ этотъ второй томъ, подобно первому, будетъ состоять изъ двухъ половинъ: первая половина тома должна представить хронологическое обозрѣніе исторіи церкви по правленіямъ митрополитовъ, или, по-просту, рядъ біографій этихъ послѣднихъ; а вторая половина тома будетъ посвящена обзору церковной жизни по ея отдѣламъ, или видамъ, каковы: управленіе, просвѣщеніе, богослуженіе и пр. (стр. VIII).

Обширная книга, до 1000 стр., вышедшая нынѣ, и представляетъ именно первую половину второго тома исторіи русской церкви, т. е., какъ можно видѣть, наименѣе пока интересную и по своему содержанію и по тѣмъ особенностямъ, какими отличается работа проф. Голубинскаго.

Вся книга, послѣ краткаго объясненія, почему именно авторъ посвящаетъ настоящій свой томъ памяти Макарія, митрополита московскаго, и очень краткаго предисловія, въ которомъ историкъ глубоко скорбитъ по поводу „чрезвычайнаго, не по его доброй волѣ случившагося, замедленія въ изданіи настоящаго тома, отдѣленнаго отъ перваго тома весьма значительнымъ промежуткомъ времени въ 19 лѣтъ“, „такимъ“, по

выраженію самаго историка, „промежуткомъ годовъ, что, бывъ во время печатанія перваго тома человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, онъ печатаетъ второй томъ сѣдымъ старикомъ,“ и затѣмъ кратко говоритъ о принимаемомъ имъ раздѣленіи исторіи церкви на періоды и объ откровенности, съ какою онъ писалъ первый свой томъ и при какой онъ неизмѣнно остается, по его собственному заявленію, и во второмъ томѣ,—послѣ посвященія и предисловія, книга представляетъ рядъ біографій митрополитовъ, сначала кіевскихъ и всея Россіи, а именно, Кирилла III, Максима, св. Петра, Θеогноста, св. Алексія, Кипріана, Фотія и Исидора, а потомъ—московскихъ и всея Россіи: св. Іоны, Θеодосія, Филиппа 1-го, Геронтія, Зосимы, Симона, Варлаама, Даніила, Іоасафа и Макарія. Такимъ образомъ, изъ 20 отдѣловъ книги 17 заняты біографіями митрополитовъ, а три остальные отдѣла посвящены — одинъ очерку порабощенія Руси Монголами и отношеній хановъ монгольскихъ къ русской церкви, или къ вѣрѣ русскихъ и къ ихъ духовенству (стр. 1—49), другой—очерку 12-лѣтнихъ замѣшательствъ на каѳедрѣ русской митрополіи послѣ кончины св. Алексія (стр. 226—262) и третій—очерку миссіонерской дѣятельности св. Стефана, епископа пермскаго (стр. 262—296).

Послѣднія страницы 876—894 заняты довольно многочисленными дополненіями и поправками автора, который, по собственнымъ его словамъ, „не принадлежитъ къ числу людей, которые смотрятъ на свои творенія такъ, чтобы отрицать нужду и возможность дальнѣйшихъ послѣ нихъ работъ надъ тѣмъ же“ (стр. V), а также дополненій и поправокъ.

Въ качествѣ приложенія, книга настоящая, подобно первому тому исторіи Голубинскаго, снабжена списками великихъ князей и митрополитовъ, при чемъ въ спискѣ князей, кромѣ русскихъ, владимірско-московскихъ, князей, перечислены также и литовскіе великіе князья, съ указаніемъ годовъ правленія тѣхъ и другихъ, а въ спискѣ митрополитовъ, кромѣ митрополитовъ всея Россіи, кіевскихъ и московскихъ, біографіями которыхъ занята книга, перечисляются

еще отдѣльные митрополиты галицкіе и литовскіе, потомъ кіевскіе. Замѣтимъ здѣсь пока, что въ своей книгѣ проф. Голубинскій попутно сообщаетъ краткія свѣдѣнія только объ отдѣльныхъ митрополитахъ галицкихъ и литовскихъ, о кіевскихъ же отдѣльныхъ митрополитахъ, съ половины XV в., онъ почти совершенно ничего не говоритъ, такъ что и самый списокъ ихъ въ концѣ книги является для читателя нѣкоторою неожиданностію.

Вотъ краткій, общій очеркъ содержанія новаго выпуска исторіи проф. Голубинскаго.

Какъ сказано, громаднѣйшая часть обширной книги занята біографіями русскихъ митрополитовъ.

Самъ историкъ въ предисловіи къ своей книгѣ предупреждаетъ нарочито своихъ читателей о томъ, что біографіи русскихъ митрополитовъ, какія онъ даетъ имъ въ настоящемъ выпускѣ исторіи, будутъ имѣть особенный характеръ, не будутъ настоящими біографіями. Главную причину этого послѣдняго обстоятельства самъ онъ указываетъ въ источникахъ, именно лѣтописяхъ нашихъ и другихъ нашихъ историческихъ памятникахъ, которыми историкъ долженъ пользоваться и которые даютъ ему „слишкомъ малую возможность писать настоящія біографіи нашихъ митрополитовъ, равно какъ и другихъ нашихъ церковно-историческихъ дѣятелей“. Посему, историкъ проситъ своихъ читателей не винить его за то, что онъ даетъ имъ очерки жизни и дѣятельности нашихъ митрополитовъ, которымъ названіе—біографіи, но которые очень далеки отъ того, чтобы быть настоящими біографіями (стр. VIII).

И, дѣйствительно, находящіеся въ первомъ выпускѣ второго тома исторіи проф. Голубинскаго очерки жизни и дѣятельности нашихъ митрополитовъ не суть настоящія біографіи, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно у насъ понимается этотъ родъ учено-литературныхъ трудовъ. Но это, по нашему мнѣнію, зависитъ не исключительно отъ характера и особеннаго свойства источниковъ, которыми историку суждено пользоваться, а также и отъ тѣхъ особенныхъ пріемовъ, какіе историкъ употребляетъ при написаніи своихъ

біографическихъ очерковъ. Намъ даже кажется, что историкъ поступаетъ такъ, а не иначе, вполнѣ и совершенно сознательно. Посему, его біографическіе очерки русскихъ митрополитовъ и не могли быть настоящими біографіями.

Дѣло въ томъ, что проф. Голубинскій, описывая жизнь и дѣятельность того или другого митрополита, вмѣстѣ съ тѣмъ подробно изображаетъ и общее состояніе русской церкви за время управленія ею того или другого митрополита. Для примѣра мы представимъ два-три біографическихъ очерка въ краткомъ изложеніи содержанія ихъ.

Такъ, въ отдѣлѣ о митрополитѣ св. Петрѣ (стр. 98—144) историкъ, охарактеризовавъ существующія житія св. Петра, сказавъ объ обстоятельствахъ, при какихъ св. Петръ сдѣлался митрополитомъ всея Россіи и долженъ былъ дѣйствовать въ первое время управленія русскою церковью, разобравъ и изложивъ содержаніе законоположенія м. Петра о вдовыхъ священникахъ, его учительныхъ посланій и даннаго ему отъ хана ярлыка, говоритъ затѣмъ, и довольно подробно, о слѣдующихъ предметахъ: объ отдѣленіи Литвы и Галиціи въ особую митрополію, еретикѣ Сеитѣ, сношеніяхъ великаго галицкаго князя Юрія Львовича съ папою, соборномъ постановленіи объ ежегодной помощи патріарху константинопольскому со стороны подвѣдомыхъ ему митрополитовъ, т. е. о такихъ событіяхъ русской церковной жизни, которыя имѣли только то отношеніе къ жизни и дѣятельности митр. св. Петра, что совершились въ то время, когда онъ правилъ русскою церковью.

Тоже самое мы видимъ и въ очеркахъ жизни и дѣятельности другихъ митрополитовъ; напр., въ отдѣлѣ о м. Фотіи излагается подробнѣйшая исторія возникновенія и распространенія у насъ секты стригольниковъ (стр. 396—406). въ отдѣлѣ о м. Геронтіи сообщаются весьма подробныя свѣдѣнія о происхожденіи ереси жидовствующихъ и исторія ея до 1504 г. (стр. 560—607); отдѣлъ о м. Варлаамѣ занятъ преимущественно исторіей Вассіана Патрикѣева и Максима Грека (изъ 55 страницъ отдѣла болѣе 40 страницъ), значительная

часть отдѣла о м. Макаріи посвящена даннымъ о Стоглавомъ соборѣ, Максимѣ Грекѣ, о различныхъ еретикахъ того времени, о распространеніи христіанства среди лопарей, отношеніяхъ къ римско-католической церкви и т. п.

Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что настоящій выпускъ второго тома исторіи проф. Голубинскаго представляетъ не просто собраніе біографій митрополитовъ, но описаніе жизни и дѣятельности этихъ представителей высшаго церковнаго управленія въ связи съ общимъ состояніемъ русской церкви, другими словами: настоящій выпускъ второго тома труда проф. Голубинскаго представляетъ собою общій очеркъ, преимущественно, внѣшняго состоянія русской церкви за время 1240—1563 г.

Самая область церковной жизни, которою занимается историкъ въ настоящемъ своемъ выпускѣ, повидимому, лишала его возможности сказать здѣсь что-либо особенное, совершенно новое. Съ одной стороны, біографіи митрополитовъ—предметъ самъ по себѣ и простой и довольно извѣстный, а съ другой, жизнь и дѣятельность очень многихъ митрополитовъ настоящаго періода, какъ, напр., Кипріана, Фотія, св. Алексія, Даніила, Макарія и др., были уже предметомъ особеннаго и спеціальнаго изслѣдованія другихъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, глубокомысленный историкъ нашъ и здѣсь высказываетъ немало новаго, чего нельзя встрѣтить у другихъ, хотя это новое, бо́льшею частію, ново не столько въ количественномъ, сколько въ качественномъ отношеніи. Историкъ очень немного новаго прибавляетъ къ тому, что уже извѣстно спеціалистамъ изъ обнародованныхъ памятниковъ и существующихъ трудовъ о жизни и дѣятельности русскихъ митрополитовъ разсматриваемаго времени; но за то онъ очень часто высказываетъ или совершенно новое толкованіе того либо другого отдѣльнаго историческаго факта, или же новый взглядъ на ту либо другую историческую личность и дѣятельность ея.

Присутствіе новыхъ, хотя и немногихъ, фактовъ и свѣдѣній въ послѣднемъ трудѣ проф. Голубинскаго объясняется,

главнымъ образомъ, двумя причинами: 1) въ своемъ изслѣдованіи онъ широко, какъ никто изъ его предшественниковъ, пользуется греческими источниками по исторіи русской церкви, въ особенности актами константинопольской патріархіи, изъ которыхъ онъ беретъ много весьма любопытныхъ и интересныхъ фактовъ; весьма широко и опытною рукою историкъ пользуется въ своемъ новомъ трудѣ также и вообще всѣми свѣдѣніями, какія находятся у иностранныхъ писателей о Россіи и русской церкви за разсматриваемый періодъ времени, при чемъ обнаруживаетъ громаднѣйшую начитанность въ области этой литературы; 2) основательнѣйшимъ и глубокимъ знаніемъ древне-русскихъ лѣтописей, благодаря которому и, въ особенности, благодаря умѣлому сопоставленію параллельныхъ свѣдѣній различныхъ нашихъ лѣтописей, историкъ вноситъ множество дополненій и поправокъ особенно въ хронологическія свѣдѣнія по исторіи русской церкви за разсматриваемое время. Наконецъ, и вообще свойственныя только проф. Голубинскому вдумчивость и умѣнье анализировать разсказы и извѣстія и открывать новыя, оригинальныя черты тамъ, гдѣ другому представляется все прекрасно извѣстнымъ, имѣли слѣдствіемъ своимъ то, что и въ настоящемъ выпускѣ своей исторіи, почти въ каждомъ отдѣлѣ ея, проф. Голубинскій даетъ намъ нѣчто новое.

Такъ, напр., въ первомъ отдѣлѣ, въ рѣчи о нашествіи татаръ на Россію историкъ даетъ новое освѣщеніе 1) общеизвѣстному факту вѣротерпимости татаръ въ отношеніи къ русской церкви и духовенству; въ этой вѣротерпимости онъ видитъ не сознательное или исключительное что-либо, а только молчаливое признаніе, необходимо и само собою подразумѣваемое распространеніе на Россію органическаго закона, дѣйствовавшаго по всей территоріи монгольскихъ завоеваній; 2) сообразно этому, естественно измѣняется и взглядъ на самые ханскіе ярлыки, которые служатъ источникомъ нашихъ фактическихъ свѣдѣній объ отношеніи Монголовъ къ русской церкви и въ которыхъ историкъ видитъ не утвердительныя, а охранительныя грамоты. Предполагая при-

наніе неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, какъ существующій фактъ, ханы обращаются въ своихъ ярлыкахъ, по толкованію ихъ профессоромъ Голубинскимъ, къ своимъ всякимъ чиновникамъ (которые перечисляются въ нихъ по должностямъ) и строго запрещаютъ имъ посягать на неприкосновенность вѣры и правъ духовенства, угрожая имъ, въ противномъ случаѣ, опредѣленными въ законѣ карами; 3) оригинально, проницательно и любопытно историкъ объясняетъ вѣроятную настоящую причину мученической кончины въ Ордѣ въ 1246 г. черниговского князя Михаила Всеволодовича. Проф. Голубинскій полагаетъ, что Монголы просто придирались къ князю-мученику, котораго у нихъ напередъ рѣшено было убить, за то, что онъ, сидя въ Кіевѣ въ 1239 году, приказалъ убить присланныхъ къ нему тогда отъ Батыя монгольскихъ пословъ съ вѣроломнымъ предложеніемъ пощады, если городъ добровольно, безъ сопротивленія сдастся монголамъ.

Въ отдѣлѣ о м. Кириллѣ III новымъ фактомъ является 1) опредѣленіе времени кончины митрополита (6 декабря 1281 г.), явившееся именно результатомъ тщательнаго изслѣдованія тѣхъ мѣстъ нашей древней лѣтописи, въ которыхъ говорится объ этомъ; 2) толкованіе правила, постановленнаго Владимірскимъ соборомъ 1274 г. и направленнаго противъ нечестиваго и безнравственнаго обычая въ вечеръ съ субботы подъ воскресеніе, причемъ проф. Голубинскій разумѣетъ въ данномъ мѣстѣ запрещеніе именно языческихъ вакханалій, представлявшихъ собою языческій праздникъ русскихъ, который приходился въ весеннее время года и который, послѣ принятія христіан ства, былъ пріуроченъ къ христіанскому празднику Пасхи, какъ его канунъ (стр. 76).

Въ отдѣлѣ о св. митрополитѣ Петрѣ является оригинальнымъ объясненіе и освѣщеніе факта попытки какого-то игумена Геронтія, „который, будучи одержимъ недугомъ самовластія и не видя никого себѣ возбраняющаго, дерзнулъ дерзостію восхитить санъ святительства“—престолъ русской митрополіи, о чемъ только глухо упоминаютъ житія св. м.

Петра (стр. 99—101); 2) пониманіе личности еретика, который явился въ то время среди русскихъ христіанъ и о которомъ житія св. Петра сообщаютъ самыя краткія свѣдѣнія. „Извѣстіе житій св. Петра о нашемъ еретикѣ", говоритъ проф. Голубинскій, „повидимому, надлежало бы понимать такъ, что онъ былъ высшій магометанско-татарскій духовный, принявшій христіанство и потомъ впавшій въ ересь. Но намъ представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать другое, именно, что слово еретикъ употребляется въ житіяхъ въ весьма несобственномъ смыслѣ, — что Сеитъ былъ высшій магометанскій духовный, не принимавшій христіанства, а оставшійся магометаниномъ, и что онъ вступалъ въ преніе съ св. Петромъ съ тою цѣлію, чтобы попытаться обратить его въ магометанство, или, по крайней мѣрѣ, одержать надъ нимъ побѣду въ богословскомъ диспутѣ" (стр. 130—131); 3) новымъ здѣсь является также обоснованіе и разъясненіе той мысли, что идея о перенесеніи каѳедры митрополичьей въ Москву и, прежде всего, о погребеніи м. Петра въ Москвѣ принадлежала не самому св. Петру, а московскому князю. Вообще весь отдѣлъ о м. св. Петрѣ представляетъ исторію управленія его церковію въ значительно новомъ и рельефномъ освѣщеніи и именно благодаря тому, что проф. Голубинскій подробно и проницательно выясняетъ, на основаніи лѣтописей, политическія отношенія того времени.

Въ отдѣлѣ о м. Ѳеогностѣ историкъ отмѣчаетъ новый фактъ (хотя и не признаваемый имъ самимъ за совершенно надежный) участливаго отношенія этого нашего митрополита къ происходившимъ тогда на Востокѣ т. н. паламитскимъ спорамъ (стр. 168—169).

Въ отдѣлѣ о митр. св. Алексіи очень проницательною является догадка историка нашего касательно цѣли поставленія м. Ѳеогностомъ св. Алексія, предъ своею смертію, во епископа владимірскаго. Историкъ думаетъ, что м. Ѳеогностъ, не безъ соглашенія съ московскимъ правительствомъ, поступилъ такъ въ тѣхъ собственно разсчетахъ, что, „еслибы въ Константинополѣ не захотѣли согласиться на поставленіе

Алексія въ митрополиты и поставили митрополита изъ Грековъ, то этотъ, пришедъ въ Россію и нашедъ каѳедру владимірскую занятою, поневолѣ долженъ бы былъ согласиться жить въ Москвѣ и стать вмѣсто кіево-владимірскаго кіевомосковскимъ“ (стр. 176).

Въ отдѣлѣ о митрополитѣ Исидорѣ совершенно оригинальнымъ является воззрѣніе нашего историка русской церкви на цѣль поставленія въ митрополиты русской церкви Исидора, котораго проф. Голубинскій характеризуетъ, какъ „человѣка, выдававшагося изъ ряда другихъ блестящими талантами и отличнымъ образованіемъ“ (стр. 422—423). Выборъ Исидора въ русскіе митрополиты, говоритъ проф. Голубинскій, „обыкновенно представляется такъ, что императоръ и патріархъ константинопольскіе, собираясь отправиться на Ферраро-флорентійскій соборъ, желали видѣть на каѳедрѣ русской митрополіи человѣка, который бы былъ преданъ дѣлу соединенія церквей и что онъ—Исидоръ—вполнѣ отвѣчалъ этому требованію, при чемъ подъ преданностію дѣлу соединенія церквей разумѣютъ готовность пожертвовать православіемъ латинству, каковую Исидоръ показалъ на самомъ соборѣ. Но подобное представленіе дѣла совершенно несправедливо въ отношеніи къ императору и патріарху. Отправляясь на Ферраро-флорентійскій соборъ, императоръ и патріархъ вовсе не имѣли въ виду того, чтобы купить союзъ съ папою цѣною пожертвованія православіемъ латинству, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ; вмѣстѣ со всѣми Греками, они питали твердую, хотя и странно легкомысленную, увѣренность, что истинѣ православія удастся восторжествовать надъ упорствомъ латинянъ, и поэтому они отправлялись на соборъ вовсе не съ предрѣшеннымъ намѣреніемъ уступить, а напротивъ, съ полною надеждою достигнуть того, чтобы сдѣлала это противная сторона; такимъ образомъ, завѣдомая готовность Исидора пожертвовать православіемъ латинству не только не снискала бы ему особеннаго благоволенія императора и патріарха, но напротивъ была бы для нихъ очень плохою его рекомендаціей. Что касается до самого Иси-

дора, то мы не можемъ сказать, когда онъ сталъ тайнымъ сторонникомъ латинства; но несомнѣнно, что онъ сталъ явнымъ его сторонникомъ не ранѣе, какъ уже на самомъ соборѣ Ферраро-флорентійскомъ" (стр. 424—425).

Вообще подобныхъ новыхъ, хотя преимущественно дробныхъ, фактовъ историческихъ, а еще чаще новыхъ объясненій уже извѣстныхъ фактовъ немало можно указать въ новомъ выпускѣ исторіи проф. Голубинскаго.

Нашъ церковный историкъ оригиналенъ (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) не только въ освѣщеніи историческихъ событій и фактовъ, но также и въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей и личностей. Примѣры подобной оригинальной оцѣнки жизни и дѣятельности историческихъ лицъ есть въ первомъ томѣ его исторіи; встрѣчаются они и во второмъ, являясь здѣсь, какъ кажется, результатомъ стремленія историка къ тому, чтобы, по возможности, не повторять того, что говорили до него другіе, чтобы всякое событіе и явленіе освѣтить съ новой стороны, сказать о немъ что-либо новое. Какъ на примѣръ подобной оригинальности проф. Голубинскаго во второмъ томѣ его исторіи должно указать на мнѣніе историка о бывшемъ кандидатѣ въ митрополиты кіевскіе и всея Россіи, послѣ св. Алексія, архимандритѣ придворнаго московскаго Спасскаго монастыря, Михаилѣ, называвшемся въ просторѣчіи уменьшительнымъ именемъ Митяя.

Извѣстно, что эта послѣдняя личность выступаетъ въ нашей исторіи въ качествѣ не вполнѣ опредѣлившагося дѣятеля. Это былъ придворный священникъ, а потомъ архимандритъ, любимецъ вел. кн. Димитрія Іоанновича Донского, очень хорошо знавшій обычаи и условія придворной жизни, успѣвшій пріобрѣсти безусловное довѣріе и любовь князя и всего вообще свѣтскаго высшаго московскаго общества. Любовь князя и свѣтскаго московскаго общества къ Митяю въ значительной степени, по прямому свидѣтельству лѣтописца, обусловливалась, между прочимъ, и тѣмъ, что Михаилъ, или Митяй, представлялъ изъ себя типъ кра-

соты духовнаго лица и обладалъ другими незаурядными качествами. „Сей убо попъ Мптяй,“ — по словамъ лѣтописца, — „бысть возрастомъ (т. е. ростомъ) великъ зѣло и широкъ и напругъ (т. е. силенъ, мускулистъ), плечи имѣя великіи и толсты, брада (у него бысть) плоска и долга, и лицемъ (бысть) красенъ (красивъ),—рожаемъ и саномъ (т. е. наружной представительностію и наружною красотою) превзыде всѣхъ человѣкъ; рѣчь легка и чиста и громогласна, гласъ же красенъ зѣло, граматѣ добрѣ гораздъ: теченіе веліе имѣя по книгамъ, и силу книжную толкуя, и чтеніе сладко и премудро, и книгами глаголати премудръ зѣло“ и. т. д.

Но насколько этотъ Митяй былъ любимъ въ свѣтскомъ обществѣ, начиная съ великаго князя, настолько его весьма не любило духовенство, начиная съ м. св. Алексія,—не любило его, какъ выскочку, человѣка гордаго, тщеславнаго, „новоука“ въ монашествѣ, и за нѣкоторыя другія отрицательныя качества его характера.

Должно замѣтить, что русскіе историки въ своихъ отзывахъ о Митяѣ, какъ историческомъ дѣятелѣ, и въ своихъ симпатіяхъ къ нему, какъ человѣку, раздѣлились между собою, такъ же какъ раздѣлялось и современное ему московское общество въ этомъ отношеніи. Одни признаютъ его „мало достойнымъ великаго сана“ митрополичьяго (Филаретъ архіеп. харьковскій: Исторія русской церкви, изд. 3, М. 1857 г., періодъ второй, стр. 87), характеризуютъ его, какъ выскочку, у котораго голова закружилась отъ счастія, честолюбца, поддерживаемаго лестію придворныхъ, не знавшаго, чѣмъ бы себя выставить изъ ряда своихъ, величавшагося своимъ положеніемъ, облачавшагося въ такія дорогія ризы, которыя такъ и блистали на немъ и. при его видной и стройной фигурѣ, увеличивали еще болѣе его красоту, умѣвшаго уживаться съ людьми и, при своей общительности и умѣ, заставлявшаго любить себя всѣхъ, *кто былъ ему нуженъ* (Геннадія Карпова: Очерки изъ исторіи россійской церковной іерархіи, М., 1865 г., стр. 92); другіе (напр. М. Макарій въ своей „Исторіи русской церкви“ С.-Пб. 1886 г. т. IV стр. 62—64; Карамзинъ въ своей „Исторіи государства рос-

сійскаго", изд. В. Максимова. С.-Пб. 1898 г., т. V, стр. 44—46), отзываются о Митяѣ сдержанно, хотя и характеризуютъ его, какъ человѣка „хитраго" (Карамзинъ), а С. М. Соловьевъ, неизвѣстно, на какомъ основаніи, говоритъ, что Митяя *любили всѣ* (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. товарищества „Общественная польза", С.-Пб., кн. I стр. 1249).

Проф. Голубинскій, со всею силою свойственной ему критики, разобравъ историческія свидѣтельства о Митяѣ, даетъ о немъ, можно сказать, восторженный отзывъ, характеризуя его, какъ дѣятеля и человѣка въ слѣдующихъ словахъ: „исключительно и совершенно выдававшаяся личность Михаила привлекла къ нему вниманіе великаго князя" (стр. 228); или „этотъ Михаилъ-Митяй, только мелькнувшій въ ряду нашихъ церковно-историческихъ дѣятелей, ибо каѳедру митрополіи ему не суждено было занять, представлялъ собою человѣка необыкновенно и феноменально замѣчательнаго" (стр. 226).

Позволяемъ себѣ не согласиться вполнѣ, въ данномъ случаѣ, съ почтеннымъ нашимъ историкомъ, такъ (*необыкновенно, феноменально, исключительно, совершенно*) превозносящимъ человѣка, не успѣвшаго сдѣлать ничего положительно добраго и замѣчательнаго для русской церкви, а между тѣмъ произведшаго или, по крайней мѣрѣ, допустившаго немалую смуту въ церкви.

Подобные оригинальные взгляды и сужденія, являясь результатомъ свойственныхъ проф. Голубинскому особенныхъ пріемовъ историческаго изслѣдованія и критики, замѣчаются и въ другихъ мѣстахъ книги, разсматриваемой нами. Для примѣра можемъ указать на замѣчанія историка о сектѣ стригольниковъ. Впрочемъ, и съ этими послѣдними рѣчами историка, въ ихъ цѣломъ, мы позволяемъ себѣ не вполнѣ согласиться. Оставляемъ въ сторонѣ то, что нашъ историкъ не даетъ въ своей книгѣ настоящей исторіи этой секты, т. е., точнѣе, не показываетъ постепеннаго развитія, если можно такъ выразиться, стригольническаго лжеученія, ограничиваясь однимъ только критико-библіографиче-

скимъ очеркомъ существующей литературы о стригольничествѣ и изложеніемъ главныхъ пунктовъ стригольническаго лжеученія, на основаніи сочиненій современниковъ секты. Между тѣмъ эти сочиненія (грамота константинопольскаго патріарха, посланіе русскаго митрополита Фотія, обличительное писаніе св. Стефана Пермскаго), какъ писанныя въ различное время—то раньше, то позже—даютъ нѣкоторую возможность установить генезисъ развитія стригольническаго лжеученія (каковой генезисъ даетъ проф. Малышевскій въ своей статьѣ: „О зарожденіи религіозныхъ сектъ въ Россіи съ раціоналистическимъ направленіемъ" въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад. 1883 г., т. III, стр. 644—684). Но особенно неожиданнымъ для насъ въ трудѣ проф. Голубинскаго является его колебаніе въ рѣшеніи вопроса о томъ, признать ли стригольничество ересью или же только расколомъ. Сказавъ дважды (стр. 396 и 398) и, повидимому, рѣшительно, что стригольники составляли собственно раскольническое общество, а не еретическое, историкъ на стр. 400 говоритъ слѣдующее: „намъ думается, что св. Стефанъ въ нашемъ случаѣ представляетъ ученіе Стригольниковъ не совсѣмъ правильно,—что они не отвергали вообще молитвъ за души умершихъ, а только признавали недѣйствительными молитвы современныхъ имъ священниковъ, и что, не отвергая пользы милостыни, они, можетъ быть, только отвергали пользу пировъ,—этой своеобразной милостыни, при чемъ благотворящій и благотворимые (нищіе) напивались за душу умершаго, почему возставалъ противъ заупокойныхъ пировъ еще преп. Ѳеодосій Печерскій. Но, съ другой стороны, не невозможно и то, что стригольники, увлекаясь суровою человѣческою справедливостію, которая ограничиваетъ милосердіе Божіе, и опираясь на законѣ и требованіяхъ ограниченной человѣческой правды, вдавались въ семъ случаѣ въ *ересь* и учили, что для человѣка, который жилъ грѣшно, не можетъ быть полезнымъ то, что дѣлаютъ для его души послѣ его смерти другіе,—что милосердіе Божіе не покупается, что надежда посмертнаго искупленія грѣховъ отнимаетъ побужденіе къ жизни праведной", и пр.

Съ одной стороны, если историкъ допускаетъ, что стригольники могли вдаваться въ ересь, то онъ не можетъ рѣшительно настаивать на томъ, что стригольники были только раскольники, а не еретики. А, съ другой стороны — что́ самое главное—историкъ не имѣетъ права не довѣрять св. Стефану Пермскому, который—совершенно въ сторонѣ оставляя его святость--былъ 1) современникъ секты; 2) по словамъ самого же историка, нарочито знакомился съ стригольничествомъ въ Новгородѣ и 3) по характеристикѣ самого же проф. Голубинскаго, былъ человѣкъ очень образованный для своего времени.

Замѣчательную особенность разсматриваемой книги представляютъ отзывы историка объ отношеніяхъ константинопольскихъ патріарховъ къ русской церкви и о грекахъ вообще. Вотъ нѣкоторые изъ подобныхъ отзывовъ: „въ Константинополѣ господствовали тогда такіе нравы, что если бы отправились туда за покупками (разумѣется мѣстъ и привилегій) всѣ русскіе епископы и игумены, то никто не возвратился бы съ пустыми руками" (стр. 254). Или вотъ какъ нашъ историкъ отзывается о греческомъ историкѣ (Никифорѣ Григорѣ): „свидѣтельство Григоры, замѣчательное тѣмъ, что представляетъ собою чуть не единственный (случайный) примѣръ рѣчей грека о дѣлахъ русской церкви, по его качеству должно быть причислено къ образцамъ греческаго извращенія исторіи и греческой легкости въ очерненіи людей изъ-за личныхъ побужденій . . . онъ съ великимъ безстыдствомъ, для котораго лгать и писать исторію можетъ значить одно и тоже, представляетъ событіе поставленія двухъ русскихъ митрополитовъ совсѣмъ обратно тому, какъ оно было на самомъ дѣлѣ, и съ тою нравственною невмѣняемостію, для которой самымъ мерзкимъ образомъ очернить человѣка ничего не стоитъ" . . . и т. д. (стр. 184).

Любопытно больше всего то, что подобныя рѣчи и отзывы какъ объ отношеніяхъ константинопольской церкви къ русской, такъ и о грекахъ вообще, являются у нашего историка нѣсколько случайными, эпизодическими, не находя-

щимися въ необходимой связи съ историческими разсказами, словомъ, составляютъ неизбѣжный результатъ того публицистическаго (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) характера, котораго не чуждъ и настоящій второй томъ исторіи его, подобно первому.

Одну изъ особенностей второго тома исторіи проф. Голубинскаго составляетъ также и то, что онъ здѣсь совершенно устраняетъ себя отъ рукописныхъ источниковъ для своей работы. И насколько ощутительна богатая эрудиція автора въ области иностранныхъ и русскихъ печатныхъ источниковъ и пособій, имѣвшая своимъ прямымъ результатомъ множество новыхъ фактовъ въ его исторіи, настолько же замѣтно нѣкоторое нерасположеніе историка къ рукописной литературѣ.

Въ иныхъ мѣстахъ устраненіе себя историкомъ отъ всякаго пользованія рукописными памятниками доходитъ даже до странностей. Такъ, на стр. 243, въ прим. 2, историкъ говоритъ слѣдующее: „въ одной рукописи XVII — XVIII в., находящейся въ библіотекѣ Св. Синода (носящей названіе Цвѣтецъ духовный) сохранились выписки изъ такъ называемой Пчелы, которыя принадлежатъ Михаилу и которыя онъ сдѣлалъ, по замѣчанію одного изъ ихъ переписчиковъ, „укоризны наводяче на Діонисія (Суздальскаго), еже о иноцѣхъ властолюбцахъ“ Возможно, что выписки имѣютъ значеніе для характеристики Михаила, а поэтому желательно, чтобы кто-нибудь нарочито посмотрѣлъ ихъ“; слѣдов., самъ историкъ даже не хочетъ и посмотрѣть ихъ.

Особенность второго тома исторіи проф. Голубинскаго составляетъ то, что онъ, повидимому, пропускаетъ, или оставляетъ безъ всякаго вниманія исторію западно-русской церкви со времени ея отдѣленія отъ церкви московской во второй половинѣ XV в. Хотя историкъ на стр. 507 даетъ обѣщаніе, что онъ „ниже будетъ вести особыя рѣчи о кіевскихъ отдѣльныхъ православныхъ митрополитахъ, но въ настоящемъ полу-томѣ онъ только мимоходомъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рѣчахъ объ отношеніи новгородцевъ къ нимъ и только въ приложеніи, какъ сказано, даетъ пол-

ный списокъ ихъ. Очень можетъ быть, что историкъ въ слѣдующихъ выпускахъ своего труда будетъ излагать отдѣльно исторію западно-русской церкви, чего мы искренно желаемъ и ожидаемъ. Но если, дѣйствительно, историкъ намѣренъ совершенно пропустить исторію западно-русской церкви или отвести ей только маленькій уголокъ въ своемъ обширномъ трудѣ, то это будетъ весьма прискорбно.

Исторія русской церкви безъ подробнаго, обстоятельнаго, научнаго изложенія исторіи западно-русской церкви, которая, при своемъ отдѣленіи отъ церкви московской въ XV в., составляла цѣлую половину всей русской церкви, жившую особенною жизнью во все время отдѣльнаго существованія, не будетъ полна, не будетъ соотвѣтствовать даже и своему названію.

Мы боимся, чтобы пропускъ исторіи западно-русской церкви или малое вниманіе къ ней проф. Голубинскаго не явились результатомъ того дѣленія исторіи русской церкви, какое устанавливаетъ проф. Голубинскій и съ какимъ мы позволяемъ себѣ не согласиться.

Вопросъ о раздѣленіи исторіи русской церкви на періоды—больное мѣсто. Извѣстно, что критики сильно нападали на предшественниковъ проф. Голубинскаго, извѣстныхъ нашихъ церковныхъ историковъ—архіеп. Филарета и м. Макарія за ихъ дѣленіе исторіи русской церкви на періоды. И самъ проф. Голубинскій не соглашается съ ихъ дѣленіями, не признавая ихъ удовлетворительными (стр. VI).

Съ своей стороны, мы не придаемъ какого-либо особенно важнаго, существеннаго значенія дѣленію исторіи на періоды, ибо, въ сущности, какъ жизнь церкви представляетъ изъ себя непрерывное движеніе и развитіе, такъ и воспроизведеніе этого движенія и развитія должно быть единымъ, непрерывнымъ. Поэтому, дѣленіе исторіи русской церкви на періоды имѣетъ преимущественно практическое значеніе, разсчитанное на то, чтобы съ большимъ удобствомъ можно было обозрѣвать исторію русской церкви. Но съ этой именно стороны дѣленіе проф. Голубинскаго является, можно сказать, въ высшей

степени неудобнымъ и возбуждаетъ противъ себя немало возраженій.

Прежде всего, проф. Голубинскій дѣленіе исторіи русской церкви на періоды беретъ готовымъ у новѣйшихъ историковъ гражданской русской исторіи (стр. VI—VII). Но едва ли можно оправдать достаточными основаніями такое позаимствованіе. Если только исторія русской церкви есть самостоятельная наука, сравнительно съ русскою гражданскою исторіей, имѣющая свой особенный самостоятельный предметъ, то она должна имѣть свои особенныя начала, на основаніи которыхъ должно дѣлить ее на періоды.

Не говоримъ уже о томъ, что границы, объемъ русской православной церкви не всегда совпадали съ границами, объемомъ русскаго государства.

Было время, когда на Руси церковь-митрополія была одна, а княжествъ, гражданскихъ обществъ было много; было время, когда русская церковь-митрополія по прежнему оставалась одна, а Русь православная въ гражданскомъ отношеніи дѣлилась между двумя политическими центрами—Москвою и Литвою; настало, наконецъ время, когда русская церковь по внѣшнему своему положенію сдѣлалась меньше, уже русскаго государства и управленіе православно-русскою церковію явилось только одною изъ частей общаго государственнаго управленія. Подобнымъ же образомъ и развитіе внутренней жизни русской церкви не всегда совпадало съ развитіемъ внутренней жизни русскаго государства. До нѣкоторой степени дѣленіе исторіи русской церкви на періоды: кіевскій, московскій и петербургскій можетъ быть признано достаточнымъ для своей цѣли въ томъ только случаѣ, если мы подъ русскою церковью съ половины XV в. будемъ разумѣть одну только московскую, или сѣверо-восточную, русскую церковь. Но, какъ сказано прежде, исключать изъ исторіи русской церкви западно-русскую нѣтъ достаточныхъ основаній, и это исключеніе будетъ весьма прискорбнымъ явленіемъ.

Проф. Голубинскій, заимствуя у гражданскихъ русскихъ историковъ дѣленіе исторіи русской церкви на періоды, въ осно-

ваніе этого дѣленія, въ частности, полагаетъ начало топографическое, при чемъ и самъ напередъ предвидитъ, что „топографическое раздѣленіе исторіи (*разумѣется, русской церкви*) на періоды можетъ показаться для иныхъ нѣсколько страннымъ" (стр. VII). Намъ же это дѣленіе представляется не столько страннымъ, сколько не имѣющимъ для себя вполнѣ достаточныхъ основаній. Хотя „значеніе топографіи въ исторіи, какъ одного изъ ея факторовъ, общепризнанно" (стр. VII), но едвали топографіи можно придавать такое значеніе, которое бы дѣлало ее главнѣйшимъ, рѣшающимъ факторомъ въ исторіи, т. е. такимъ факторомъ, который производитъ коренныя перемѣны въ направленіи хода исторической жизни. Самъ проф. Голубинскій признаетъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что у насъ въ Россіи, „съ перенесеніемъ центра жизни съ юга на сѣверъ, изъ Кіева во Владиміръ—Москву, начался новый противъ предшествующаго, условливаемый мѣстностію (разумѣется, *не исключительно ею одною*), періодъ жизни государственной и церковной" (стр. VII); слѣдовательно, и самъ историкъ, не придаетъ топографіи рѣшающаго значенія въ исторіи, въ частности, въ измѣненіи хода ея.

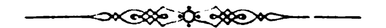
Съ другой стороны, не смотря на всю истинность и неопровержимость положеній, что „новая мѣстность условливаетъ новую противъ предшествующей жизнь" и „новая жизнь требуетъ новой мѣстности", исторія съ такою же неопровержимостію свидѣтельствуетъ намъ, что иногда жизнь гражданскихъ и церковныхъ обществъ измѣняетъ свое теченіе и направленіе даже и въ одной и той же мѣстности. Новому русскому историку, любящему пояснять прошлое жизни русской церкви аналогіями изъ жизни другихъ церквей, мы можемъ, съ своей стороны, указать на церковь греческую—константинопольскую, мать нашей русской церкви, или на церковь римско-католическую, историческій ходъ жизни которыхъ терпѣлъ значительныя измѣненія, не смотря на то, что топографическій центръ жизни той и другой церкви всегда оставался неизмѣннымъ. Наконецъ, если уже слѣдо-

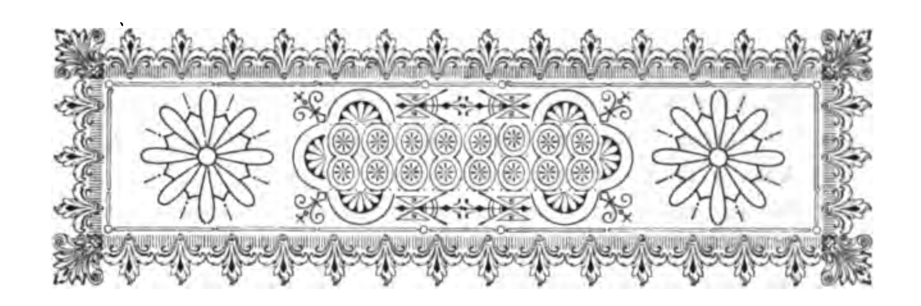
вать строго топографическому принципу, то второй періодъ исторіи русской церкви, излагаемый нынѣ проф. Голубинскимъ должно было бы назвать *не московскимъ, а владиміро-московско-литовскимъ*, такъ какъ, во 1-хъ, центръ церковной жизни нѣкоторое (и не незначительное) время послѣ 1240 г. находился собственно во Владимірѣ на Клязьмѣ, а не въ Москвѣ, и, во 2-хъ, съ половины XV в. жизнь русской православной церкви сосредоточивалась на-половину въ Литвѣ.

Вообще, принципъ для раздѣленія исторіи русской церкви на періоды желательно было бы заимствовать не изъ внѣшнихъ случайныхъ какихъ-либо условій, каковымъ должно быть признано, въ отношеніи къ церковной жизни, и перенесеніе центра гражданской жизни и управленія изъ одной мѣстности въ другую. Наоборотъ, начало для раздѣленія исторіи русской церкви желательно было бы заимствовать изъ внутреннихъ, существенныхъ особенностей теченія исторической жизни русской церкви.

Въ заключеніе отъ всего сердца привѣтствуемъ русскую церковно-историческую науку съ такимъ драгоцѣннымъ приращеніемъ, какое, по истинѣ, представляетъ новый полутомъ исторіи проф. Голубинскаго, а самому маститому историку желаемъ скорѣе приготовить и выпустить продолженіе своего труда.

Свящ. Ѳ. Титовъ.





Пѣсня о Соловьѣ-разбойникѣ, слышанная въ Васильковскомъ у. Кіевской губ.

Пѣсню о Соловьѣ-разбойникѣ я записалъ со словъ мѣстнаго преподавателя Г. И. Антонова, уроженца Кіевской губ., сохранившаго въ памяти не мало различныхъ произведеній народной малорусской словесности, которыя онъ усвоилъ еще съ дѣтства и юности; были у него и записи, но затерялись, и теперь осталось лишь то, что удержалось въ памяти, какъ сообщаемая здѣсь пѣсня. [1]) Эту послѣднюю не разъ слыхалъ онъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ с. Паляниченцахъ, Васильковскаго уѣзда, отъ дѣвушки-малороссіянки Наталки Дармостукъ. Вотъ текстъ пѣсни въ точной передачѣ, какъ слыхалъ его я отъ г. Антонова и какъ запечатлѣлся онъ въ памяти г. Антонова [2]):

Соловей-розбойныче! Чомъ пісеньки ны паёшъ?
Склонывъ головоньку, чомъ зернятка ны клюёшъ?
— Ой, співавъ бы я пісеньку, каг'да голосу нѣтъ;
Ой, клювавъ бы я зернятка, каг'да волыньки нѣтъ!
Ой, серебряная клѣтушка, вона мене веселыть,
А залѣзная рѣшотушка серце мое сокрушыть.

---

1) За любезное сообщеніе пѣсни и всѣхъ подробностей, относящихся къ ней, приношу г. Антонову глубокую дружескую благодарность.

2) Въ записи словъ пѣсни я въ общемъ старался придерживаться общепонятной передачи звуковъ малорусской рѣчи; *г'* отмѣчаетъ особенно сильную придыхательность *г*, *ы* въ отрицаніи *ны*—нѣчто среднее между твердымъ *е* и *ы*; гдѣ *ѣ*, тамъ слышится *е* мягкое. Рѣчь не чисто малорусская.

Отчиню я кватырочку, подывлюсь на бѣлой свѣтъ:
Ой, увыдівъ я галочку. та ны весь бѣлой свѣтъ....
Ой, леты, леты, галочко, ажъ у гору высоко,
Ажъ у гору высоко, ажъ у мою сторону;
Та ны кажи, галочко, що у неволыньці сыжу,
А скажи, галочко, що по волыньці хожу.
Ой, скажи-жъ, скажи, що по волыньці хожу,
Що по волыньці хожу, медъ-горилку пью!

Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе имя Соловья-разбойника. Соловей-разбойникъ—одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и типичныхъ героевъ русскаго богатырскаго эпоса, а потому упоминаніе о немъ въ лирической пѣснѣ, въ частности, пѣвшейся въ Малороссіи, является фактомъ, свидѣтельствующимъ объ извѣстномъ распространеніи былинныхъ традицій, и особенно интересно съ точки зрѣнія отраженія этихъ традицій въ Южной Руси. Былинный Соловей-разбойникъ извѣстенъ на югѣ Россіи. Такъ, вь одной изъ малорусскихъ сказокъ разсказывается, что „въ гаю живъ Соловей, великій розбойникъ, сильный могучій багатырь. И убивае вінъ своимъ свистомъ за пять верстовъ. Якъ свиснувъ, то кінь и впавъ на передні ноги“... [1]) Ср. въ „Народн. легендахъ про Кіевъ и его окрестности“, Игн. Трусѣвича: „Илья захватилъ Соловья-разбойника и привелъ его во дворъ князя, который давалъ тогда пиръ. Гости попросили, и Илья приказалъ Соловью свистнуть, но никто не могъ выдержать его свиста; едва онъ раздался, какъ многіе мертвыми уже лежали на землѣ. Тогда Илья вынулъ свою острую саблю и на куски, не больше маковыхъ зеренъ, изрубилъ тѣло разбойника. Эти кусочки тутъ же обратились въ маленькихъ птичекъ, которыя разлетѣлись по всему свѣту. Голосъ разбойника, раздробленный на части, потерялъ свою страшную силу“ [2]).

На эти совпаденія съ былинными данными обыкновенно смотрятъ, какъ на старые, исконные слѣды богатырскаго эпоса

---

[1]) Записки о южной Руси II, 48—59.
[2]) Кіевлянинъ. 1866 г., № 6.

нашего, нѣкогда широко распространеннаго въ Южной Руси, гдѣ онъ въ значительной степени сложился и лишь позднѣе заглохъ подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій и новаго малорусскаго эпоса. Такой взглядъ покоится главнѣйшимъ образомъ на томъ все болѣе и болѣе утверждающемся убѣжденіи, что родина богатырскаго эпоса именно на югѣ Руси и что старое былинное преданіе, несмотря на всѣ коренныя перемѣны въ Южной Руси, не могло въ ней вдругъ оборваться и сразу угаснуть. Но какъ въ семидесятыхъ годахъ, когда этотъ взглядъ былъ впервые опредѣленно и прямо выраженъ, онъ показался весьма спорнымъ, такъ и послѣ надъ нимъ тяготѣютъ нѣкоторыя сомнѣнія и ограниченія. Проф. Халанскій на долю юга оставляетъ лишь нѣсколько былевыхъ сюжетовъ; бо́льшую же массу ихъ пріурочиваетъ къ Великороссіи и, въ случаяхъ совпаденія кое-чего изъ этой второй части съ данными южнорусскими, склоненъ видѣть результаты позднѣйшаго культурнаго воздѣйствія Великороссіи на Малороссію.[1]) Подобнымъ же образомъ и Вс. Ѳ. Миллеръ относится весьма скептически къ остаткамъ былинъ въ Малороссіи и въ частности, напримѣръ, полагаетъ, что южно-русскія сказки объ Ильѣ Муромцѣ (а слѣдовательно, и о Соловьѣ) „не свободны отъ подозрѣнія въ великорусскомъ или, можетъ быть, лубочномъ происхожденіи“[2]). Наконецъ, и профессоръ Н. И. Петровъ, не отрицая въ общемъ южно-русскаго происхожденія Ильи, настаиваетъ на

---

[1]) Великорусскія былины кіевскаго цикла, гл. XVIII.

[2]) „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ“ —см. въ „Очеркахъ русской народной словесности“ стр. 67—68 Замѣчу, что легенда Трусѣвича также несомнѣнно восходитъ къ сказкамъ; ср. бѣлорусскую сказку „Якъ Ильля Мурамецъ пубядіу Салауя разбойника, Абжору, Алькадима“, запис. въ Смоленской губ.: когда Соловей, вопреки приказанію Ильи, свиснулъ во весь голосъ, Илья раздробилъ его на мелкіе кусочки, „тада узяу крошичку парубемши и дунеть на крошичку—салавейкый та крошичка и палятить, салауемъ“... (Смоленскій этнографическій сборникъ В. Н. Добровольскаго, ч. I. 1891 г., стр. 397—401).

пріуроченіи побѣды Ильи надъ Соловьемъ къ территоріи нынѣшней Орловской губ. [1]).

Входить въ подробное разсмотрѣніе такихъ мнѣній я не стану: это завело бы меня далеко за предѣлы частнаго вопроса, служащаго предметомъ настоящей статьи. Мнѣ важно лишь отмѣтить существующіе на данный вопросъ взгляды, ибо при наличности сомнѣній, о которыхъ только что было упомянуто, разсматриваемая пѣсня о Соловьѣ-разбойникѣ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, такъ какъ она даетъ ясное и вполнѣ опредѣленное указаніе на то, какъ она попала въ Малороссію и откуда въ ней упоминаніе о Соловьѣ-разбойникѣ. Уже самый слогъ ея нѣсколько страненъ и какъ бы свидѣтельствуетъ или о томъ, что записана она отъ лица, искажавшаго малорусскую рѣчь, или о томъ, что по происхожденію своему она не малорусская. Первое надо исключить, ибо лицо, отъ котораго я записалъ пѣсню, хорошо знаетъ малорусскую рѣчь и, диктуя мнѣ текстъ, само обращало вниманіе на странности слога; также и Наталка Дармостукъ, по утвержденію г. Антонова, коренная малороссіянка,—другія пѣсни пѣла чисто по-малорусски.

Къ тому же, если сравнить разбираемую пѣсню о Соловьѣ-разбойникѣ съ другими малорусскими пѣснями, то отдѣльныхъ сходныхъ чертъ найдется между ними не мало, въ родѣ хотя бы пѣсенныхъ пріемовъ обращенія къ Соловью, галкѣ и галкамъ, [2]) совпадающихъ иногда и съ близостью общей мысли, напримѣръ:

Соловейко маленький,
Въ тебе голосъ тоненький;
Защебечи ты мені,
На чорвоній калині сидючи.
Ой, радъ бы я защебетать,
Та въ мене голосу зовсімъ нема:

---

[1]) Историко-географическая основа былинъ о побѣдѣ Ильи Муромца надъ Соловьемъ Разбойникомъ, отд. отт. изъ 2 кн. V-го тома „Извѣстій отд. р. яз. и слов."

[2]) Ср. напр. Чубинскаго V томъ, 479, 295, 864, 463—65, 590—1, 758—9, 459 и др.

Истерявся голосочокъ,
Истерявся мій тоненький,
По чужихъ садахъ літаючи,
Ягоду гіркую клюючи,
По матері й батькові тужучи,
По батькові тужучи,
По матері плачучи. [1])

Но черты сходства здѣсь слишкомъ общи, и, главное, хотя здѣсь есть уже нѣкоторое сліяніе соловья и героя пѣсни, но нѣтъ неволи, темницы. Этотъ послѣдній элементъ яснѣе выступаетъ въ другихъ пѣсняхъ, наиболѣе подходящимъ образчикомъ которыхъ служитъ пѣсня изъ сборника г. Гринченка:

Да не шумы, не гуды,
Зелена діброва!
А не плачь, не тужы,
Дивко чорноброва!
Якъ же мени
Не тужыть, не плакать,
Що мій другъ Иване
Сыдыть у неволи!
А въ якій неволи?
А въ темній темныци.
Що у тій темныци
Ни двирей ни виконъ,
Тилько въ тій темныци
Труба дымовая;
А зъ туейи да трубы
Дымокъ вылетае.

[1]) Чубинскій V, 479, изъ Харьк. губ.; ср. ibid. 938; или у Я. П. Новицкаго, Малорусскія пѣсни, преимущественно историч., собранныя въ Екатеринославск. губ., въ Сборникѣ харьков. ист.-филол. общ., т. VI, стр. 124: казакъ тоскуетъ по родинѣ; ср. у Метлинскаго, Южнорусскія народн. пѣсни, 463; Головацкаго I, 381.

А нихто до Ивани
Да й не завитае,
Ни отець, ни маты,
Ни братъ, ни сестрыця;
Тилькы завитае
Дивка красавыця [1]).

Такимъ образомъ, здѣсь ясно выражена *тоска въ заключеньи*, но къ послѣдней примѣшанъ и мотивъ выкупа, чего въ нашей пѣснѣ нѣтъ; нѣтъ здѣсь и соловья. Ближе всего къ нашей пѣснѣ другая пѣсня изъ того же сборника г. Гринченка, въ которой, однако, мѣсто соловья занимаетъ „ремезочокъ":

Якъ заспива, заспива ремезочокъ,
У золотій клити та сыдяче,
На зеленійи дибровы все глядяче:
„Вы дибровы, дибровы зеленійи,
Та вже мени по васъ викъ не литаты,
Ремезового гнизда вже не завываты,
А малесенькыхъ диточокъ вже не годуваты".
Якъ затуже, заплаче розбойнычокъ,
У темній темныци та сыдяче,
Та на бытійи шляхы все глядяче:
„Вы шляхы мойи, шляхы быти,
Та вже мени по васъ викъ не ходыты
И багатого купця вже не розбываты,
Государеви казны вже не наповняты"(?). [2]).

Но послѣдніе два стиха что-то слишкомъ ужъ отзываются великорусскими разбойничьими пѣснями, а мѣсто за-

---

[1]) Б. Д. Гринченко, Этнограф. матеріалы, Ш 684; ср. Чубинскаго, V, стр. 341 № 667, ср. также Антоновича и Драгоманова I стр. 102, № 34 и Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, Херсонской губ. — въ Сборникѣ Харьк. и-ф. общ., т. V, 140: казакъ въ неволѣ! отецъ, мать, братъ, сестра отказываются выкупить; милая выкупаетъ.

[2]) Этнограф. матеріалы Ш 617, зап. въ Сумскомъ у. Харьк. губ. въ 1885 г.

писи пѣсни. въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губ., еще болѣе дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе о возможности великорусскаго вліянія. Да и помимо того, не смотря на все сходство между этой пѣснью и нашей, до полнаго совпаденія между ними еще далеко, и потому, оставивъ малорусскіе варіанты, типичные образчики которыхъ я всѣ отмѣтилъ, перейдемъ къ варіантамъ бѣлорусскимъ и великорусскимъ, на которыя указывалъ самый языкъ нашей пѣсни.

Бѣлорусскіе варіанты также довольно многочисленны и разнообразны, и одинъ изъ нихъ какъ разъ отличается поразительной близостью къ пѣснѣ изъ Васильковскаго уѣзда:

Чаго ты, солоуюшко, смутенъ не веселъ, повѣсивъ головочку,
Зернушка не клюешъ, пѣсенъ не пяешъ?
Клювавъ бы я зернушко—коды волюшки нѣтъ,
Запѣвъ бы я пѣсеньку, коды голосу нѣтъ.
Зеленая руточка, зелѣзная рашотушка молойцу серца сокрушила.
Лети, лети, галочка, лети въ мою сторону, неси поклонъ мойму батюшку, и ще матушцы родной,
Не сказывай, галочка, што я тутъ журуся,—
Скажи, скажи, галочка, што я тутъ молодъ жанюся.
Не сказывай, галочка, што я у неволи сижу—
Скажи, скажи, галочка, што по улушкѣ хожу [1]).

Здѣсь одного лишь не достаетъ: не достаетъ такого отожествленія узника съ Соловьемъ-разбойникомъ, какое отражается въ пѣснѣ изъ Васильковскаго уѣзда; не находимъ данныхъ для этого отожествленія и въ другихъ бѣлорусскихъ варіантахъ, но отсюда нельзя еще дѣлать вывода, что узникъ получилъ имя Соловья-разбойника уже въ Малороссіи. Во-первыхъ, надо отмѣтить, что варіантъ Васильковскаго уѣзда

---

[1]) Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ, т. I, стр. 65 № 4. Ср. ibid. на стр. 63—66: въ этихъ пѣсняхъ также встрѣчается просьба о выкупѣ, отказъ кровныхъ родныхъ, участіе милой. Ср. въ „Гомельскихъ нар. пѣсняхъ“ З. Радченко № 188 на стр. 212 о соловьѣ въ клѣткѣ, начин.: „Ты воспой, ты воспой же, мой да соловьюшка“...

вообще, повидимому, сохранился лучше бѣлорусскаго варіанта, носящаго довольно замѣтные слѣды утратъ. Во-вторыхъ же, Бѣлоруссія сама получила пѣсни разсматриваемаго типа изъ Великороссіи, и въ частности, для версіи, легшей въ основу приведеннаго бѣлорусскаго варіанта и варіанта Васильковскаго у., явилась только переходнымъ этапомъ, а въ Великороссіи отожествленіе узника съ Соловьемъ-разбойникомъ было хорошо извѣстно. На Великороссію въ бѣлорусскихъ варіантахъ указываютъ и особенности склада ихъ, въ родѣ:

Загибая бѣдная мальчишка въ чужой дальней сторонѣ.
...Тогды я мальчикъ живъ, веселився,
Якъ имѣвъ свой капиталъ. Капиталъ же я мальчикъ
промотавъ, во неволю жить попавъ.

Затѣмъ о томъ же вліяніи свидѣтельствуетъ, напримѣръ, обозначеніе города, съ которымъ молодецъ прощается, попадая въ тюрьму:

„Ты прощай, городъ столица, прощай, славная Москва“ [1]).

Наконецъ, самое содержаніе бѣлорусскихъ варіантовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, въ родѣ обращенія къ галкѣ, цѣликомъ покрывается великорусскими варіантами, среди которыхъ есть между прочимъ и такой:

Соловей, соловьюшекъ,
Что не веселъ ты сидишь,
Головку повѣсилъ,
Зерно, право, не клюешь?
„Склевалъ бы я зернышко,
Да волюшки нѣтъ;
Запѣлъ бы я пѣсенку,
Мнѣ голосу нѣтъ!“
Соловей, соловьюшекъ,
Хотятъ тебя изловить,
Въ золотую клѣточку
Хотятъ тебя посадить!

---

[1]) Е. Романовъ I 66 № 6, 65 № 3.

—„Золотая клѣточка
Изсушитъ-крушитъ меня;
Зеленая вѣточка
Веселитъ съ горя меня.
Каковъ былъ соловьюшекъ—
Сильный храбрый богатырь,
Я теперь, соловьюшекъ,
Въ острогѣ сижу.
Всѣ друзья товарищи,
Всѣ забыли про меня;
Вотъ милыя дѣтушки
Тужатъ-плачутъ обо мнѣ!“ [1])

Сходства этой пѣсни съ предыдущими варіантами, кажется, нечего доказывать, чисто-великорусское происхожденіе и основное значеніе ея въ ряду выше отмѣченныхъ вытекаетъ отчасти изъ всего указаннаго доселѣ, а затѣмъ—изъ общаго разсмотрѣнія тѣхъ великорусскихъ пѣсенъ, къ которымъ принадлежитъ и данная.

Въ нашихъ пѣсняхъ весьма популяренъ типъ безпріютнаго добраго молодца, который погоней ли за таланомъ-участью, или другими обстоятельствами занесенъ на чужбину и томится тамъ, а нерѣдко и погибаетъ, вдали отъ родныхъ, близкихъ, любимой женщины. Формы, въ которыя отливается этотъ типъ, разнообразны и являются обыкновенно отраженіемъ бытовыхъ условій, среди которыхъ проходитъ жизнь народа, въ родѣ казачества, невольничества, солдатчины, тюрьмы и т. п. Тюрьма, съ ея ограниченіемъ вольной волюшки и возмездіемъ за былое, наложила на эти пѣсни столь сильный отпечатокъ, что даже дала свое названіе цѣлому ряду ихъ, именно пѣснямъ т. н. темничнымъ, къ которымъ относятся и разсматриваемые здѣсь варіанты. Наиболѣе многочисленны, полны и разработаны великорусскія тем-

---

[1]) Великорусскія народныя пѣсни, изд. А. И. Соболевскимъ. т. VI, № 475.

ничныя пѣсни, что и понятно: въ Малороссіи и Бѣлоруссіи самая жизнь тюремная—явленіе болѣе молодое и менѣе установившееся, чѣмъ въ Великороссіи.

Содержаніе великорусскихъ темничныхъ пѣсенъ по преимуществу сводится либо къ раздумью молодца предъ ожидающею его участью, либо къ воспоминаньямъ о прошломъ, которое смѣнилось тоскою въ неволѣ да жаждой свободы, зачастую—жаждой безплодной! Очень рѣдко пѣсня насъ вводитъ in medias res; обыкновенно она начинается запѣвомъ, въ которомъ находится обращеніе къ какому-нибудь предмету изъ внѣшняго міра, напр.:

Ты воспой-ка-ся, воспой, младой жавороночекъ,
Ты воспой-ка-ся, воспой весной на проталинкѣ.
Ты утѣшь-ка-ся меня, добра молодца,
Сидючи меня въ темной темницѣ... [1]).

Встрѣчается обращеніе и къ голубю, но собственно въ тѣхъ варіантахъ, гдѣ пѣсня о молодцѣ въ тюрьмѣ вложена въ уста его милой [2]).

Здѣсь голубь съ одной стороны -вѣстникъ, какъ эта роль часто ему приписывается въ народной словесности [3]); а съ другой стороны, онъ же до извѣстной степени является и символомъ узника;

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ сизаго относитъ?
Частымъ дождемъ крылья-перья мочитъ?
Мой миленькій, мой милой дружочекъ,
Ты почто, для чего рѣдко въ гости ходишь?
Твой отецъ, да мать тебя не спускаютъ?
Родъ они, племя тебѣ запрещаютъ? [4])

---

[1]) Великор. народныя пѣсни, изд. проф. А. И. Соболевскимъ, VI 487; ср. ibid 485, 486, 488—491.

[2]) VI 501, 502, 504, 505, 506, 507, 508; въ № 503 вмѣсто голубя ласточка-касаточка.

[3]) Ср. у Потебни, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, ч II, passim.

[4]) Родные не мѣшаютъ, держитъ тюрьма.

Но особенно выступаетъ символизмъ, когда въ запѣвѣ соловей или, что рѣже, соколъ, орелъ. Запѣвъ при этомъ разростается, охватываетъ постепенно все содержаніе пѣсни и порождаетъ въ высшей степени художественный параллелизмъ. Состарился орелъ, пробивала у него сѣдинушка между рѣзвыхъ крылъ, побѣлѣла головушка, ровно бѣлой снѣгъ, потускнѣли очи ясныя, примахались крылья рѣзвыя, обломались остры когти,—и сталъ онъ жертвой черныхъ вороновъ; была пора, леталъ младъ-ясенъ соколъ по поднебесью, бивалъ гусей, лебедей, сѣрыхъ уточекъ, а теперь онъ въ клѣточкѣ, на нашесточкѣ, въ великой неволюшкѣ: таковы символическіе образы нашего молодца, и нерѣдко эти образы заслоняютъ самый предметъ пѣсни. Въ пѣсняхъ съ соловьемъ подобное распространеніе запѣва можно прослѣдить довольно послѣдовательно:

Ты воспой, ты воспой, младъ соловьюшекъ,
Ты воспой, воспой пѣсню новую,
Пѣсню новую, молодецкую
Про меня-то молодца, про невольничка...[1])
При долинушкѣ
Выросъ кустъ калинушки.
На этой на калинушкѣ
Сидитъ соловейко,
Сидитъ, громко свищетъ.
Подъ неволюшкой
Сидитъ добрый молодецъ,
Сидитъ слезно плачетъ...[2])

Болѣе сложенъ запѣвъ въ слѣдующей пѣснѣ, гдѣ вполнѣ ясно вырисовывается и символическое значеніе соловья, но гдѣ также достаточно видно, что соловей и узникъ предметы различные:

---

[1]) Соболевскій VI, 494.

[2]) Ibid № 472, ср. №№ 473, 471, 470. Иногда, какъ см. дальше въ № 474, къ образу соловья присоединялся и другой образъ.

Зеленый садочекъ,
Что же ты рано не цвѣтешь?
Молодой соловьюшекъ,
Что же ты пѣсенъ не поешь?
—Запѣлъ бы я пѣсенку,
Да голосу нѣтъ;
Клевалъ бы я зернышки,
Да волюшки нѣтъ:
Золотая клѣточка
Велитъ мнѣ умереть!
Когда былъ на волюшкѣ,
Былъ я сильнымъ богачомъ;
Теперь сижу въ неволюшкѣ,
Въ замкѣ заключенъ.
Всѣ друзья-пріятели
Забыли обо мнѣ;
А жена, малы дѣтушки
Слезно плачутъ обо мнѣ. [1])

Однако, коль скоро совершилось такое распространеніе запѣва съ развитіемъ образа „соловей въ клѣткѣ", какъ символическаго обозначенія узника, въ частности разбойника, неминуемо должно было послѣдовать и дальнѣйшее развитіе самой пѣсни во всемъ ея объемѣ и содержаніи. Символическій образъ, разростаясь все больше и больше, покрывалъ основное содержаніе пѣсни; ср., напримѣръ, у проф. Соболевскаго № 479 (т. VI), гдѣ на 26 стиховъ запѣва (т. е., собственно того, что развилось изъ первоначальнаго запѣва) всего 12 стиховъ о самомъ молодцѣ; или ср. тамъ же №№ 481, 477, гдѣ отъ основного содержанія только общая мысль, а все остальное—распространенный запѣвъ. [2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ,

[1]) Собол. VI 474. Впрочемъ, нѣкоторое вліяніе пѣсенъ, гдѣ узникъ отождествился съ Соловьемъ, замѣчается здѣсь: „сильный богачъ" своего рода интерпретація „сильнаго богатыря" №-ра 475.

[2]) Ср. З. Радченко, цит. соч., № 188. См. также передѣлку Цыганова, въ изд. Суворина № VII, и Шейна „Великоруссъ" I, 1 № 769.

при такой тѣсной связи внѣшняго образа съ главнымъ предметомъ пѣсни, между тѣмъ и другимъ не могло не произойти нѣкотораго смѣшенія и перенесенія чертъ одного на другой; вѣдь, въ сущности путь къ такому перенесенію былъ даже открытъ тѣмъ, что соловей для аналогіи съ узникомъ былъ помѣщенъ въ клѣтку! Это смѣшеніе должно было стать тѣмъ неминуемѣе и выразиться тѣмъ рѣзче, что имя соловья напомнило извѣстнаго былиннаго Соловья-разбойника, который къ этому времени сталъ какъ бы типическимъ образомъ разбойника (послѣднее доказывается помѣщеніемъ Соловья-разбойника въ сказки, чуждыя всякой былинной основы и пользующіяся Соловьемъ именно только, какъ славнымъ разбойникомъ вообще). И вотъ, соловьюшекъ въ клѣткѣ превратился въ „сильнаго храбраго богатыря", узника тожъ. Таковъ онъ въ вышеприведенной пѣснѣ, записанной въ Воронежской губ., таковъ и по пѣснѣ Курской губ.:

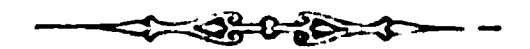
Соловьюшко не благъ, не веселъ,
Да повѣсилъ головушку, сѣмя не клюетъ.
Клевалъ бы я сѣмечко, да у меня волюшки нѣтъ.
Воспѣлъ бы я пѣсенку, да у меня голосу нѣтъ.
Жилъ былъ у Россеюшки первый богатырь...
Всѣ друзья-пріятели не придутъ ко мнѣ;
Дѣточки-малюточки не плачутъ обо мнѣ;
Громкія желѣзушки на ноженькахъ звенятъ,
Шелковая травушка ноженьки плететъ,
Моей головушкѣ ходу не даетъ.
Зеленая вѣточка сердце веселитъ;
Золотая клѣточка помирать велитъ [1])

Память о богатырствѣ Соловья могла затѣмъ и утрачиваться, но связь между Соловьемъ и узникомъ была уже закрѣплена, и полуфантастическій образъ птицы-узника сдѣлался достояніемъ нашей болѣе новой пѣсни, подобно тому какъ въ древности созвучіе именъ былиннаго разбойника и

[1]) Собол., VI, 476.

того же соловья создало извѣстный полуфантастическій образъ былинъ. Изъ Великороссіи онъ перешелъ въ Бѣлоруссію и Малороссію, при чемъ въ эту послѣднюю могъ попадать двумя путями: черезъ Бѣлоруссію и непосредственно изъ Великороссіи. Первый путь послѣ всего изложеннаго, кажется, внѣ сомнѣнія; на возможность второго пути указываютъ многія записи великорусскихъ и малорусскихъ варіантовъ; среди великорусскихъ варіантовъ есть записанные въ Курской, Воронежской губерніяхъ, въ Терской области, а въ Малороссіи болѣе или менѣе подобныя пѣсни записаны въ Сумскомъ и др. уѣздахъ Харьковской губ., въ Черниговской губ. и др. [1]) При такихъ путяхъ распространенія и при разнообразіи самыхъ великорусскихъ варіантовъ, естественно, не могли не оказаться разновидными и малорусскіе варіанты; подводить ихъ всѣ подъ опредѣленныя версіи не входитъ въ мою задачу, такъ какъ мнѣ нужно было только прослѣдить, откуда и какимъ образомъ въ пѣснѣ, записанной въ предѣлахъ Малороссіи, появилось имя Соловья-разбойника. Если при этомъ я пришелъ къ выводу, что такое сліяніе пѣсни и былевого преданія совершилось не на малорусской почвѣ, въ частности не на почвѣ малорусскихъ переживаній стараго южно-русскаго эпоса, то вмѣстѣ съ тѣмъ я далекъ отъ мысли обобщать свое частное наблюденіе и отрицать всѣ вообще т. н. остатки былинъ на югѣ Руси. Но провѣрять происхожденіе ихъ, я думаю,—дѣло далеко не лишнее.

А. Лобода.



[1]) Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что сѣверо-западная часть Черниговской губерніи близка была и къ Бѣлоруссіи.

Бердичевскій календарь 1828 г.

Въ спискѣ Бердичевскихъ календарей, названныхъ въ интересной статьѣ г. А. Лазаревскаго („Чтенія“, настоящей книги вып. II, стр. 102—107), не упомянутъ одинъ изъ календарей 1828 г., переведенный съ польскаго, о чемъ ясно говорятъ нѣкоторые полонизмы не только въ текстѣ, но и въ заглавіи.

Приводимъ краткое описаніе этой книжечки.

„Аптека домашняя | и дорожнея | лѣкр. пресмотрѣния | вмисть съ | полнымспискомъ бѣлью | съ общея | таблицию доходовъ и расходовь | и. визначеного | Всегодашніи календаръ | изданніе | оригинальное. [Вѣнокъ изъ типогр. украшеній, въ немъ инициалы:] М. Ш. Ш. [по сторонамъ его объясненіе:] для воров | скаго перепе | чатанія съ | печатью | моего, имени | замѣченное. | М. Беардичевъ, 1828 года | in 16°. стр. 12+8. Четыре черныхъ таблички для записыванія грифелемъ. Въ кожаномъ буромъ переплетѣ.

Книжечка напечатана крайне небрежно, съ массой опечатокъ, строки не сравнены и буквы одна выше другой.

Содержаніе: Стр. 2 (обор. загл. л.) Оглавленіе на аптеку домашнюю и дорожную; стр. 3—желудочныя капли, отъ разслабленія членовъ у дѣтей; стр. 4—средство отъ заразительныхъ горячекъ, лѣкарство отъ глазныхъ болѣзней; стр. 5—лѣк. отъ укушенія бѣшенныхъ собакъ, отъ вѣтровъ въ брюхѣ; напитокъ, вычищающій кровь; лѣк. отъ поноса; стр.

6—лѣк. отъ запора мочи, отъ мозолей, отъ кашля, отъ колики, отъ головной боли; стр. 7 — лѣк. отъ сыпи, отъ вшей, слабительное; стр. 8 — отъ кровотеч. изъ носа, отъ запора, отъ бородавокъ, средство отъ клоповъ; стр. 9—лѣк. отъ глистъ, отъ зубной боли, отъ веснушекъ, отъ досадованія и страха; стр. 10—средство отъ моли, отъ блохи, отъ ознобленія; стр. 11—средство для вывода пятенъ, сальныхъ и краски, чернилъизъ шелковыхъ, шерстяныхъ и полотняныхъ тканей; стр. 12--о томъ же съ помощью сѣрной и соляной кислотъ.

1-я стр. новой нумераціи — „Полная | роспись бѣлью | по азбукѣ | съ | общей | таблицею расходовъ и при | ходовъ; | на | цилый годъ | которые аспидымъ каран | дяшемъ записываются на ка | менномъ пергаминѣ находя | щемся на краю | .

На обор. (стр. 2)—вичный колендаръ. Далѣе—названія бѣлья.

Книжка пріобрѣтена мною въ г. Прилукахъ изъ бывшихъ книгъ протоіерея Завадскаго-Краснопольскаго.

Характерное ея отличіе отъ многихъ другихъ Бердичевскихъ календарей— преобладаніе медицинскихъ совѣтовъ.

В. Перетцъ.

Считаемъ умѣстнымъ отмѣтить въ нашей хроникѣ слѣдующія интересныя монографіи по южнорусской исторіи и исторіи малорусской словесности, съ ихъ вспомогательными науками, поступившія въ книжное обращеніе въ послѣдніе два года:

1. *В. П. Горленко. Украинскія были. Описанія и замѣтки. К. 1899 г.—Стр. 168 in 12° ц. 1 р.*—Авторъ со свойственнымъ ему литературнымъ талантомъ представилъ въ этой книжкѣ нѣсколько очерковъ изъ религіозной, бытовой и художественной исторіи Украины въ XVII—XIX вв. Передъ читателемъ проходитъ рядъ изящно и характерно очерченныхъ силуэтовъ украинской старины, отошедшей въ область невозвратнаго прошлаго, но все-таки близкой сердцу современнаго украинца. Встаютъ такія личности, какъ св. Дмитрій Ростовскій, Мельхиседекъ Значко-Яворскій, „типъ стариннаго малороссійскаго духовенства, духовенства воюющаго, боевого, какихъ мы встрѣчаемъ не мало на страницахъ бурной, тяжелой исторіи Украины“, и, съ другой стороны, маленькіе люди монастырскаго міра; „придворный бандуристъ въ бѣгахъ и бѣгуны отъ науки“; „стихотворецъ-обыватель начала XIX вѣка“; Дмитрій Левицкій, „котораго по-истинѣ можно назвать живописцемъ Екатерининскаго вѣка“, принадлежащимъ къ „дѣятелямъ въ исторіи искусствъ, неразрывно связаннымъ съ извѣстною эпохой, такъ полно отразившимъ ее въ себѣ и, въ свою очередь, такъ всецѣло ей принадлежавшимъ, что самыя имена ихъ воскрешаютъ предъ нами эту эпоху со всѣми ея особенностями“, — и „портретистъ и религіозный художникъ“, Боровиковскій. Этихъ истинныхъ художниковъ Екатерининскаго времени, „трудъ которыхъ должно считать началомъ появленія самобытнаго искусства въ Россіи, произвела Малороссія и ея зарождавшаяся культура“. Наряду съ этими образами представителей религіозной жизни и художественнаго творчества Малороссіи, а также характеристикою „коварника“ Г. Н. Теплова въ книжкѣ г. Горленка нарисовано нѣсколько кар-

тинъ помѣщичьей жизни въ Малороссіи стараго времени („Бабушка Полуботкова“), быта военныхъ поселеній въ Уманьщинѣ, очерковъ современной народной жизни („Крестьянская ярмарка“, „Послѣдніе Кобзари“) и т. д. Читается книжка вполнѣ легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ.

2. *А. В. Стороженко. Очерки Переяславской старины. Изслѣдованія, документы, замѣтки. К. 1900 г. Стр. 235 in 12°.*— Почтенный изслѣдователь украинской старины даетъ въ этой книжкѣ рядъ цѣнныхъ въ научномъ отношеніи этюдовъ, начиная съ древнѣйшихъ извѣстій о Переяславѣ, сообщенныхъ начальною лѣтописью и оканчивая XVIII-мъ вѣкомъ. Одинъ этюдъ посвященъ „Переяславскимъ торкамъ“. Историкъ Украины послѣ татарскаго нашествія найдетъ въ очеркахъ г. Стороженка много цѣнныхъ, тщательно и научно обставленныхъ, свѣдѣній и данныхъ, за сборъ и изслѣдованіе которыхъ нельзя не поблагодарить автора. Остается пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ другихъ монографій г. Стороженка.

3. Выдающимся научнымъ интересомъ отличаются двѣ новѣйшія книги *В. Н. Перетца*: Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованіе о вліяніи русской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Часть 2. Приложенія. Описаніе сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII в.—Спб. 1900 г. Стр. 425 + 209.

Н. Д.

Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго географическаго общества въ Западно-русскій край“. Составленъ студентомъ Чеславомъ Багенскимъ подъ редакціей профессора Е. Ѳ. Будде. Казань 1900 г. Стр. XVII + 66.

Указатель имѣетъ въ виду только цѣли русской лингвистики; онъ—географическій; имена распредѣлены въ шесть отдѣловъ; боль-

шое количество отдѣловъ затрудняетъ пользованіе указателемъ; нѣсколько селъ не опредѣлены въ своей административной принадлежности; къ числу неопредѣленныхъ отнесено и „Поросье“, означающее мѣстность по р. Роси. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе съуженія цѣли указателя, VI-й и VII-й томы не вошли въ выборъ именъ. Означенныя особенности настоящаго „Указателя“ заставляютъ желать составленія общаго ключа къ всѣмъ томамъ „Трудовъ“, для всякихъ научныхъ цѣлей и въ строго алфавитной системѣ.

Старинныя описи Литовской метрики. Вып. 1-й. Спб. 1900 г. Стр. 194 + II.

Ни въ чемъ такъ не нуждаются архивы и изслѣдователи сырого матеріала, какъ въ описяхъ. Важнѣйшій изъ архивовъ для западно-русской исторіи—Литовская метрика, хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, до сихъ поръ еще не описана, не смотря на то, что изъ нея все чаще и чаще черпается матеріалъ для монографій по разнымъ историко-юридическимъ вопросамъ областной исторіи. Удовлетвореніе этой настоятельной нуждѣ взяла на себя Археографическая (Спб.) Коммиссія. Въ XI вып. „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи“ она печатаетъ древнѣйшія описи Литовской метрики въ виду того, что эти описи точно и обстоятельно знакомятъ съ содержаніемъ актовъ, входящихъ въ книги метрики. Въ настоящемъ выпускѣ напечатаны пять описей:

1, Девятой книги судебныхъ дѣлъ 1533—40 гг.
2, Десятой „ „ „ 1540 г.
3, 77-й „ „ „ 1605—1607 гг.
4, 86-й „ „ „ 1619, 1620 и 1622 гг.
5, Третьей книги записей 1440—1495 гг.

Опись 86-й книги наиболѣе бѣдна данными; въ ней мы находимъ указаніе только на лица; предметы-же судебныхъ дѣлъ нигдѣ не означены, а въ нихъ-то вся важность и описи и самого акта.

Описи сопровождаются превосходнымъ указателемъ лицъ, мѣстъ, предметовъ и рѣченій, составленнымъ по особому плану, съ обозначеніемъ фактовъ при именахъ и значенія при рѣченіяхъ.

Описи напечатаны славянскимъ шрифтомъ буква въ букву, знакъ въ знакъ, что вполнѣ приближаетъ ихъ къ подлиннику. Эта по-истинѣ тяжкая работа надъ возстановленіемъ подлинника въ печати и надъ составленіемъ весьма обстоятельнаго (и въ археографическомъ отношеніи вполнѣ образцоваго) указателя принадлежитъ неутомимому, давно пріобрѣвшему себѣ вполнѣ заслуженную почетную извѣстность, правителю дѣлъ Коммиссіи П. А. Гильтебрандту.

„Старинныя описи“ недавно вышли въ свѣтъ отдѣльными оттисками.

Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть III-я: документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Изданіе Императ. Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Москва 1900 г. Стр. III+394.

Въ IX-й книгѣ „Чтеній“ нашего Общества былъ уже представленъ г. И. Каманинымъ разборъ. вышеозначеннаго труда г. Оглоблина. Настоящая часть составлена г. Оглоблинымъ потому же плану и съ такою же старательностью и умѣньемъ, какъ и двѣ первыя части. Въ настоящую входятъ отписки и грамоты воеводскаго управленія въ приказъ (гл. XX); административныя дѣла (гл. XXI); дѣла о ссыльныхъ людяхъ (часто малоруссахъ, гл. XXII); хозяйственныя дѣла (гл. XXIII); челобитныя дѣла (гл. XXIV); дѣла о злоупотребленіяхъ служилыхъ и друг. людей (гл. XXV); дѣла сыщиковъ, купчинъ (между прочимъ по малороссійскому торгу), полковъ, коммиссій и проч. (гл. XXVI); въ приложеніи помѣщены указатели книгъ и обозрѣнія дѣлъ. Южно-русскому историку настоящая книга даетъ много указаній на матеріалъ для изслѣдованія различныхъ вопросовъ политическаго и экономическаго характера; въ концѣ книги находится указатель входящихъ въ нее личныхъ и географическихъ именъ.

Достоинства труда г. Оглоблина оцѣнены и Император. Академіей Наукъ, присудившей автору полную премію.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

въ 1901 году

(20-ый годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами въ 12 и болѣе листовъ въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а ровно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна **10** руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ — **8** руб. **50** к.; за границу — **12** руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по **1** руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина" (Тарасовская, № 15), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина" (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины".

Издатель **К. М. Гамалѣй.**

Редакторъ **В. П. Науменко.**